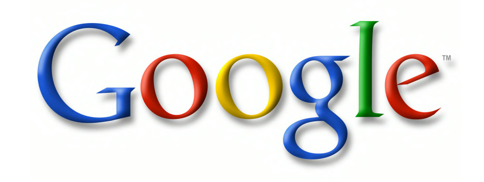

5p. —

TREDIAKOVSKII

"SOCHINENIIA
I
PEREVODY"

СОЧИНЕНІЯ
И
ПЕРЕВОДЫ
какъ
стіхами
такъ и
прозою

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Імператорской Академіи наукъ
1752 года.

СОЧИНЕНІЯ
И
ПЕРЕВОДЫ

какъ

стіхами

такъ и

прозою

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Імператорской Академіи наукъ
1752 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Въ самомъ началѣ сихъ моихъ трудовъ предлагается вамъ, благосклонный Читатель, Наука о Стихотворенiи и Поэзiи, сочиненная отъ Боало Депрео, Францусскаго славнаго Сатирiка. Послѣ Горацiевы Эпистолы о тойже матерiи къ Пiзонамъ, римскимъ знатнымъ особамъ, сiя Депреова почитается искусными за верьхъ совершенства въ семъ родѣ. И поистиннѣ, все что ни сочинялъ Боало, есть исправное и удивителное; но Наука его Пiитическая, кажется, предъ всѣмъ находится превосходная, какъ въ рассужденiи состава Стiховъ, и чистоты языка, такъ и въ рассужденiи порят-

ка, и правилъ въ ней предлагаемыхъ. Съ другой стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она изъ самаго чистаго источника, а именно, изъ помянутыя Флакковы Эпістолы. Въ сей взялъ мой Авторъ не токмо планъ, но и по самой большой части изображенія; а правила всѣ безъ изъятія: симъ токмо отличается послѣдній отъ перваго, что переднее Римское иногда есть заднее Французское, и что пространнѣйшее во Французскомъ, чтется на нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеннѣйшее въ Латінскомъ писателѣ, и вопреки. Впрочемъ, коль Подлинникъ есть неподражаемымъ, толь и Списокъ: Оба изъ сочинителей на своемъ языкѣ Авторы, хотя и обоимъ былъ празднѣйшій предводитель, Латінскому Греческій Арістотель въ Наставленіяхъ своихъ о Поэзіи, а Францусскому Латінскій Горацій; и потому оба велики, что у обоихъ были предъ очами образцы всесовершенныи въ томъ.

Чтожъ до меня; Францусскую боало-Депреову Науку, какъ большей части читателей извѣснѣйшую, составилъ и я нашими Стіхами; а для показанія всѣмъ, что боало-Депрео всена-все взялъ изъ Гораціевы, не оставилъ

вилъ я и сея, и положилъ ея послѣ, но токмо Прозою. Довольно Стіховъ для чтенія и въ четырехъ Пѣсняхъ боаловыхъ: но въ различеніе тояжъ самыя матеріи, рассудилъ я, что одно, которое нибудь изъ сихъ сочиненій, лучше представить Прозою. Палъ жребій судомъ моимъ, чтобъ Гораціевои Эпістолѣ быть свободнымъ, а боаловой Наукѣ заключеннымъ словомъ, и предшествовать. Причина сему, не убѣжаніе отъ трудности, коя въ обоемъ случаѣ велика, но токмо мое произволеніе: могла и Горацева также быть составлена Стихами; могли и обѣ предложиться Прозою. Однако мнѣ показалось пристойнѣе, чтобъ одно предъизъявляло важность токмо правилъ въ подтвержденіе ихъ въ другомъ; а сіе другое, представляя прежде тужъ самую твердость, услаждалобъ притомъ и мѣрою и Ріѳмою, и чрезъ тобъ больше предуготовило разумы къ внятію ихъ въ послѣднемъ: итакъ, другое сіе преимущество присудилъ я боало-Депреову Сочиненію. Сего главныи раздѣлы различилъ я между собою не одними пространнѣйшими пробѣлами, но еще и Стопою Стіха Гексаметра: ибо, первую Пѣснь воспѣвъ Іамбіческимъ Стіхомъ,

хомъ, вторую пою Хореическимъ; равнымъ образомъ и третiю съ четвертою Пѣснiю попремѣнамъ. Не оставляю вамъ донесть, благосклонный Читатель, и сiе, что каждый боаловъ Стихъ, изображается каждымъ же моимъ однимъ; такъ что, сколько у боало во всякой Пѣсни, и во всѣхъ четырехъ, Стиховъ, столькожъ и у меня во всемъ томъ составѣ: сiе подлинно весьма трудно, но силъ человѣческихъ не выше.

Какъ то ни есть; токмо признаваю съ болѣзнiю сердца, что сiе самое донесенное теперь вамъ, благосклонный Читатель, которое казалось бы долженствовавшимъ приносить мнѣ честь за подъятiе труда, и за обогащенiе нашего языка тѣмъ, чему у насъ давно быть надлежало, и еще при самомъ начатiи словесныхъ Наукъ, напротивъ того скорояе можетъ обратиться въ причину укоряе можетъ обратиться въ причину укорiзны и похуленiя. Различныхъ пристрастiй языки не преминутъ, можетъ быть, разглашать слѣдующее: 1) Возможно ли статься, чтобъ переводныи Стихи съ Стиховъ могли быть столькожъ хороши, сколько подлинныи, для того что и Прозаическiй переводъ теряетъ много силы и красоты предъ подлинникомъ, не то что Стихи? 2.) Да накъ сему Пiитическому переводу быть притомъ и хорошему, потому что Трудившiйся упо-

употребилЪ тужже Хорейческiй ГексаметрЪ, который токмо нѣженЪ, а не одинЪ Iамбическiй, кой есть высокЪ и благороденЪ.

Весь сей вопль, кто услышитЪ издали, тому онЪ можетЪ либо послышаться основательнымЪ; но приложившаго ближе кЪ нему свои слухи, сдваль онЪ вЪ состоянiи обольстивЪ оглушить: онЪ ни пошлыя не имѣетЪ твердости. ЧтожЪ бы сiе вамЪ, благосклонный Читатель, изЪяснить; то прошу васЪ, не поскучить читая слѣдующее.

Да твердятЪ стремящiися, что переводныи Стiхи сЪ СтiховЪ не могутЪ быть хорошими: но и да знаютЪ, что сiе произглашаемое вобще, и безЪ всякаго изЪятiя, есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими обрасцами. Извѣсны Аратовы Феномены, сочиненныи Греческими Стихами. Сiи всѣ переведены на Латiнскiй языкЪ Стiхами жЪ отЪ Цiцерона. Перевода сего видимЪ мы многiи Отрывки изЪ егожЪ ЦицероновыхЪ книгахЪ, названныхЪ обЪ естествѣ боговЪ. КаковЪ же видомЪ сей переводЪ? Пускай прочтется токмо оный ОтрывокЪ, который начинается,

E quibus hunc subter possit cognoscere fultum,

и вЪ коемЪ находится 475 СтиховЪ, то есть,

то есть, довольно для чувствованія сладости, и на усмотрѣніе великолѣпія въ переводѣ: но я не знаю, могъ ли быть толь изряденъ са́мый Подлинникъ Ара́товъ, коль Переводъ Цицероновъ. Теренцій Латинскій Комическій Піитъ кому невѣдомъ, за неподражаемое свое искусство въ изображеніи нравовъ, за точное слѣдованіе естеству, за неухищренную простоту, за красную и нѣжную чистоту языка, и словомъ за все, такъ что никто къ нему ближе подойти, и съ нимъ сверстаться не могъ въ Римѣ? Одна изъ его Комедій названная ЕВНУХЪ, въ тотже са́мый день дважды была представлена, поутру и ввечеру, чего еще по то время тамъ отнюдь никогда не бывало. Но Теренцій всѣ свои Комедіи перевелъ Стіхами съ Греческихъ Менандровыхъ. Цицеронъ объ немъ говоритъ, въ нѣкоторой изъ своихъ Поэзій, прозменованной * ЛУГЪ слѣдующее: (*) „И ты также Теренцій, коего стиль есть толь исправ„венъ,

* Λειμών

(*) Tu quoque, tu ſolus lecto ſermone, Terenti,
Converſum expreſſumque latina voce Menandrum,
In medio Populi ſedatis vocibus effers,
Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.

„венъ, и толь исполненъ сладости, ты намъ „переводишь и совершенно выражаешь Менандра, „да и даешь ему говорить съ несравненною сла„достію римскимъ языкомъ, избирая все, что „есть самое нѣжное и сладосное.„ Подлинно, всѣ искусныи утверждаютъ, что Теренцій изъ Переводчика съ Греческихъ Стіховъ, здѣлался Подлинникомъ въ своихъ Латінскихъ! Кто скажетъ, говоря о новѣйшихъ съ Стіховъ Переводчикахъ, что Французскіи стіхи съ Аглінскихъ Попоьыхъ о нравственной Матеріи худы? Я не умѣю по Аглински: но читая Французскій переводъ, чувствую, какъ и многіи другіи читатели, всю сладость и твердость Подлинника: а сіе самое и показываетъ достоинство Перевода. И хотя исправность Переводажъ, здѣланнаго Португалскимъ Графомъ Эріцейрою сей самой боаловой Наукѣ, которую я нынѣ перевелъ по нашему, намъ почитай всѣмъ неизвѣсна; однако самъ Авторъ чрезвычайно похваляетъ оный въ письмѣ къ помянутому Графу: тогоради, должны мы повѣрить такому Свидѣтелю, и Эріцейринъ переводъ Стіхамижъ положить достойнымъ и Автора и Переводчика. Можно впрочемъ многихъ превосходныхъ привесть изъ новыхъ Переводчиковъ съ Стіховъ Стіхами, можно и

о Сегрѣ

о Сегреѣ утвердить, что онъ Латінскую Энеіду перевелъ Французскими Стіхами преизрядно. Корнелій премного переводилъ съ Латінскихъ: Расінъ еще и больше съ Греческихъ и съ Латінскихъ; что самое дѣлали и другіи изъ Французовъ. Самъ боало-Депрео въ томъ числѣ изъ первыхъ. Но всѣ они то здѣлали, и нынѣ другіи подобно дѣлаютъ, съ довольною, и еще съ великою похвалою.

О Прозаіческомъ переводѣ съ Прозы, я ужé и упоминать боюсь: задавитъ меня неисчетный полкъ достойныхъ и великихъ Переводчиковъ, тѣснясь предстать ко мнѣ, какъ хотящему ихъ по именамъ перекликать. Тогоради, не упоминаю объ Абланкурѣ переведшемъ Мінуція-Фелікса, Таціта, четыре Цицероновы слова, Луціана, Отшествіе десяти тысячъ Грековъ изъ Ксенофонта, Арріана объ Александровой войнѣ, Извѣстія Цесаревы, Туцідіда, Греческую Ксенофонтову Історію, Апофтегмы древнихъ, Стратагемы Фронтіновы, и прочая. Не говорю объ Амелотѣ дела Гуссеѣ; о Лудовікѣ Жірѣ; о самомъ Депрео преложившемъ съ Греческого Лонгіна о высотѣ мыслей и слога. Умолчеваю также о Дасіерахъ,

мужѣ

мужѣ и женѣ, претолковавшихъ съ Греческаго Плутарховыхъ славныхъ мужей, и Гомера; съ Латинскаго, Горація, и частію Плавта. Не привожу Аббата беленжера, здѣлавшаго съ Аглінскаго переводъ житіямъ, Энееву, Туллову-Гостіліеву, Арістоменову, Тарквініеву кой старшій, Юніеву Брутову, Гелонову, Кірову, и Язонову. Не воспоминаю и о Лімiерѣ, переведшемъ Плавтовы Комедіи, а нѣкоторые и Стіхами; также и объ Iезуітѣ Сандонѣ всѣ дѣла́ Гораціевы; ни притомъ еще о премногомъ множествѣ, и почитай неисчислимомъ, а о всѣхъ совершенныхъ и достохвальныхъ. Одного съ меня довольно Вожласа, который одинъ между толь многими свѣтилами на подобіе солнца; а перевелъ онъ на свой языкъ Квінта-Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александромъ великимъ. Но какъ? такъ, что и доднесь въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучшель Курцій Латінскій Французскаго Вожласова, или Вожласовъ Французскій лучше Курція Латінскаго: тоесть, не могутъ прямо опредѣлить, Подлинникъ ли совершеннѣе Перевода, или Переводъ Подлинника. Правда, я сію похвалу Вожласу всегда почиталъ

и по-

и почитаю за пребезмѣрную, для того, что вижу въ ней чрезвычайное и самохвальное пристрастіе народа къ своему одноземцу. Роллень одинъ изъ всего того народа назвалъ справедливѣе, для того что воздержнѣе, Переводъ Божласовъ преизряднымъ только: сіе случилось ему здѣлать при концѣ вступленія въ шестый Томъ древнія своея Історіи, который и самъ по большой части былъ во всей той Історіи токмо преизрядный же Переводчикъ то съ Греческаго, то съ Латінскаго, а часто еще и Копіістъ съ Французсскаго по Французсскимъ. Какъ то ни есть; токможъ сіе непреодолѣемо доказываетъ, что Вожласовъ переводъ есть превосходный, что тмы находятся Переводчиковъ Прозаїческихъ съ Прозы са́мыхъ добрыхъ, исправныхъ, и такихъ, которыхъ переводъ не токмо не теряетъ ничего силы и красоты предъ Подлинникомъ, но еще иногда нѣсколько ихъ Подлиннику придаетъ, а иногда и равняется съ высотою онаго, и что доводъ отъ меньшаго, какъ называютъ, къ бо́льшему; [тоесть, понеже переводъ Прозы много бываетъ ниже подлинника, то кольми паче переводъ съ Стіховъ Стіхамижъ] есть не весьма основателенъ,

чтобъ

чтобъ не сказать больше и справедливѣе.

Я за потребно рассуждаю предложить здѣсь теперь главнѣйшіи КРІТЕРІИ, тоесть неложныи знаки добраго Перевода Стихами съ Стїховъ. И вопервыхъ надобно, чтобъ Переводчикъ изображалъ весь разумъ содержащійся въ каждомъ Стїхѣ: чтобъ не опустилъ силы находящіяся въ каждомъ же: чтобъ тожъ самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ: чтобъ сочинилъ оный въ подобной же ясности и способности: чтобъ слова были свойственны мыслямъ; чтобъ они не-были барбарісмомъ опорочены; чтобъ Грамматическое сочиненіе было исправное, безъ Солецісмовъ, и какъ между Ідеями, такъ и между словами безъ прекословій; чтобъ наконецъ составъ Стїха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ Затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не-было; гладкость бы вездѣ была; вольностей бы мало было, ежели невозможно безъ нихъ обойтись; и сколько возможно чащебъ богатая Рїема звенѣла полубогатыя, безъ наималѣйшаго поврежденія смыслу, и ежели находятся еще какіи послѣшествующіи добропѣ перевода. Впрочемъ, къ сему не всеконечно тре-

требуется, чтобъ въ Переводѣ быть тѣмже самымъ словамъ, и столькимъ же: сіе многократно, и почти всегда, есть выше человѣческихъ силъ: но чтобъ были токмо равномѣрныя, и конечно съ тѣми точно самыми Ідеями.

Итакъ, ежели кому дадутся перевесть слѣдующіи напримѣръ Волтеровы Стіхи изъ его Меропы.

Quand on a tout perdu, quand on n' a plus d' eſpoir,
La vie eſt un oprobre, la mort eſt un devoir,

а тотъ ихъ и переведетъ симъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Ужé поносна жизнь, оставить должно свѣтъ;

то возможноль безъ несправедливости сказать, что сей Переводъ худъ? Онъ такъ исправенъ, какъ всякому искусному видимо, что почитай тѣмижъ самыми состоитъ словами, не то чтобъ въ немъ быть какому прекословію. Или также, буде дастся сему Переводчику перевесть сей Горацiевъ Стiшокъ изъ несравненныя его третiея Оды, книги третiеяжъ,

Iuſtum et tenacem propoſiti virum,

такъ, чтобъ переводу быть Гексаметрами, въ двухъ Стiхахъ, и содержать бы цѣлый разумъ, тоесть, чтобъ сей Стiхъ изображалъ слѣдующій смыслъ, Мужъ правосудный, есть непоколебимъ въ намѣреніи своемъ, (какъ то и праведно,

дляшого что швердое стояніе въ своемъ чемъ нибудь безъ справедливости, есть упрямство, а не постоянство] а топъ и переведешъ его такъ,

Мужъ праведно творяй судъ купно милосердо,
Въ похвальнѣйшихъ стоитъ намѣреніяхъ твердо;

то какъ не утвердить, по самой истиннѣ, что Переводчикъ удовольствовалъ требуемое отъ него? Онъ точно изобразилъ Гораціевы мысли; а нѣсколько ихъ обогащая, не помѣнилъ за нихъ противнаго разума словами.

Того ради, все такое разглашеніе можетъ токмо до меня одного коснуться, а не обще до всѣхъ, и не до превосходныхъ Переводчиковъ съ Стиховъ Стихами. Но впрочемъ, я въ крайнемъ по сей причинѣ нахожусь затрудненіи, не зная отнюдъ, что, и какъ бы мнѣ должно было за себя на сіе отвѣтствовать. Ежели предложить нѣчто умѣренно; то какъ непріязнь страстей не заслужила умѣренности, такъ и умѣренность не весьма къ тому преклоняетъ, чтобъ словамъ моимъ повѣрить: но еслибъ представить что нибудь живяе; то смѣлость такая, и самая малая, бываетъ всеконечно доса-

дна, а представляющему предосудительна. Инакъ, я оставляю опредѣлять о Ритмическомъ моемъ Переводѣ беспристрасным и справедливымъ. Да находятъ они, буде угодно, что такой мой Переводъ согласенъ ли нѣсколько съ Критеріями добраго Перевода, отъ меняжъ здѣсь предложенными; и да рассмотрѣваютъ, (*) „большель въ „немъ покажется хорошаго, нежели „неподтверждаемаго, дабы удостоиться „ся ему нѣкотораго снисходительства„: я въ глубокомъ о себѣ молчаніи пребываю, вѣдая, что такіи голосы по большой части происходятъ то отъ незнанія, то отъ наперсничества, то наконецъ отъ недоброхотства.

Между тѣмъ, дабы очистить второй пунктъ, увѣряю, что не для того мой Переводъ долженствуетъ быть недостаточнымъ, что я употребилъ путь Хореіческій Гексаметръ при Іамбіческомъ. И поистиннѣ, я не токмо стою въ моемъ мнѣніи, что всякая Стопа сама въ себѣ

(*) Verum vbi plura nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis. .

Horat art poet. v. 351.

въ себѣ ни благородна, ни нѣжна́, но по рѣчамъ, какими она состоитъ имѣетъ, будетъ или нѣжна́, или благородна, но еще и подтверждаю теперь оное слѣдующимъ, что не можетъ, какъ мню, всякому быть не чувствительно: ибо примѣръ есть краткимъ путемъ, а рассказываніе всякоежъ долгимъ. Здѣлаемъ какой нибудь Стишокъ состоящій Іамбами и Хореями въ одной матеріи и мѣрѣ; и посмотримъ, который изъ нихъ будетъ благороднѣе. Напримѣръ, да будетъ сей Тетраметръ Іамбіческій женскій,

Я лѣтомъ грому опасаюсь;

а Хореическій сей также Тетраметръ, и женскій же,

Лѣтній громъ, мнѣ страхъ и трепетъ:

ясно, что оба сіи Стіха одну имѣютъ мѣру, одно и тожъ содержаніе, токмо Стопу различную; первый составленъ Іамбомъ, а другой Хореемъ. Но беспристрасныи бесспорно и чувствуютъ притомъ, что вторый громче. Однакожъ, какъ мнятъ, первому Стіху надлежитъ быть благородному, а другому нѣжному. Напротивъ того, Арістотель назвалъ Стопу Іамбъ, какъ

то Квинтій тамъ свидѣтельствуетъ, нѣжною, Iambus humanior videtur. Посему надобно, чтобъ, по Аристотелеву, Хорею быть благороднымъ. Впрочемъ Горацій Піитъ величаетъ Iамбъ громогласнымъ, populares vincentem ſtrepitus Вотъ же одна и такжь сама́я Стопа́ по Философски людскости исполнена, а по Піитически Громогласіемъ, и слѣдовательно пышностію воспрославлена. безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ польза хотѣлабъ, чтобъ вѣрить въ томъ больше Піиту, нежели Философу. Но я хотя и твердое основаніе имѣю сказать, что достовѣрнѣе въ семъ Философъ Піита, для того что тотъ больше слыхалъ на своемъ языкѣ звонъ Iамбовъ, а сей взялъ и пра́вила свои у того; однако утверждаю, что тому и другому должествуемъ токмо попускать такъ говорить, потому что они сказали, а всеконечно утверждаться на ихъ мнѣніи не должно, или обоихъ ужé ихъ надлежитъ между собою согласить говоря, что Громогласіе у Горація значитъ Людскость въ Iамбѣ, которая у Аристотеля. Ибо симъ са́мымъ ихъ прекословіемъ доказывается мое мнѣніе, что никоторая изъ тѣхъ Стопъ не имѣетъ сама по себѣ и собственно

въ ошли-

въ отличный Характеръ, ни благородства, ни нѣжности, но нѣжна́, или благородна та и другая по словамъ; да и са́мымъ опытомъ мнѣніе мое подтверждается довольно.

Говорятъ: тѣмъ есть благороденъ Іамбъ, что онъ съ низу на верьхъ возносится; а Хорей для того нѣженъ и умиленъ, что сверьху на низъ упадаетъ. Но я доношу, что сіе есть пустое, и ничего не доказывающее: ибо не можно меня никому, ничемъ, и никогда выбить изъ сихъ шанецъ, чтобъ такъ сказать, а именно, ежелибъ сіе было праведно, тобъ Гомеръ Греческій, и Латинскій Виргилій, два Пиита, коихъ матери нѣтъ во всей Поэзіи благороднѣе и выше, какъ Эпическія, не писали своихъ Поэмъ Дактилоспондаическими Стихами, кои съ верьху на низъ упадаютъ подобно Хореическимъ, но употребилибъ Анапестотрихическія, которыи съ низу на верьхъ восходятъ, ра́вно какъ Іамбическія. Не могу не донесть: нѣкто изъ искусныхъ людей, чувствуя, что сіе мое доказательство, приведенное въ Извѣстіи, положенномъ предъ тремя Парафрастическими Одами 1744 года, есть непреодолѣмое,

попытался тѣмъ оное въ слабость привесть, что у помянутыхъ Піитовъ Количество слоговъ есть несходное съ нашимъ, а именно, не Тоническое, которое состоитъ въ возвышеніи и пониженіи голоса, но временемъ мѣряющееся, тоесть, состоящее въ продолженіи и сокращеніи человѣческаго произношенія. Слѣдовательно, по его, ихъ Стіхи съ верьху на низъ не падаютъ. Замолчать бы мнѣ надлежало, когдабъ сіе заключеніе было твердое и праведное. Но по щастію, тщетная его попытка, длятого что не можетъ она получить себѣ чаемаго успѣха. Такъ слѣдовательно, я возражаю, или они у нихъ съ низу на верьхъ возносятся, или все по одной прямо и вровень степени катятся, ибо изъ сихъ двухъ которому нибудь быть должно, когда нѣтъ того третіяго? Но то и другое безмѣсное, какъ всеконечно ложное. Подлинно, и бесспорно, съ верьху на низъ они упадаютъ, длятого что са́мый первый слогъ Стіха всегда есть у нихъ долгій, и всегда, внятно извольте слушать сіе, на вышней Степени, какъ буттобъ онъ былъ всегда ударяемый, какъ то по са́мой большой ча́сти и есть ударяемый; чему я въ своемъ мѣстѣ предложу достовѣр-

стовѣрный и очевидный образецъ, музыкальными Нотами изображенный. Того ради, мню, всякому довольно есть ужé чувствительно, что мой Переводъ не для того долженствуетъ не хорошимъ быть, что я употребилъ Хореіческій Гексаметръ поперемѣнно съ Іамбіческимъ. Но смѣю сказать, что еще я и очень хорошо то здѣлалъ для различія, которое всегда услаждаетъ: а дерзаю и сіе утвердить, что Хореіческій Стіхъ, при нѣжности своей, приписываемой ему, столькожъ благороденъ и высокъ, сколько и Іамбіческій, буде ужé не можно преклонить вѣрить, что Хореіческій Стіхъ есть сроднѣе нашему языку; такъ что въ самомъ Іамбіческомъ Стіхѣ женскомъ, Ріѳма сáмая полная, и ничемъ какъ не преизобилующая, такъ и не оскудѣвающая, падаетъ не Іамбомъ, но Хореемъ.

Донесено ужé вамъ мною, благосклонный Читатель, что по Боаловой Наукѣ увидите вы здѣсь Гораціеву Эпистолу Прозою. По сей положилъ я способъ о составленіи нашихъ Стіховъ. Онъ есть исправленіе и дополненіе того, который выданъ на свѣтъ въ 1735 годѣ.

Я рассудилъ, что, говоря съ Гораціемъ и Боаломъ о разныхъ родахъ Поэзіи, надобно поговорить и о сложеніи Стіховъ, кои по большой части нынѣ издревле употребляетъ Поэзія. Но не оставилъ я потомъ предложить вамъ мнѣніе мое и о Первоначаліи Поэзіи, и Стіховъ вобще: оно мнѣ показалось вѣроятнымъ; а окончилъ я первый Томъ (*) сихъ моихъ трудовъ письмомъ къ Пріятелю о нынѣшней пользѣ Гражданству отъ Поэзіи, и нѣсколькими Эзоповыми басенками, выбранными изъ Прозаіческихъ Латінскихъ Камераріевыхъ, и сочиненными, для опытка, некудреватыми Стіхами. басенки Эзоповы, не знаю что такое въ себѣ пріятное имѣютъ, которое тотчасъ при пер-

(*) Всю сію книгу раздѣлилъ я на-два Тома. Первое для того, чтобъ небольшимъ Книжкамъ, для Юношества по большой части сработаннымъ, способнѣе въ рукахъ читающихъ обращаться. Второе, чтобъ матеріямъ нѣсколько чрезъ то между собою различиться, и симъ различеніемъ различнымъ сличиться: ибо всѣ онѣ несоединенные, и состоящіе изъ разныхъ содержаній, такъ что едва которое съ другимъ имѣетъ сходство.

первомъ взглядѣ мечется въ глаза́, и сердце услаждая поражаетъ; а еще онѣ становятся пріятнѣе, когда со-ставлены Стихами: кажется что Стихъ, или уже́ простинкій и гладенькій Стихъ, для нихъ токмо и здѣланъ. Ролленъ, при концѣ втораго То́ма древнія Істо-ріи, слѣдующее о сихъ басенкахъ говоритъ. „ Надобно, чтобъ басни, по-„ тому что онѣ обще отъ всѣхъ при-„ няты народовъ, какъ то мы всегда ви-„ димъ, укрывали великіе истинны оною „ нерадѣтельною простотою, которая „ есть ихъ свойство! И поистиннѣ, „ Творецъ, хотя научить человѣка зрѣ-„ лищемъ са́маго естества, далъ жи-„ вотнымъ различные склонности и свой-„ ства, дабы всѣ онѣ были вмѣсто „ сокращенныхъ изображеній различнымъ „ должностямъ, которые надлежитъ „ ему исполнять; и также вложилъ „ въ нихъ добрыя и худыя качества, „ которыхъ ему должно искать, или „ отъ нихъ отбѣгать. Итакъ, изобра-„ зилъ онъ чувствительное Подобіе ти-„ хости и простоты въ Агнцѣ; вѣрно-„ сти и дружбы во Псѣ: напротивъ „ того, наглости, хищенія, жестоко-„ сти въ Волкѣ, во Львѣ, въ Тігрѣ, и „ такимъ образомъ въ прочихъ; да и

„ восхотѣлъ учинить наставленіе и тай-
„ ную укоризну человѣку, ежели онъ не-
„ чувствителенъ въ себѣ къ такимъ каче-
„ ствамъ, которыхъ ему невозможно не
„ любить, или не гнушаться ими въ са́-
„ мыхъ животныхъ. Сей есть нѣмый
„ языкъ., который всѣ народы разумѣ-
„ ютъ; и сіе чувство изображено въ
„ природѣ, кое всякъ въ себѣ имѣ-
„ етъ „

Вторый Томъ начатъ рѣчїю, которая говорена къ Членамъ бывшаго при Академіи Наукъ Россійскаго собранія, во время перваго ихъ засѣданія, прошедшаго 1735 года, Марта 14 дня. Рѣчь сія есть о чистотѣ нашего языка. За сею слѣдуютъ Оды похвальные и привѣтственные; а за сими божественные, преложенные какъ съ Псалмовъ Давідовыхъ, такъ и Пророческихъ Пѣсней: всѣ онѣ положены порядкомъ временъ, въ кои сочинены. Въ са́мой срединѣ находится слово о терпѣніи и не́терпѣливости, удостоенное нѣгдѣ славнаго награжденія за Краснорѣчіе. Пото́мъ нѣсколько штукъ Строфами о разныхъ матеріяхъ. Слѣдуетъ паки Проза, а именно, разсужденіе о Комедіи вобще, въ которомъ доказывается, что нынѣшняя

Европей-

Европейская Комедія, есть шокмо благополучное подраженіе Древней Греческой, и той еще не Арістофановой, но Менандровой. После сего, представлено несколько Стіховъ изъ Аргеніды, сочиненныхъ нашимъ образомъ и Римскимъ, дабы беспристрасньмъ охотникамъ видѣть, который родъ Стіхотворенія есть благороднѣе и естественнѣе. Еще положена посихъ рѣчь, говоренная въ Академіи. Засею нѣсколько переводныхъ Стіховъ нашимъ способомъ какъ съ Латинскихъ, такъ и съ Французскихъ. Конецъ увѣнчанъ Плачемъ, нашимижъ Стіхами, о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя ІМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Самодержца Всероссійскаго, Отца Отечествія, сочиненнымъ, ужé тому двадцать седмь лѣтъ, но исправленнымъ, и послѣднимъ стараніемъ вычищеннымъ.

Будете вы здѣсь читать, благосклонный Читатель, многіе штуки составленные Стіхами, которые ужé были выданы однажды на свѣтъ, и изъ коихъ инымъ также есть лѣтъ съ двадцать, меньше и больше. Но сюда они паки внесены всѣ въ новомъ и исправленномъ видѣ предъ прежнимъ. Нѣкоторые изъ

оныхъ

оныхъ не имѣли Стопъ; иные были безъ Сочетанія, а иные и слова и рѣчу не весьма исправную представляли. Все сіе здѣсь, по возможности, въ лучшее приведено состояніе, и новымъ, да и послѣднимъ, трудомъ выяснено и исправлено. Не таюсь: прежде, какъ я началъ по Тоніческому Количеству Стопы вводить въ наши Стіхи, былъ я таковa мнѣнія, что Стопами должно было состоять Стіхамъ Гексаметру и Пентаметру; прочимъ бы быть безъ Стопъ, и всѣмъ, кромѣ пѣсенныхъ на чужіи голосы, безъ Сочетанія; хотя о семъ и упомянулъ я прежде всѣхъ изъ нашего народа, и далъ охотникамъ знать, не токмо въ чемъ оно состоитъ, но еще и имя сіе оному наложилъ. Однако, по долгомъ и зрѣломъ послѣдующемъ рассужденіи и размышленіи, удостовѣрился собственнымъ доказательствомъ себѣ, что какъ большимъ, такъ и малымъ Стіхамъ должно необходимо состоять Стопами, для того что ничемъ другимъ Прозаіческій членъ Періода не можетъ различиться отъ Стіха, какъ токмо, что членъ Періода имѣетъ безразборныя ударенія слоговъ, а Стіхъ опредѣленныя по извѣснымъ мѣстамъ чрезъ одинъ, или чрезъ два слога

га

га неударяемыи; что са́мое и составляешъ наши Стопы, изъ которыхъ иные удареніемъ начинаются, а иные оканчаваются онымъ: тоесть, что существенная разносшь Стиховъ отъ Прозы, есть точно Стопы, опредѣленнымъ образомъ между собою въ Стихѣ совокупленные; а что, съ другой стороны, Сочетаніе есть преизрядное украшеніе Стихамъ, для того что оно различаетъ женскую Ріему, впрочемъ лучшую, отъ мужескія наполняющія слухъ нашъ не столько, сколько первая, и тѣмъ са́мымъ дѣйствительнѣе слухъ услаждаетъ, не смотря на то, [для того чтобъ дѣло дошло у насъ до четыресложныхъ, пятисложныхъ, и далѣе, Ріемъ, которыхъ въ удареніяхъ на́шихъ также премного, какъ и односложныхъ] что многихъ бы мы звонкихъ односложныхъ Ріемъ лишились.

Оканчиваю съ вами, благосклонный Читатель, говоря Ролленовыми * словами, что исправленіе такое первымъ погрѣшностямъ хотя не весьма есть пріятно самолюбію; но можетъ учинить знатную пользу охотникамъ, дѣлая Сочиненія не толь недостаточны. И поистиннѣ, во всякомъ

* том. 3 въ предув. домлении.

комъ родѣ Писаній, ра́вно какъ въ нравоучительной Наукѣ, погрѣшенія исправленныя, и признанныя искренно и необиновенно, отъ всѣхъ предаются забвенію, или лучше, нѣтъ ихъ самихъ, и слѣдовъ уже́ не находится.

НАУКА

О

СТІХОТВОРЕНІИ И ПОЭЗІИ

съ Французскихъ Стіховъ

БОАЛО-ДЕПРЕОВЫХЪ

СТІХАМИЖЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ВОтщé трудится всякъ продерзостный Писатель
Достичь до высоты, и быть Стiховъ издатель;
Когда въ него съ небесъ духъ тайно есть не влитъ,
(1) Когда въ свѣтъ не рожденъ звѣздою онъ Пiитъ:
Природный смыслъ его всегда и тѣснъ и скуденъ,
Фебъ для него есть глухъ, и Пéгасъ также труденъ.
О! вы, которы толь, горя́ такимъ огнемъ,
Стáраетесь о томъ и нощiю и днемъ,
Не рвитесь посему бесплодно надъ Стiхами,
Ни емлите за смыслъ охоту пѣть стопáми:
Обмана бойтесь, коль къ томубъ онъ ни манилъ,
И рассмотряйте умъ, способность рáвно силъ.
Преславныхъ въ естествѣ умовъ премного зрѣтъ;
Таланты раздѣлять Писцамъ оно умѣетъ.
Тотъ можетъ описать къ любовнымъ жаръ играмъ;
А склонность вся въ другомъ до краткихъ Эпiграммъ.
Малгéрбъ превозноситъ дѣлá Героевъ силенъ;
Ракáнъ, поющъ лѣсá и пастушковъ, умиленъ.

В Но

(1) Tu nihil invita dices faciesve Minerva.
Horat. art. poet. v. 385.

Но самолюбный умъ, собою токмо льстясь,
Не знаетъ самъ себя предъ всѣми возносясь.
Такъ (*) нѣкто прежъ сего, съ Фаретомъ въ буйствѣ смѣломъ,
Чертивъ Стихъ на стѣнахъ какъ углемъ, такъ и мѣломъ,
Пѣлъ, гласа своего въ обычномъ сиротствѣ,
Бѣгущъ Еврейскій родъ чрезъ море въ торжествѣ;
И за Моисеемъ въ слѣдъ стремясь въ пустынѣ гономъ,
Спѣшитъ въ Черныхъ волнахъ погрузнуть съ Фараономъ.

Когдабъ что ни писать, хоть важно, хоть смѣшно,
Чтобъ съ Разумомъ всегда былъ Рѳмѣ заодно:
Ихъ ненависть вотще, какъ кажется, другъ къ другу;
Тому есть та раба, должна казать услугу.
Къ исканію ея трудъ надобенъ сперва,
Потомъ ту находить, привычка ужъ рѣзва:
По Разуму себя лехко та обращаетъ,
И не скудя ни чемъ, его обогащаетъ.
Но будетъ какъ въ ничто; въ упрямствѣ та кружитъ,
А Смыслъ, чтобъ ту поймать, за нею въ слѣдъ бѣжитъ.
Любитежъ Разумъ вы; твореній бы убранство
Имѣло отъ него всю драгость и пространство.

Большая часть, стремясь въ безумной слѣпотѣ,
Найти желаетъ мысль бессмыслія въ слотѣ;
Они мнятъ, что въ кривыхъ Стихахъ имъ то позорно,
Чтобъ мыслить равно такъ, какъ могъ другой обзорно.
Отъ сихъ излишествъ прочь: Италіи дадимъ,
Пусть ложнымъ блескомъ та красуется такимъ.
Да идетъ къ Смыслу все. Но чтобъ съ нимъ впрямь сомкнуться,
Весьма есть труденъ путь, и трудъ не поскользнуться;
Хоть

(*) Сентъ-Амандъ Авторъ Спасенаго Моісея.

Хоть мало кто спнбесь, тотчасъ онъ въ ровъ падетъ:
Смыслъ часто по тропѣ къ концу одной идетъ.

Матерїею тотъ наполненный своею,
Не исчерпавъ ея не расстается съ нею.
Палатыль иногда ему попались тамъ?
Онъ пишетъ мнѣ передъ; онъ ходитъ по верьхамъ;
Здѣсь ставитъ онъ крыльцо; тутъ сѣни проходныя:
Гульбище, и его балясы золотые:
На потолокахъ онъ кругъ числитъ и Овалъ (*).
Повсюду тамъ Фестонъ (**), повсюду Астрагалъ. (***)
Я, чтобъ найти конецъ, вотъ много пропускаю,
И съ скуки отъ него чуть садомъ убѣгаю.
Прочь плодность та отъ васъ: она есть безъ плода;
И да подробность вамъ не дѣлаетъ труда.
Излишное въ словахъ не вкусно есть и гадко:
Умъ отвергаетъ все, ужъ сытый, что не кратко.
Кто мѣры не позналъ, не знаетъ тотъ писать!

(а) Приводитъ часто страхъ отъ худа худшимъ стать:

В 2 Стїхъ

(*) Овалъ есть фїгура яичнаго начертанїя.

(**) Фестонъ есть званїе Архїтектурное. Онъ есть собранїе овощей и цвѣтовъ связанныхъ совокупно на одну верьвь для украшенїя: а весь сей Стїхъ есть Скудерїевъ.

(***) Званїе Архїтекторскоежъ. Онъ есть тотъ горбокъ, который бываетъ въ карнїзахъ.

(а) In vitium ducit culpae fuga, si caret arte.

art. poet. v 31

Стихъ очень тотъ былъ слабъ, ты дѣлаешь несмачнымъ.
3) Быть долгимъ не хочу, но становлюсь я мрачнымъ.
Не убранъ лишно тотъ; да нагъ въ своихъ строкахъ.
Боится подъ ать сей; такъ гибнетъ въ облакахъ.
Хотите ль заслужить, чтобъ любовались вами?
Старайтесь различать слогъ непрестанно сами;
Стилъ равный, и всегда единъ имѣяй гласъ,
Вотще блеститъ очамъ, онъ усыпитъ тотчасъ.
Читаютъ мало всѣхъ рожденныхъ скучить вдвое,
Что на одинъ напѣвъ поютъ, какъ Столповое.
Блаженъ, кому дано способность такъ имѣть,
Что можетъ въ низъ и въ верьхъ, по смѣлѣе дѣло пѣть!
Есть книга небу та и всѣмъ чтецамъ любима,
А продавцу всегда съ охотою платима
Что ни писалибъ вы, стрегитесь подлы быть:
Возможетъ низкій самъ слогъ благородно плыть.
Стиль шутовскій, презрѣвъ рассудность головою,
Сперва всѣхъ обманулъ своею новизною.
Везъ ШИЛЬЦА вонъ нигдѣ ужъ не-было Стиховъ.
Парнасскій сталъ языкъ на площади каковъ.
Катился безъ узды Стихъ вольно всякъ горохомъ;
И Аполлинъ тогда самъ сталъ быть скоморохомъ.
Проказа перешла сія вдаль къ областямъ,
Съ подьячихъ и гражданъ пристала ко властямъ.
Прескверный самый шутъ хвалу сыскалъ премногу;
И Дасусій (*) привлекъ чтецовъ къ такомужъ слогу.

Но

(3) Obscurus fio; sectantem levia, nervi
Deficiunt, animique; professus grandia, turget,
Serpit humi tutus nimium, timidusque procellae.
Ibid v. 25.

(*) Негодный Шиитъ, который перевелъ шутовскими Сти-

Но наконецъ уже то усмотрѣвши Дворъ,
Все сумозбродство сихъ презрѣлъ Стіховъ, и вздоръ:
Простое отмѣнилъ отъ смѣхотворна звона,
И въ дивность городамъ оставилъ въ вѣкъ Тіфона (†).
Чтобъ не скверниль сей складъ нимало нашихъ дѣлъ;
Намъ красота игры въ примѣръ Маротъ какъ пѣлъ:
Игрицамъ отдадимъ мы шутовство харь гнусно.
Но нейдемъ какъ Бребіофъ шедъ очень неискусно,
Въ Фарсальску брань валить на брегъ не за ничто,
„Изъ мертвыхъ мрущихъ тамъ стенающихъ горъ сто.
Вы пойте лучше Пѣснь Всѣ будьте просты дѣльно;
Весъ спеси высокій, румяны не презѣльно.
Кладите предъ чтецовъ, что любитъ общій духъ;
А къ гладкости вездѣ да строгъ вашъ будетъ слухъ.
Чтобъ смыслъ всегда въ Стихѣ, сѣкущій рѣчь собою,
Полстішію велѣлъ при знакѣ стать къ покою.

„ (**) Въ Хореѣ женскомъ, слогъ есть долгій оный знакъ;
„ А въ мужескомъ, конецъ Хорея просто такъ;

жами превращенія Овідіевы. Переводъ сей есть зборъ изображеній самыхъ подлыхъ и грубыхъ.

(†) Шутовская Поэма: Авторъ ея славный Скарронъ: Она названа Гигантомахіею. Тіфонъ въ ней есть самое главное лице.

(**) Сихъ осми Стіховъ, отмѣченныхъ двойчатками, во Французскомъ Авторѣ нѣтъ. Они сюда внесены для составленія Россійскихъ Стіховъ. О семъ будетъ предложено ниже въ способѣ къ Сложенію нашихъ Стіховъ.

„ Въ Іамбѣжъ обоемъ Іамбъ сѣчетъ художно.
„ Кто не блюдетъ сего ; тотъ падаетъ тутъ ложно.
„ Имѣющіи шесть , и пять мѣръ , тѣ сѣкутъ ;
„ Всѣ прочіи сего Стіхи ужъ не брегутъ.
„ Чтожъ не сѣченъ Іамбъ , Хорей , есть пятимѣрный ;
„ Тотъ вольностію Стіхъ и въ краткомъ всемъ невѣрный.
Смотрите, гласной такъ въ путиѣ своемъ спѣшить,
Чтобъ гласноюжъ на томъ ея не раздражить :
Есть щастіе, избрать чтобъ рѣчи сладкогласны.
Бѣжать въ літерахъ долгъ злыхъ скоповъ , тѣ бесчасны:
Хоть благородно мысль и Стіхъ изображенъ ;
Не могутъ милы быть , какъ слухъ есть раздраженъ.
Нашъ въ первы времена Парнассъ , его довольство ,
Имѣли за уставъ едино самовольство :
Строкъ Ріема на концѣ , тожъ какъ бы ни пришло ,
Въ Сѣченіе была , въ красу , и за число.
Былъ прежде всѣхъ Віллонъ, временъ кой грубыхъ въ мѣрахъ
Смѣсь стару разобралъ , притомъ въ Романціерахъ.
По немъ тотчасъ Маротъ въ цвѣтъ произвелъ Баладъ, (*)
Составилъ Тріолетъ , счеталъ въ звонъ Маскарадъ ;
Возвра-

(*) О баладахъ , Тріолетахъ , Маскарадахъ , и Рондахъ чтобъ ни читатель нашъ , ни Стіхотворецъ не изволили зоботиться много : они всѣ небольшіе штучки , собственные Французскому Стіхотворенію , составляемые опредѣленнымъ числомъ Стіховъ , ріемъ , и опредѣленными повтореніями одного Стіха. Можно ихъ , нѣкоторымъ образомъ, положить всѣ въ классъ Эпіграммъ. Впрочемъ, онѣ не безделица , но острая игра разума.

Возвращамъ онъ Рондó подвергъ опредѣленнымъ,
И новый показалъ Стїхамъ путь удивленнымъ.
Вотъ инако Ронсáрдъ, наслѣдникъ бывъ сему,
Все правя, все смутилъ, все велъ по своему:
Однакъ былъ долго онъ хвалимый по судбинѣ.
Но въ Францїи глася какъ Грекъ и по Латинѣ,
Въ послѣдующїй вѣкъ узрѣлъ себѣ на смѣхъ,
Что пала спесь его, словá, и весь успѣхъ.
Тщеславный сей Пїитъ, падъ сверьху самъ оплóта,
Воздержныхъ здѣлалъ тѣмъ Депóрта, и Бертóта.
Малгéрбъ насталъ по сихъ; онъ первѣйшїй у насъ
Далъ чувствовать въ Стїхѣ всю гладкость въ добрый часъ.
Рѣчей въ своихъ мѣстахъ намъ показалъ державу;
Какъ къ должности привелъ, такъ Музу здѣлалъ праву.
Разумнымъ симъ творцомъ очищенный языкъ
Ужъ пересталъ влагать жестокїй въ слухи зыкъ.
Прїятности могли въ немъ Стрóфы научиться,
И Стїхъ въ ближайшїй Стїхъ не сталъ смѣть преноситься.(†)
Все приняло уставъ: а сей вождь и отецъ
Всѣмъ нынѣшнимъ творцамъ еще есть въ образецъ.
Вы слѣдуйте по немъ любя въ немъ чисту гласность,
И щаслывый составъ, и примѣчайте ясность.
Какъ въ вашихъ смыслъ рѣчахъ себя явить не скоръ;
То разумъ понимать не силится, мня здоръ:

B 4 Отъ

(†) Прежнїи наши Стихи, составляемыи польскимъ образомъ, весьма подвержены симъ переносамъ. Сей порокъ въ нихъ очень несносенъ. Въ нынѣшнихъ переносъ дѣлаетсяжъ иногда; но не въ начáло Стїха, въ чемъ и есть порокъ, но до пресѣченїя, или до сáмаго конца Стїха.

Отъ тѣхъ онъ тщетныхъ словъ отстать и самъ стремится,
Въ слѣдъ нейдетъ за писцомъ, искать его не тщится.
Суть въ нѣкоихъ умы примрачностей такихъ,
Что зрится быть всегда за тучею мысль ихъ:
Лучъ разума сквозь ту не можетъ въ вѣкъ проникнуть.
То прежде, нежъ писать, вамъ мыслить долгѣ навыкнуть.
(4) Коль будетъ наша мысль свѣтлá, или темнá;
Изобразится толь и въ чистости она:
Что поймешь, ясно то сказать, ужé удобно,
И сами всѣ словá бѣгутъ на то способно.
А больше, чтобъ языкъ, кой на писмѣ почтенъ,
И въ самый жаркій трудъ всегда былъ вамъ священъ:
Вотщé разитъ меня всякъ въ гласѣ звономъ сладкимъ,
Какъ рѣчь не та (*), или путемъ нейдéтъ вся гладкимъ.
Не нравится уму надменный Барбарíсмъ, (**)
Надутагожъ Стіха и пышный Солецíсмъ. (***)

И кра-

(4) Verbaque prouiſam rem non inuita ſequentur.
Ibid. v. 311.

(*) Подлинно, тщетный будетъ громъ въ Стіхѣ, когда инако мыслитъ Авторъ, а иное пишетъ и изображаетъ рѣчью.

(**) Барбарíсмъ называется то, когда рѣчь какая есть свойственно того языка, коимъ кто говоритъ, или пишетъ; но не прямо или написана, или выговорена, или силою ударена.

(***) Солецíсмъ есть многихъ прямыхъ рѣчей совокупленіе; но непрáвильно, противъ свойства языка, и противъ общихъ Грамматіческихъ прáвилъ сочиненныхъ.

И кратко, сколь творца есть слава ни велика,
Онъ, безъ языка, въ томъ негоднѣйшаго лика.

(5) Поводьный былъ бы трудъ, коль васъ ни торопитъ,
И спѣшности да въ васъ безумныя не зрятъ:
Стiль борзый, и бѣжать которому есть шутка,
Не толь ума есть знакъ, коль больше нерассудка.
Мнѣ лучше тотъ ручей, кой по песку течетъ,
И по цвѣтамъ въ лугу свой тихо токъ влечетъ;
А нежели потокъ разлитiемъ нельготнымъ,
Свой въ мутности стремитъ бѣгъ по мѣстамъ болотнымъ.
Спѣшите не спѣша (*); себѣжъ не ставя въ трудъ,
Кратъ съ двадцать вы дѣла предъ свой зовите судъ.
Исправивши ужé, еще потóмъ ихъ правьте;
Придайте иногда, но чаще что убавьте.

То мало, что въ трудахъ, погрѣшностей гдѣ нита,
Тамъ, индѣ, острота съ главъ мечется сама;
Да должно, чтобъ всему въ своемъ быть мѣстѣ, чинѣ;
(6) Началубъ и концу согласнымъ быть срединѣ;
Искуснѣйшiй приборъ, премногихъ какъ мастей,
(7) Стядъ цѣлое однобъ изъ разныхъ тѣхъ частей;

В 5 И рѣчь

(5) . . . Carmen reprehendite, quod non
Multa dies, et multa litura coërcuit, atque
Praesectum decies non castigauit ad vnguem.
Ibid. v. 292

(*) Σπεῦδε βραδέως. Festina lente.

(6) Primo ne medium, medio ne discrepet imum.
Ibid. v. 152

(7) . . . Sit quod vis simplex dumtaxat et vnum.
Ibid. v. 23.

И рѣчь бы никогда, свое оставивъ дѣло,
Не шла искать въ дали словъ звономъ громкихъ смѣло.

Страшитесь ли Стїхамъ отъ Общества хулы?
То сами будьте къ нимъ вы смотромъ прежде злы:
Невѣжество себѣ всегда бываетъ въ диво.

Сыщите вы друговъ, судилбъ васъ не льстиво;
Чтобъ вашихъ имъ трудовъ Повѣренными быть,
И погрѣшенїй всѣхъ Противниками слыть.
Вы Авторскую спесь предъ ними отвергайте:

Но друга отъ лестца рассмотрѣвать тутъ знайте.
Тотъ, мнится, хвалитъ васъ; а то насмѣшка зла.
Любите вы совѣтъ, пусть не слѣпитъ хвала.

(8) Ласкатель каждый вдругъ нелѣпо возглашаетъ,
Въ восторгъ его Стїхъ всякъ конечно восхищаетъ:
Все сладко, все красно, противныхъ нѣтъ рѣчей;
Онъ скачетъ, и потокъ слезъ точитъ изъ очей,
Излишними онъ васъ возноситъ похвалами.
Но правда не спѣшитъ стремительно словами.

(9)

(8) Tu ſeu donaris, ſeu quid donare voles cui,
Nolito ad uerſus tibi factos ducere plenum
Laetitiae, clamabit enim, pulcre, bene, recte,
Palleſcet ſuper his, etiam ſtillabit amicis
Ex oculis rorem, ſaliet, tundet pede terram.
Vt, qui conducti plorant in funere, dicunt,
Et faciunt prope plura dolentibus ex animo: ſic
Deriſor vero plus laudatore mouetur.

ibid. v. 426.

(9) Всякъ не преклоненъ есть другъ истинный всегда;
Не дастъ покоя вамъ за худо никогда.
Поречитъ красоты мѣста́ всѣ обнаженны;
И шлетъ Стіхи, гдѣ быть, не такъ расположенны.
Здѣсь осуждаетъ онъ надменный слогъ Эмфазъ,
Тамъ не-любъ смыслъ ему, а далѣе и фразъ.
Грамматіческій чинъ не много тутъ есть мраченъ;
Тотъ обоюдный гласъ ясняе не означенъ.
Такъ говоритъ всегда, кто вѣрный вамъ есть другъ!

Но Авторъ для Стіховъ имѣющій недугъ,
Мнитъ, что ихъ защищать долгъ каждому, и нужно:
Противное тотчасъ пріемлетъ онъ не дружно
Кто скажетъ: подло Стіхъ есть сей изображенъ.
А! втуне, Господинъ, Стіхомъ вы раздраженъ,
Онъ будетъ отвѣчать. То холодно есть слово;
Ябъ выкинулъ его. Изъ красныхъ всѣхъ мѣстъ ново.
Сей кругъ не нравенъ мнѣ. Дивится всякъ тому.
Такъ постоянну все не уступать кому,

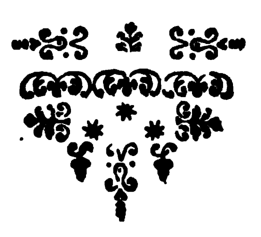
Ка

---

(9) Quinctilio si quid recitares, corrige, sodes,
Hoc, aiebat, et hoc; melius te posse negares,
Bis, terque expertum frustra, delere iubebat,
Et male tornatos incudi reddere versus . . .
Vir bonus, et prudens versus reprehendet inertes,
Culpabit duros, incomptis allinet atrum
Transverso calamo signum, ambitiosa recidet
Ornamenta, parum claris lucem dare coget,
Arguet ambigue dictum, mutanda notabit.
ibid. v. 438.

Когдабъ въ его трудахъ рѣчь гдѣ не полюбилась,
Не вычеркнить за то причина утвердилась
Однакъ, онъ самъ твердитъ отъ Критики не прочъ,
И надъ трудомъ его власть крайня вамъ есть точъ.

Но вся та сладка рѣчь, онъ коею ласкался,
Есть хитрость, вамъ Стиховъ не чтившъ не расставался;
Вотъ оставляетъ васъ. доволенъ всѣмъ трудомъ,
И идѣ, но глупца, бѣжитъ искать потомъ.
Да и находитъ онъ: какъ глупыми писцами
Обиленъ есть нашъ вѣкъ, хвалить такъ шалунами;
Кромѣ тѣхъ, кои здѣсь, и кои въ областахъ,
Ихъ много при Князьяхъ, и при другихъ Властяхъ.
Негодный самый трудъ изобрѣталъ въ Придворныхъ,
Отъ древнѣйшихъ временъ Хвалителей проворныхъ:
Сатирическимъ бы въ сей Пѣсни свесть конецъ,
Глупѣйшимъ всѣхъ еще хвалимъ всегда Глупецъ.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Какъ Пастушка въ красный день Празника, и въ радость,
Украшаетъ не числомъ Яхонтовъ всю младость,
И ни Адамантовъ сплавитъ къ золоту приборъ;
Но на ближнемъ полѣ лучшій рветъ себѣ уборъ.
Такъ пріятнѣйшей на взглядъ, но простой Эклогѣ,
Безъ богатства долгъ въ своемъ нѣжнѣйшемъ быть слогѣ:
Пышнаго та въ кругѣ не имѣетъ ничего,
И Стиха не любитъ, въ коемъ чванство есть, всего.
Сладостiюбъ нѣжно намъ вся она дышала,
Громомъ бы высокихъ словъ насъ не устрашала.

Но въ ея составѣ, потерявшiй Авторъ цѣль,
Съ гнѣва повергаетъ многократнѣйше свирѣль;
И безумною надменъ съ жара красотою,
Онъ въ Идиллiи своей намъ гласитъ трубою:
Чтобъ его не слышать, убѣгаетъ Панъ въ тросникъ,
Прячутся и Нимфы съ страха въ воду, и въ родникъ.

На противъ того другой, подлъ въ своемъ языкѣ,
Говоритъ такъ въ Пастушкахъ, какъ мужикъ, что въ лыкѣ
Грубый Стихъ, въ которомъ красоты нѣтъ никогда,
Ползаетъ, замаравъ гнусно, по землѣ всегда.

Всякъ сказалъ бы, что Ронсардъ въ деревенски душки
Въ Эклогахъ еще поетъ варварски прегутки,
И перемѣняетъ, слуху на великїй страмъ,
Лицида въ Евтасья, а Филису въ Ховру тамъ.

Промежду излишествъ сихъ есть дорога бита,
Отъ Віргілїя, еще и отъ Теокріта.
Оныхъ сладки пісьма, чтобъ не шли изъ вашихъ рукъ,
И ни денно, нощно. не былобъ отъ нихъ вамъ скукъ:
Въ мудрыхъ токмо ихъ Стїхахъ долгъ искать вамъ средства,
Авторъ можетъ какъ начать, безъ вреда и бѣдства,
Пѣть луга, и Флору, и Помону, и сады,
Пастушковъ сопѣльми возбудить къ борьбѣ въ чреды;
Сладость величать любви сладостнымъ напѣвомъ;
Премѣнять Нарцісса въ цвѣтъ, Дафнѣ быть бы древомъ;
И притомъ во время нѣкоего какъ часа,
Консула достойны въ Эклогѣ поля, (*) лѣса.
Сельскихъ пѣнїе Поэмъ такъ есть удобренно!

Выше мало взноситъ гласъ, но недерзновенно,
Слезна Элегія (1) въ чорномъ платьѣ, что съ хвостомъ,
Растрепавши волосъ, и идя за гробомъ въ томъ.
Радость и печаль въ любви та намъ представляетъ,
Молитъ сердитъ, льститъ, грозитъ, милу утоляетъ:
Но ведутибъ сїи щастливо изобразить,
Мало быть Пїитомъ, должно самому любить.

Ненавижу тѣхъ творцовъ, кои Музу нудятъ
Воспѣвать о семъ огнѣ, а себя не взбудятъ;

Пра-

(*) Virgil. Eclog. 4.
(1) Flebilis indignos Elegeia solve capillos.
Ouid. elegiar lib. 3. eleg. 8.

Правиломъ печалясь при спокойствїи своемъ,
Всю любовь замерзлу дѣлаютъ свою при семъ.
Самый ихъ прїятный жаръ, токмо рѣчь пустая:
Связываетъ только ихъ въ вѣкъ цепь золотая;
Мука имъ любезна; тягости нѣтъ и отъ узъ;
Съ разумомъ вотъ въ ссорѣ; чувства ихъ всѣ давитъ грузъ.
Не такимъ то, въ старину, смѣха годнымъ звономъ,
Воздыхалъ Тибуллъ въ Стихахъ отъ любви со стономъ;
Иль Овїдїй нѣжный, гласа къ сладости приставъ,
Своея Науки красный издавалъ уставъ.
Говоритъ долгъ одному сердцу въ Элегїи!
Ода большїй блескъ дая, столькожъ Энергїи, (*)
Возлетаетъ славно до превыспреннихъ небесъ.
Въ дружбѣ и съ богами, и вездѣ не безъ чудесъ,
То Атлетамъ на играхъ подвигъ отверзаетъ,
И побѣдоносца тамъ въ Лаврѣ воспѣваетъ;
То ведетъ Ахїлла на Троянскїи брега;
То здѣсь покаряетъ, гонитъ индѣ то врага.
Иногда, какъ бы пчела любящая дѣло,
Цвѣты на вѣнецъ въ поляхъ собираетъ смѣло:
Прославляетъ танцы, и веселый пиръ, и смѣхъ,
Съ устъ и поцѣлуя полученнаго успѣхъ,
(2) Косму Ирїса быть не хотѣла взяту,
Чтобъ не данному отъ ней, видѣтьсябъ отъяту.

Бы-

(*) Энергїя слово Греческое; оно есть званїе Технїческое, и значитъ по нашему великую слога силу и дѣльность.

(2) . . . . facili saevitia negat.
Quae poscente magis gaudet eripi.
Horat. lib. 1 od. 2.

Быстра въ Одѣ слога часто есть отважен ходъ;
Красный беспорядокъ точно въ ней искусства плодъ.

Прочъ трусливыи писцы: ихъ умъ флегматiчный
Наблюдаетъ въ жарѣ томъ способъ дiдактiчный; (*)
Тѣ пой Героя, много нестаго временъ,
По iсторiчески чину слѣдуютъ временъ;
Не дерзаютъ отступить на-пядь отъ предлога,
Взять имъ городъ, всябъ была ужъ взята подмога,
И въ Стiхѣбъ исправномъ слѣдовалъ тѣхъ стѣнъ обвалъ,
Послѣ какъ ужъ збиты обороны всѣ, и валъ.
Аполлiнъ въ томъ помогать въ вѣкъ имъ отказался!

Слухъ есть, нѣкогда сей Богъ нравный увязался,
Да въ несносный временъ нашихъ Стiхотворцевъ трудъ,
Тягость дать Сонету, почитай сверьхъ силъ, въ седмь пудъ.
Указалъ, въ двухъ четверияхъ, равныхъ межъ собою,
Осмью слухи поражать рiѳмою двойною;
А потомъ искусно шестерню Стiховъ срядить,
Такъ чтобъ двѣ тройчатки смыслу разному дѣлить.
Особливожъ не пустилъ вольности въ ту краткость:
Самъ въ Сонетѣ онъ число вымѣрялъ и гладкость.
Запретилъ жестоко, слабому Стiху вступать,
Бывшему и слову паки мѣсто въ ономъ брать.
Впрочемъ, украсилъ его велелѣпно Темы:
Стоитъ безъ хулы Сонетъ долгiя Поэмы!

Но вотще ту сонмы получить себѣ мнятъ часть:
Щасливый сей Фенiксъ никому не могъ попасть.

Чуть

(*) Способъ учительскiй, пристойный какимъ наставленiямъ.

Чуть въ Мейнардѣ, и въ Гомбѣ, также и въ Мальвілѣ,
Можноль удивляться тремъ въ тысящной ихъ силѣ.
Всѣхъ, какъ Пелтіерскихъ, прочихъ никогда не чтутъ;
А Серсійвы въ лавку на обертки въ скачь бѣгутъ.
Чтобъ въ предписанномъ смыслъ свой заключить предѣлѣ,
Мѣра иль всегда долгà, иль краткá при дѣлѣ.

Вольность въ Эпіграммѣ бóльша, но кратчайшій кругъ;
Острымъ словомъ часто въ Рїемахъ двухъ разитъ та слухъ.
Шпилецъ въ древни времена мы отнюдъ не знали;
Изъ Італїи потóмъ къ намъ въ Стіхи попали.
Обще ослѣпившись оныхъ всѣхъ чрезъ тонку лесть,
Пишущїи ставить начали себѣ ихъ въ честь.
Общество прїятствомъ гласъ дерзости взбудило;
Вотъ премножество Парнáссъ тóтчасъ затопило.
Мадрігáлъ всѣхъ прежде Шпильцемъ тѣмъ былъ изощренъ;
Самъ Сонéтъ надменный рáвно тѣмже прободенъ;
И Трагéдїи оно стало быть въ утѣху;
Элегія началажъ скорбь красить безъ смѣху,
Безъ него Героя въ дѣйствѣ было не слыхать,
Безъ тогожъ Любитель не дерзнулъ ужé вздыхать.
Видѣли всѣхъ Пастушковъ, въ жалобѣ и въ гóрѣ,
Шпильцу вѣрнѣйшихъ тому, нежъ Пастýшкамъ въ зборѣ.
Каждое и слово стало быть о двухъ лицáхъ:
Приняла то Прóза, также какъ Стіхи въ концахъ.
Адвокáтъ тѣмъ говорилъ, чтобъ онъ ни затѣялъ;
Проповѣдникъ всѣ словá Шпильцамижъ засѣялъ.

Оскорблéнный разумъ наконецъ отверзъ глазá,
Въ вѣкъ изъ дѣльной рѣчи выгналъ, сталъ ему гроза;
Объявилъ бесчеснымъ то всюду въ Пйсьмахъ въ роды,
Съ милости не запретилъ въ Эпігрáмму входы:

Толькожъ бы въ немъ тонкость, и его приличный ловъ,
Шли собой до мыслей, а нимало не до словъ.
Такъ во всѣхъ уже мѣстахъ згибли непорядки!

Но еще есть при Дворѣ глумниковъ десятки,
Шалей, смѣхотворцовъ, шутовъ безъ успѣха въ томъ,
Кои словъ игрушку грубымъ защищаютъ ртомъ.
Мысль не та, чтобъ иногда Музы хитрость мала
Надъ-словомъ вскользь идучи тутъ не поиграла,
И отвернищеюбъ смысла не свела въ успѣхъ:
Да бѣжать излишествъ должно въ семъ, они то смѣхъ;
И не тщаться повсегда недостойнымъ Шильцомъ
Въ Эпиграммѣ украшать кончикъ какъ Сурмильцомъ.

Каждый родъ Поэмы за свою добръ красоту.
Галлъ Рондо родившись кажетъ токмо простоту.

Весь старинному Баладъ пошданный убору,
Часто блескомъ одолженъ Рїомъ однихъ прибору.

Мадрїгалъ простяе, и взнося достойнїй бровь,
Дышетъ сладость, нѣжность, и умильную любовь.

Не взводить ложь, но себя показать бы Мїру,
Жаръ Стїхами воружилъ съ правдою Сатїру.
Прежде всѣхъ Луцїлїй оную дерзнулъ издать,
И порокамъ Римскимъ зеркало сїе подать:
Онъ за добродѣтель мстилъ гордому богатству;
Конному, за пѣшу честь, плутовству, лжебратству.
Къ желчи сей Горацїй приложилъ премного красъ;
На глупцовъ онъ выдалъ и на шалуновъ указъ.
Горе каждымъ именамъ, хулъ такихъ достойнымъ,
Кои могутъ въ Стїхъ войти мѣръ числомъ пристойнымъ!

Персїй Стїхъ свой мракомъ всюду тѣснѣйше сплотилъ,
Чтобъ онъ словъ тутъ меньше, большебъ смысла умѣстилъ.
Ювеналъ

Ювеналъ прїобученъ къ воплю въ Римской школѣ,
Надлежащихъ свыше мѣръ всклликнулъ въ Гїперболѣ.
Язвъ хотя ужасныхъ полны всѣ его черты;
Но въ немъ всюду блещутъ превысоки красоты:
(*) Хоть когда онъ, по письму изъ Капрéи данну,
Статуу Сеяна втрѣскъ крóшитъ оплевáнну:
(**) Хоть когда онъ гонитъ на совѣтъ въ Сенатъ Отцовъ,
Мнительну Тїранну въ страхѣ блѣднѣйшихъ льстецовъ:
(***) Иль когда онъ, низводя роскошь зла въ долину,
Всѣмъ ярыгамъ продаетъ Римску Мессалїну.
Жаромъ всѣ сїяютъ Сочиненїя его!

Отъ людей сихъ мудрыхъ приведенный до сего,
Реннїэръ у насъ одинъ на стезю готову,
Старымъ стїлемъ начъ еще точитъ сладость нову.
Щáсливъ! еслибъ рѣчи, коихъ всякъ стыдится Чтецъ,
Мѣстомъ тѣмъ не пахли, хаживалъ куда Писецъ;
И когдабъ онъ звономъ Рїѳмъ, Цїнїческихъ точныхъ,
Многажды не раздражалъ слуховъ непорочныхъ.

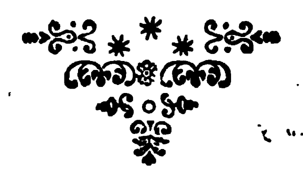
Слогъ бесстыдствомъ часто у Латїнъ есть оскверненъ;
Всякъ же нашъ Читатель хочетъ быть всегда почтенъ:
Крошечка нечистоты въ смыслѣ разгнѣвляетъ,
Ежели стыда его рѣчь не утоляетъ.
Я хочу въ Сатїрѣ искренности сáмый духъ,
А бѣгу бесстыдства одобряюща стыдъ въ слухъ.

Отъ сея Поэмы, гдѣ острыхъ словъ обильно,
Пѣсня Водевїль у насъ утвердилась сильно;

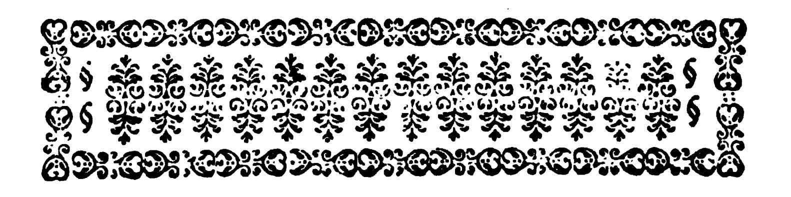
Г 2 Ми-

(*) Сатїра 10. (**) Сатїра 4. (***) Сатїра 6.

Малая болтушка, возглашая свой распѣвъ,
Съ устъ въ уста преходитъ, и взрастаетъ какъ бы сѣвъ.
Въ сихъ Французскія Стіхахъ вольности зримъ сладость:
А раждается утѣхъ то дитя намъ въ радость.
Толькожъ, кто насмѣшки пишетъ тѣ, и просто вры,
Не-бралъ бы онъ Бога за матерію игры:
Всю безбожность наконецъ безъ святаго страху,
Иль на рынкѣ въ срубѣ жгутъ, иль кладутъ на плаху.
Надобны и въ пѣсняхъ разумъ, смыслъ, и правилъ чинъ!
Впрочемъ, то бывало, что віно безъ всѣхъ причинъ
Ободряло иногда грубу Музу въ мѣру,
И давало сочинить Строфу Ліньеру.
Но при щастьѣ тщетномъ, что вамъ есть успѣхъ въ Стіхахъ,
Спеси вы блюдитесь въ вашихъ съ радости пыхахъ:
Гордый Авторъ, какъ своимъ пѣснямъ зритъ расходы,
Въ ту мінуту мнитъ, что есть онъ Піитъ съ природы.
Не сложивъ Сонета, никогда не лажетъ спать;
Скорыхъ шесть препишетъ штучекъ только лишъ бы встать.
Да и диво, что, дѣлá мня свои не средни,
Онъ, печатаетъ когда глупые тѣ брѣдни,
Не изображаетъ, мастеромъ себя какимъ,
Увѣнчанна Лавромъ предъ Собраніемъ такимъ.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Нѣтъ змія, нѣтъ гада́, ни гнуснаго урода,
Кой чрезъ искусствобъ быть не могъ пріятныхъ рода:
Полезнымъ нѣжна кисть художествомъ своимъ,
Видъ скаредный очамъ творитъ весьма любимъ.
Такъ, насъ бы веселить, Трагéдія прямая
Эдíпову въ крови́ явила скорьбь рыдая,
Орéстову печаль, отца убилъ кой самъ;
И чтобъ забавить насъ, тѣмъ привела къ слезамъ.

Вы, въ коихъ толь кипитъ къ Театру ревность чéсна,
И за Стíхи хвала гдѣ пышны вамъ не лесна;
Хотитель вы на немъ такой представить трудъ,
Чтобъ градъ, тотъ зря въ толпахъ, чрезъ свой одобрилъ судъ,
И кой всегда краснѣй, что больше будетъ зримый,
По дватцати годахъ ещебъ былъ въ видъ просимый?
То въ вашихъ всѣхъ рѣчахъ тамъ возбужденна страсть
Искалабъ сéрдца вся, палилабъ все, не часть.

Движеніе когда, восставшее внутрь махомъ,
Не наполняетъ насъ повольнымъ часто СТРАХОМЪ,
Иль ЖАЛОСТИ въ душѣ не взбудитъ то у насъ;
То мудрость ваша тамъ возноситъ всуе гласъ:
Холодный вашъ доводъ не будетъ покоритель,
И оному плескать всегда лѣнивъ Смотритель;
Ритторика красно коль шутъ ни говоритъ,
Съ трудá онъ дремлетъ самъ, иль васъ за то бранитъ.
Вся сила: быть бы вамъ любимымъ, намъ взбужденнымъ.
Старайтесь же меня чемъ здѣлать пригвожденнымъ!

Чтобъ съ первѣйшихъ Стиховъ готовый дѣйства бытъ
Безъ трудности мнѣ весь былъ въ силѣ не закрытъ.
Смѣюсь я надъ творцомъ, кой медлѣнность имѣетъ,
Спервá, о чемъ весь видъ, дать вѣдать не умѣетъ,
И на развяску мой слабъ узла, что толь крутъ,
Изъ той потѣхи мнѣ тамъ дѣлаетъ вотъ трудъ.
Ужъ лучше, чтобъ склонялъ мнѣ имя онъ безъ страха:
„ Я есмь Агамемнóнъ, Орéстъ, иль Андромáха„;
А нежелибъ чудесъ тѣхъ мракомъ, безъ услугъ
Понятію о нихъ, такъ оглушалъ мой слухъ.
Долгъ тотчасъ изъяснить всю силу, все и дѣло!

Чтобъ мѣсто, дѣйство гдѣ, знакъ твердости имѣло.
Писатель, безъ бѣды, Гишпанскій всякъ готовъ
Въ одинъ день тамъ включить премножество годовъ.
Въ ихъ зрѣлищѣ Герой, толь часто грубоватый,
Младенецъ есть спервá, въ концѣ ужъ бородатый.
Но мы, что смысломъ намъ въ томъ прáвило дано,
Хотимъ, чтобъ дѣйство все искусствомъ ведено:
„ Въ томъ мѣстѣ, въ день одинъ, одинъ бы случай цѣльный„
Наполнялъ до конца Театръ весь многодѣльный.

(1)

(1) Отнюдь не представлять незбыточныхъ вещей:
Не можно иногда и правдѣ вѣрить всей.
Не льститъ меня ничемъ чудесное безъ мѣры:
Не взбудится тѣмъ умъ, чему онъ неймеmъ вѣры.

(2) Да сказываетъ рѣчь, чего не должно зрѣть:
Глазá, зря вещь, ясняй ту могутъ рассмотрѣть;
Но много есть, что смыслъ, рассудности по духу,
Скрыть долженъ отъ очей, а предлагать то слуху.

Смятенїе растя отъ Сцéны въ Сцéну тамъ,
Способновъ наконецъ все изъяснялось намъ:
Не болѣе всегда умъ пораженъ бываетъ,
Коль есть, какъ въ дѣлѣ томъ что узолъ заплетаетъ,
Познáнная всея ужъ тайны правда вдругъ
Перемѣняетъ все въ иной видъ, въ новый кругъ.

(3) Трагéдїя сперва́, имѣя грубость въ сваскѣ,
Была простъ Караводъ, въ которомъ, каждый въ пляскѣ,

---

(1) Ficta voluptatis caussa, sint proxima veris,
Nec, quodcumque volet, poscat sibi fabula credi.
Horat. art poet. v. 338.

(2) Segnius irritant animos demissa per aurem,
Quam quae sunt oculis subiecta fidelibus, et quae
Ipse sibi tradit spectator. Non tamen intus
Digna geri, promes in scenam, multaque tolles
Ex oculis, quae mox narret facundia praesens.

(3) Ignotum Tragicae genus invenisse Camoenae
Dicitur, et plaustris vexisse poëmata Thespis
Quae canerent, agerentque peruncti faecibus ora.
ibid. v. 275

Честь Бáкхусу поя, какъ божеству гроздóвъ,
Тѣмъ тщался получить обильный зборъ плодовъ.
Тамъ радость при винѣ сердцá всѣхъ возбуждала,
Искуснагожъ пѣвца (*) Козломъ въ даръ награждала.
Былъ первый Тéспiсъ, кой (**) дрождями гнусенъ весь,
Возилъ по Слободамъ благополучну смѣсь;
Съ телѣги, платье давъ, кому играть, сурово,
Идущимъ представлялъ онъ зрѣлище то ново.
(4) Эсхiлъ въ тотъ прежнiй Хоръ Игрателей ужъ введъ,
И хáрькачи лице чеснѣйшими одѣлъ;
Онъ на Театрѣ тамъ возвышенномъ публично,
Представилъ Игрока обутаго прилично.
Но лучшу мысль Софóклъ имѣя отчасу,
Умножилъ видъ и сонмъ, обогатилъ красу;
Далъ въ дѣйствiи самóмъ, и цѣломъ Хóру дѣло;
Негладкости въ Стiхахъ имъ слово не имѣло:
Сей въ Грекахъ высоту Трагéдiи ту далъ,
До коея глаголъ Латiнскiй не досталъ.
Побожныхъ дѣдовъ мысль Театръ все проклинала;
Тѣмъ Францiя утѣхъ сихъ долго вся не знала.

Молеб-

(*) Carmine qui Tragico vilem certauit ob hircum.

v. 220

Τραγωδία, ἀπὸ τοῦ τράγου. (**) Τρυγωδία, παρὰ τῆς τρυγός.

(4) Post hunc perſonae pallacque repertor honeſtae
Aeſchylus, et modicis inſtrauit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.

ibid. v. 278.

Молебщиковъ, есть слухъ, въ Парижѣ грубый зборъ
Явилъ, исшедъ предъ всѣхъ, такой сперва уборъ,
А въ глупости своей, и въ простотѣ нелѣсно,
Игралъ онъ какъ Святыхъ, такъ Дѣву, Бога чесно.
Наука, наконецъ, ихъ просвѣщая умъ,
Дала знать, сколь нелѣпъ побожный былъ тотъ глумъ.
Учителей тѣхъ всѣхъ непосланныхъ прогнали;
За баснь, за Иліонъ хвататься паки стали:
Вотъ только Игроки безъ древнихъ ужъ личанъ;
За пѣніе и Хоръ взята Скрыпица въ чинъ.

Немедлѣнно любовь, въ которой нынѣ обильно,
Плѣнила такъ Театръ, какъ Повѣсти, насильно.
Описывать кому сію страсть хоть бы чуть,
То къ сердцу тѣмъ итти есть достовѣрный путь.
Описывайтежъ вы любовь Героевъ сильныхъ;
Но ихъ, какъ Пастушковъ, не дѣлайте умильныхъ.
Чтобъ инакъ Ахиллесъ любилъ, нежъ Тирсъ, Филенъ.
Не здѣлалсябъ у васъ изъ Кира Артаменъ:
И совѣсть, на любовь въ злѣ многажды свидѣтель,
Казалабъ слабость въ ней, отнюдъ не добродѣтель.

Героя Повѣстей отъ нынѣ бѣжать долгъ вамъ;
Но должножъ слабость дать великимъ и сердцамъ:
Не нравенъ Ахиллесъ не рѣзвый, не кипящій;
Не не-любъ же однакъ въ обидѣ тотъ слезящій:
По недостаткамъ симъ, являющимъ родство,
Съ пріятностію тутъ умъ видитъ естество.
Чтобъ въ вашихъ Письмахъ онъ описанъ такъ былъ живо!

(5) Агамемнонъ себябъ велъ гордо и спесиво.
Энеи бы честь къ своимъ имѣлъ богамъ безъ мѣръ.
Блюдите въ каждомъ вы его впрочъ Характеръ.
Вѣковъ и разныхъ странъ рассматривайте нравы:
По разности земель тѣ часто злы, иль правы.
Какъ въ Клеліи (*), такъ васъ мысль въ тобъ не привела,
Италіибъ нашъ видъ дать, коя встарь была;
И въ Римскихъ именахъ являть нашъ зракъ повсюдный,
Катонъ чтобъ щоголь былъ, а Брутъ бы женолюбный.
Въ негодныхъ Повѣстяхъ лехко все извинить:
Довольно, что тутъ могъ васъ вымыслъ поманить:
Былабъ не кстати въ нихъ излишняя жестокость;
Но въ Сценѣ быть должна исправная высокость:
Приличность въ ней вездѣ быть хочетъ до конца.

Хотите ль вы сыскать видъ новаго лица?
Чтобъ пребыло во всемъ согласно то съ собою,
Былабъ вся поступь тажъ, сперва имѣло кою.

То часто, и не мня, что, самолюбъ Писецъ,
Своимъ Героямъ всѣмъ есть самъ за образецъ:
Все по гасконски есть въ Писателѣ Гасконцѣ;
И Юба (**), и Калпрнедъ (†) взрасли при томже солнцѣ;
(6)

---

(5) Aut famam sequere, aut sibi conuenientia finge
Scriptor. Honoratum si forte reponis Achillem,
Impiger, iracundus, inexorabilis, acer,
Iura negat sibi nata.
Ibid. v. 119.

(*) Такъ называемая повѣсть Скудеріина.

(**) Герой въ поэмѣ Клеопатрѣ.

(†) Авторъ Клеопатринъ.

(6) Во насъ естеству во всѣхъ различнѣйше мудритъ:
Страсть каждая своимъ языкомъ говоритъ.
Спесивъ есть гнѣвъ, рѣчей желаетъ величавыхъ;
Болѣзнь не любитъ словъ столь гордыхъ, сколько плавныхъ.

(7) Чтобъ предъ Троей въ огнѣ, Гекуба въ рысь и въ скачь
Не бѣгала гласа смѣшно надутый плачъ,
И безъ причиныбъ намъ отнюдъ та не кричала:
„(**) Гдѣ устьями седмью въ Эвксинъ рѣка Донъ впала„?
Изображенїй сихъ толь громкихъ пышный зборъ,
Витїю кажетъ намъ словъ любяща уборъ.
Вы въ горестинѣ своей себя уничижили,
Чтобъ плакать мнѣ, тобъ тутъ вы сами слёзы лили.
Въ аршинъ слова́, игрокъ гласитъ что свысока́,
Изъ сéрдца нéйдутъ такъ, чтобъ скорьбь была горька́.
Исполненный Театръ Осудчиковъ премногихъ,
Есть поле, гдѣ похвалъ всѣмъ меньше, нежъ бѣдъ строгихъ.
Писа-

(6) . . . . tristia moestum
Vultum verba decent, iratum plena minarum:
Ludentem lasciua, seuerum seria dicta.
Format enim natura prius nos intus ad omnem
Fortunarum habitum.
ibid. v. 106.

(7) Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri.
Telephus et Peleus, quum pauper et exul vterque,
Proiicit ampullas et sesquipedalia verba,
Si curat cor spectantis tetigisse querela.
ibid. v. 95

(**) Сенека трагикъ въ Троадѣ явлен. I.

Писатель не лехко́ тамъ можетъ побѣждать:
Въ готовности успѣ всегда ему свистать.
Всякъ судитъ: Онъ глупецъ, и ничего не знаетъ;
А право всякъ сїе при дверяхъ покупаетъ.
Долгъ, кто-стобъ видовъ онъ себя преобращалъ;
То возносился бъ тамъ, то кроткобъ возглашалъ:
Чтобъ умствованїй въ немъ обильно чесныхъ было;
Чтобъ твердо все, лехко́, глубоко, сладко, плыло;
Безъ дивныхъ мыслей онъ чтобъ не-былъ ни часа;
Бѣжалъ чтобъ онъ въ Стихахъ съ чудесъ на чудеса;
Чтобъ затвердивши рѣчь его всю любопытно,
На памяти держать могли мы долгобытно.
Въ Трагедїи такой ходъ, дѣйство, рѣчи слогъ!

Осанистѣй еще есть Эпическїй родъ:
Сей дѣйствїя всего въ Сказанїи пространномъ
Живъ Баснїю ведетъ, весь въ вымыслѣ духъ странномъ.

Чтобъ обморочить насъ, такъ здѣлано Творцемъ,
Что все тамъ тѣло, духъ, душа, и все съ лицемъ.
Тутъ всяка Сожествомъ есть добродѣтель сперва:
Венера, красота; премудрость есть Минерва.
Не отъ парѣнъ уже шумъ дѣлается громъ;
То Зевсъ, вооруженъ, страшитъ земный сей домъ.
Ужасная площадь какъ буря съ свистомъ дуетъ;
То гнѣвный самъ Нептунъ въ волнахъ тогда шурмуетъ,
Не звонъ, что Эхо намъ, есть пущеный въ воздухъ:
То по Нарциссѣ такъ всѣмъ Нимфа плачетъ въ слухъ.

Сихъ вымысловъ вездѣ, въ преславнѣйшемъ приборѣ,
Премножествомъ Пїитъ играетъ, самъ въ уборѣ;
Возноситъ, богатитъ, величитъ все собой,
И всюду онъ цвѣты находитъ подъ рукой.

Эпи-

Энеевы суда что вѣтромъ занесенны,
Къ Афрїцкимъ что брегáмъ прибиты чуть спасенны;
То въ случаѣ такомъ нѣтъ дивности отнюдъ:
Нещастїя ударъ, его былъ только трудъ.
Но въ ненависти что злопамятна Юнона (*)
Останкамъ на волнахъ враждуетъ Ілїона;
Что Эолъ, тѣ гоня отъ Італїи прочъ,
Пускаетъ изъ пещеръ на нихъ всѣ вихри вточъ:
Что въ гнѣвѣ и Нептýнъ сверьхъ мóря выбѣгаетъ,
И вóлны словомъ тамъ и вóздухъ укрощаетъ,
Спасаетъ Корабли, срываетъ ихъ съ мѣлéй:
Сїе приводитъ насъ въ восторгъ въ Поэмѣ сей.
Безъ украшенїй сихъ Стїхъ слабымъ становится;
Поэзїя мертвá, иль ползающа зрится:
Орáторомъ тогда ужъ больше есть Пїитъ,
Или Історїкъ онъ въ своей кой басни спитъ.

Итакъ вотщé Писцы, обманомъ всѣ объяты,
Отъ мѣръ Стїховъ гоня въ вѣкъ тѣ красы прїяты,
Мнятъ Богу дѣйство дать, Пророкамъ, и Святымъ,
Какъ то дано богамъ въ мозгу творцовъ слитымъ;
Что ступятъ, то Чтеца ведутъ въ адъ для прогуловъ,
Тамъ только кажутъ всѣмъ одиихъ Веелзевуловъ.
Но вѣры во Хрїста ужасныхъ таинствъ гласъ
Несроденъ отъ такихъ быть удобряемъ красъ.
Евангелїе намъ, въ святой своей Наукѣ,
Всѣмъ каяться велитъ, или грозитъ быть въ мукѣ:

А въ-

(*) Смотри книгу 1. Энеїды Віргїлїевы.

А нашихЪ лжей такихЪ богопреступна смѣсь
ВидЪ басенЪ правдѣ вЪ немЪ даетЪ, и оныхЪ спесь!
И что за зракЪ очамЪ покажется цвѣтущїй,
КакЪ тотЪ ДїаволЪ все на небеса блюющїй,
ВЪ Героѣ славу кой уничижить готовЪ,
И часто сЪ БогомЪ онЪ вЪ борьбѣ стоитЪ суровЪ?

Мнѣ скажутЪ: ТассЪ то все изобразилЪ сЪ успѣхомЪ.
Я не хочу его судить за то здѣсь сЪ смѣхомЪ:
Но сколько вЪ наши дни онЪ вЪ славѣ ни процвѣлЪ;
ІталїнбЪ однакЪ прославить не имѣлЪ,
КогдабЪ его Герой, вЪ мольбѣ всегда исправно,
Не ввелЪ тѣмЪ Сатану и вЪ умЪ и вЪ чувствію ра́вно;
И ежелибЪ РинальдЪ, АрганитЪ, вЪ любви ТанкредЪ,
Не усладили всей той Книги напередЪ.

Сїе не для того, чтобЪ, вЪ слогѣ ХрїстїанскомЪ,
ХвалилЪ Пиита я вЪ язычествѣ поганскомЪ;
Но вЪ живописи чтобЪ Мїрской со всѣмЪ вЪ доводЪ
Не смѣть употребить прїятныхЪ басенЪ родЪ,
ТрїтоновЪ сЪ водЪ согнать, что бытность ихЪ погана,
ВЪ вѣкЪ ножницы у ПаркЪ, свирѣль отнять у Па́на,
Не допускать, Харо́нЪ чтобЪ вЪ ладїи скоря
Равно́ какЪ Пастуха, такЪ превозилЪ Царя;
То глупо отЪ того бѣжать какЪ отЪ проклятства,
И угодить хотѣть Чтецу такЪ безЪ изрядства.
ВотЪ Мудрость запретятЪ писать сЪ такой тоски;
Темїдѣ на глаза́ платЪ, вЪ руки дать вѣски;
Войну являть сЪ чеЛомЪ вЪ видЪ мѣднымЪ образа́ми;
И Время, что летитЪ, сЪ песошными часами:
КакЪ Ідольскую лесть изЪ всѣхЪ они рѣчей
Аллегорїю вдругЪ сбьютЪ вЪ ревности сЪ очей.

ТакЪ

Такъ заблуждая, пусть себя тѣмъ величаютъ:
Но пустоши пускай насъ сіи не стращаютъ,
И Христіане баснь какъ сонный строя брѣдъ,
Отъ Бога вѣчныхъ правдъ весь отлучимъ лжи слѣдъ.

Баснь подаетъ уму красотъ премного разныхъ:
Въ ней, мнится, имена всѣ для Стіховъ выразныхъ;
Улиссъ, Агамемнонъ, Орестъ, Ідоменей,
Елена, Менелай, Парісъ, Троілъ, Эней.
О! Коль Глупецъ Піитъ смѣшонъ, кой долго роя
Во множествѣ такомъ, Шилбранда взялъ въ Героя.
Жестоко иногда, иль дико имя какъ,
Поэму вводитъ всю въ смѣхъ, варварства иль въ мракъ.

Хотитель долго вы пребыть у всѣхъ любимы!
Въ Геройѣ вашемъ мнѣ дѣла всѣ были чтимы:
Добротенъ былъ бы онъ, и мужествомъ высокъ;
Геройскоѣ было все въ немъ, самый и порокъ,
Достоинъ, дивенъ намъ, и вкратцѣ былъ толикій,
Что Цесарь, Александръ, (*) или нашъ ПЕТРЪ Великій;
Отнюдъ не Полиникъ, его ни ложный братъ:
Нечудный воинъ есть всѣмъ скученъ въ много-кратъ.

Въ

*) Въ подлинникѣ стоитъ Лудовікъ. Я премѣнилъ на ПЕТРА ВЕЛИКАГО не для того, что онъ нашъ былъ САМОДЕРЖЕЦЪ, какъ то и Лудовікъ XIV Государь же Автору Французскаго Народа человѣку; но для сего, что нашъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ былъ Герой всѣмъ больше Лудовіка XIV по мнѣнію и чужестранныхъ народовъ.

Вѣ матеріяхѣ не быть впаденіямѣ премногимѣ:
Одинѣ Ахілловѣ гнѣвѣ, искусствомѣ неубогимѣ,
Вотѣ Іліаду всю наполнилѣ до конца.
Убожитѣ лишекѣ всякѣ вѣ обильности творца!

Вы повѣствуйте тутѣ поспѣшно все и живо;
Описывать бывѣ вамѣ богато, пышно вѣ диво:
Долгѣ здѣсь то красоту Стіховѣ казать всегда,
За мѣлочи вещей не браться никогда.
Не слѣдуйте (*) глупцу, кой, море представляя,
И раздвоенныхѣ волнѣ вѣ срединѣ изъявляя
Избавльшихся Жидовѣ отѣ лютости Господѣ,
(†) Тамѣ вѣ окнахѣ ставитѣ всю смотрящу рыбу ходѣ:
А мальчикѣ у него идётѣ, бѣжитѣ, ужѣ скачетѣ,
Да матери отдастѣ кремень, что самѣ не прячетѣ.
При пустотахѣ есть симѣ такѣ медлить ко вреду.
Пространство мѣрно впочѣ давайте вы труду.

(8) Чтобѣ просто, безѣ притворствѣ пошло у васѣ начало.
На Пегасѣ6ѣ сперва скаканіе не мчало;

И не

(*) Сентѣ - Амандѣ.

(†) Рыбѣ удивленный родѣ нхѣ смотритѣ всѣхѣ идущихѣ.
Сентѣ - Амандовѣ Стіхѣ изѣ Моисея Спасеннаго

(8) Nec ſic incipies, vt ſcriptor cyclicus olim:
Fortunam Priami cantabo et nobile bellum.
Quid dignum tanto feret hic promiſſor hiatu?
Parturient montes, naſcetur ridiculus mus.
Quanto rectius hic, qui nil molitur inepte!
Dic mihi, Muſa, virum, captae poſt tempora Troiae,

„И не кричальною вы Чтецамъ, какъ изъ шальныхъ:
„(**) Побѣдника пою Побѣдниковъ земныхъ.„
Что жъ та произведетъ рѣчь громомъ некошная?
То: Мучится гора, родится мышь смѣшная.
О! коль Писатель тотъ любви достоинъ есть,
Что обѣщаній вдругъ не восхотѣвъ принесть,
Мягъ гладко говоритъ, и звона въ вопль не пружа:
„(9) Оружіе пою и благосердна Мужа,„
„Кой бѣгствомъ отъ Трои всѣхъ прежде по Судьбамъ„
„Въ Италіи присталъ къ Лавинскимъ берегамъ.„
Сія въ разъ Муза тутъ всего не зажигаетъ:
Чтобъ многое подать, намъ мало обѣщаетъ.
Увидите ея чудесную тотчасъ,
Латинскіе Судьбы произносящу въ гласъ,
Всѣ грозные Струи являющу намъ въ Адѣ,
И Цесарей ужъ выспрь гуляющихъ въ прохладѣ.

Фигурами вы трудъ красьте безъ числа;
Чтобъ всюду для очей веселость въ немъ цвѣла.

Qui mores hominum multorum vidit et vrbes.
Non fumum ex fulgore, ſed ex fumo dare lucem
Cogitat, vt ſpecioſa dehinc miracula promat.
art poët. v. 136.

(**) Аларикъ поэма. Кн. 1.

(9) Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris
Italiam fato profugus, Lauinia venit
Littora.
Virgil. Aeneid. lib. 1. v. 1.

Возможно купно быть и пышнымъ и веселымъ;
Мнѣ ненавистенъ есть, кой въ высотѣ тяжелымъ:
Шутливый Аріостъ мнѣ лучше наконецъ,
Нежъ въ холодѣ всегда печальнѣйшій творецъ,
Кой въ мрачности своей себѣбъ почелъ бесчестнымъ,
Какъ творозъ дѣпоты выгралибъ въ немъ очеснымъ.
Всякъ скажетъ, что Гомеръ съ природыбъ угодить,
Венеріинымъ себя могъ Поясомъ снабдить:
Пріятностей онъ всѣхъ сокровище богато;
За чтобъ онъ ни взялся, все становится злато.
Все въ новой красотѣ есть у него всегда;
Вездѣ онъ веселитъ, не скучитъ никогда.
Рѣчь жаромъ вся его пылаетъ благосчасныимъ;
Не заблуждаетъ вдаль по сторонамъ опаснымъ:
Порядка не храня исправнаго въ Стихахъ,
Матерія сама собой въ своихъ кругахъ:
Все не готовясь тамъ готовится способно.
Стихъ каждый, кажда рѣчь спѣшитъ къ концу особно.
Любитежъ вы его, но сердцемъ впрямь своимъ:
Успѣхъ тотъ получилъ, любуется кто имъ.

Позвы красный родъ, гдѣ все въ обрятѣ гладкомъ,
Оттудъ не нѣтъ трудовъ свершаемыхъ припадкомъ:
Долгъ время взять на ту, прилѣжность положить;
За трудность ученикъ не можетъ тей сложить.
Но часто въ насъ Пінтъ, искуство въ комъ нелѣпо,
И кой такимъ огнемъ воспламенился слѣпо,
Родный тщеславія сынъ, съ Химерою во лбу,
Въ надменіи беретъ Геройскую трубу.
Нестройна Муза въ немъ Стихи рыгая клокомъ,
Стремится возлетѣть вверьхъ прыгая съ подскокомъ.

Безъ чтенія его жаръ, глупостей извѣтъ,
Повсюду гаснетъ тамъ, питанія что нѣтъ.
Но Общество вопіцé, его толь презирая,
Изъ самомнѣній тѣхъ мнитъ вывесть не играя:
Исчахлому онъ самъ плескъ принося уму,
Даетъ себѣ хвалу, отказанну ему.
Обрѣтеній, предъ нимъ, Виргилій не имѣетъ;
А въ вымыслахъ Гомéръ изрядствъ не разумѣетъ.
Когдажъ бунтуетъ вѣкъ на ложь его сію;
Взываетъ онъ тотчáсъ Потомство въ Судію.
Пока еще тотъ смыслъ, въ семъ возвратившись нравѣ,
На свѣтъ произведетъ труды его во славѣ,
Въ Анбарѣ кучи ихъ, во тьмѣ, не предъ очми,
Печально съ пылью всѣ, и борются съ червьми.
Итакъ, оставимъ ихъ, дерутся пусть покойно;
А мы то продолжимъ, что прямо намъ пристойно.
(10) Трагедій оныхъ видъ, толь могшій преуспѣть
Въ Аѳинахъ СТАРУ дадъ Комедію узрѣть.
Насмѣшникъ Грекъ рожденъ тамъ шуткою презлою,
Изъ стрѣлъ ядъ источидъ на всѣхъ между собою.
То скоморошство толь ужъ нáчало все грысть,
Что добродѣтель, умъ, и честь была въ корысть.
Такъ было, что Піитъ, отъ Общества прощаемъ,
Достоинству за смѣхъ бывалъ обогащаемъ;

 Сократъ

---

(10) Successit vetus his Comoedia, non sine multa
Laude; sed in vitium libertas excidit et vim
Dignam lege regi; lex est accepta, Chorusque
Turpiter obticuit.

art. poët. v. 281.

Сократъ самъ отъ него, гнѣздяйся въ (*) Облакахъ,
У подлыя толпы былъ также на смѣшкахъ.
Но унято потомъ такое своевольство.
Тамъ помощи нашлось въ уставахъ все довольство:
Указомъ повелѣвъ смирняй Штатамъ стать,
Начальникъ запретилъ лице именовать.
Бездѣлъствѣ уже Театръ тѣхъ древнихъ сталъ боятся!
Безвредно начала Комедія смѣяться,
Безъ яда, и безъ язвъ порочить, наставлять;
И полюбила Стіхъ Менандровъ представлять.
Изображенный всякъ въ новѣйшемъ томъ зерцалѣ,
Пріятно зрилъ себя, иль зрѣть не мнилъ ни мало.
Смѣялся прежде всѣхъ надъ образомъ Скупецъ,
Былъ коему Скупыхъ исправный образецъ:
И часто Глупый самъ, написанный нарочно,
Не узнавалъ, что взятъ съ него тотъ сколокъ точно.
Итакъ, чтобъ по одной Натурѣ все вамъ весть,
Хотящіи Творцы взять отъ Комедіи честь.
Кто человѣка зритъ, умажъ самъ остротою
Закрытыхъ толь сердецъ проникнулъ внутрь до слою;
Кто знаетъ, что скупый, шалунъ, ревнивый, мотъ,
Что добрый человѣкъ, что самонравный скотъ:
Сей можетъ выводить ихъ въявь благополучно,
И намъ являть ихъ жизнь, дѣла, слова, нескучно.
Вы сходный просто видъ вездѣ кажите намъ:
Чтобъ живо каждый былъ описанъ по чертамъ.
Въ изводствѣ естеству лицъ есть многообразно,
Во всякой и душѣ означено то разно;

Одинъ

(*) ОБЛАКА. Комедія Арістофанова на Сократа.

Одинъ обрашъ, ничто, все могутъ показать:
Однакъ не каждый умъ возможенъ то познать.

(11) Мѣняя время все, и нравы въ насъ мѣняетъ:
Обычай свой, умъ, страсть, всякъ возрастъ объявляетъ.

(12) Юнъ человѣкъ того не думая, въ чемъ прокъ,
Въ кипѣніи спѣшитъ на путь, гдѣ есть порокъ;
Въ рѣчахъ хвасливъ, и чванъ; въ желаніяхъ невѣренъ;
Добру непослушливъ; въ утѣхахъ онъ безмѣренъ.
Вѣкъ средній есть зрѣлый: воздержнѣйшій въ немъ видъ;
Онъ ищетъ дружбъ, честей, богатствъ, себя хранитъ;
Отъ приключеній злыхъ уйти, коль можно, тщится;
Теперь ему въ даль все будущее зрится.

(11) Aetatis cuiusque notandi sunt tibi mores,
Mobilibusque decor naturis dandus et annis.
ibid. v. 156.

(12) Imberbis iuuenis . . . . . -
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Vtilium tardus prouisor, prodigus aeris,
Sublimis, cupidusque et amara relinquere pernix.
Conuersis studiis aetas animusque virilis,
Quaerit opes, et amicitias, inseruit honori,
Commisisse cauet, quod mox mutare laboret.
Multa senem circumueniunt incommoda, vel quod
Quaerit, et inuentis miser abstinet, ac timet vti;
Vel quod res omnes timide gelideque ministrat:
Dilator, spe longus, iners, auidusque futuri,
Difficilis, querulus, laudator temporis acti,
Se puero, censor, castigatorque minorum.
Ibid. v. 161

Угрюма старость есть: збираетъ все въ копну;
Блюдетъ, не для себя, въ сокровищѣ казну;
Мысль медлѣнна ея, все съ холодомъ та правитъ;
Часъ настоящїй худъ, прошедшее вѣявь славитъ;
Что нѣтъ къ утѣхамъ силъ, какъ у младыхъ людей,
То сладость ту бранитъ отъятую у ней.

(13) Чтобъ ваши Игроки не говорили збродомъ,
Молодшїй стариковъ, старикъ младыхъ доводомъ.

Смотрїте нравъ Двора, и бытъ градскихъ жильцовъ:
Въ томъ мѣстѣ и другомъ довольно образцовъ.
Симъ точно Молїеръ, трудъ приводя свой въ славу,
Могло быть, чтобъ за то честь получилъ по праву;
Когдабъ, да угодитъ онъ больше Простакамъ;
Кривлянїй не давалъ такъ часто Игрокамъ,
Прїятность остроты, для шутокъ, оставляя,
И съ Табарїномъ въ стыдъ Терентья съединяя:
Въ мѣшкѣ томъ, въ кой Скапенъ наряженъ удалецъ;
Мнѣ Мїзантроповъ (*) ужъ невидимъ есть Творецъ.
Комедїя, бѣжа отъ слезъ, и горькихъ слѣдствїй,
Не допускаетъ въ Стихъ всѣхъ Трагїческихъ бѣдствїй;
Но долгъ ея не въ томъ, на рынокъ чтобъ ходить,
И скверностїю словъ чернь подло веселить.

Чтобъ всѣ Персоны въ ней играли благородно;
Чтобъ хитрый Узолъ весь развязывался сродно:
Чтобъ

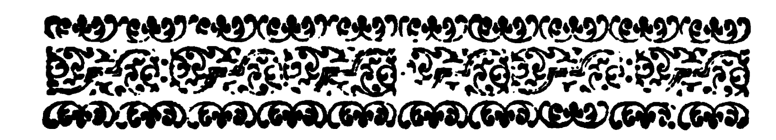
(13) . . . . ne forte ſeniles
Mandentur iuueni partes, pueroque viriles.
ibid. v. 176.

(*) Комедїя Молїерова Мїзантропомъ названная.

Чтобъ дѣйство, идучи за разумомъ притомъ,
Не гибло никогда въ Явленіи пустомъ:
Чтобъ низкій Стіль ея прилично возносился:
Чтобъ разговоръ вездѣ объ остротѣ въ ней тщился,
И былъ бы полнъ страстей взбужденныхъ тонко съ дна;
А сценабъ все съ другой вязалась тамъ одна.
Вы смыслу вопреки играть не начинайте,
Отъ естества на часъ отнюдъ не отбѣгайте.
Смотрите, какъ Отецъ въ Теренціи шумитъ
На Сына, и Любовь, что онаго срамитъ;
И какъ бѣжитъ тотъ Сынъ къ Любезной на проказы.
Забывъ отцовски всѣ какъ брани, такъ наказы:
Не зрится токмо видъ, ни образъ тутъ нѣмый;
Но самъ Любовникъ, Сынъ, и самъ Отецъ прямый.

Любъ на Театрѣ мнѣ пріятнѣйшій Творитель,
Кой, честь свою храня, чтобъ чтилъ его и Зритель,
Сладитъ однимъ умомъ не прекословя съ нимъ.
Но грубый всякъ глумникъ, съ обычаемъ своимъ,
Что скаредствомъ меня забавить токмо хочетъ,
Пусть на-площадь идетъ, и тамъ дуря щекочетъ
Обставшимъ Халуямъ негоднѣйшую старь,
Котору онъ слыхалъ самъ у Святошныхъ харь.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Во Флоренціи давно пребывалъ Врачъ славный,
Превеликій краснобай, и убійца справный.
Бѣдно тамъ въ немъ общимъ долго не-было конца:
Тамъ желалъ сиротка паки отъ него отца;
Брата оставлялъ тутъ братъ ядомъ опоенный;
Тотъ безъ кро́ви, отъ лѣкарствъ сей меръ убіенный.
Отъ него колотьемъ дѣлался насморки вредъ,
Головный боль малый премѣнялся въ смертный брѣдъ.
Проклиніемъ всюду онъ городъ оставляетъ.
По убитыхъ всѣхъ одинъ съ нимъ другъ вотъ гуляетъ,
И ведетъ въ прекрасный онаго свой домъ и садъ;
Зданія богатыхъ любящій то былъ Аббатъ.
Тамъ тотча́съ рожденный Врачъ къ оному искусству,
Говоритъ, какъ самъ Манса́рдъ, по тому досужству:
Строеву Столову охуждаетъ онъ спреди;
Сѣнямъ течнымъ мѣсто сказываетъ посреди;
Инакъ лѣсницу велитъ обратить Нарядчикъ.
Понялъ все другъ; и зоветъ, шелъ къ нему бъ Подрядчикъ.
Сей приходитъ, слышитъ, хвалитъ самъ то, дѣльно зря,
Наконецъ о чудѣ вкратцѣ съ смѣхомъ говоря,

Нашъ

Нашъ убiйца съ врачевствомъ вдругъ простился,
И съ привѣсомъ ужъ въ рукахъ Обществу явился;
На Галéнѣ въ грóбы больше самъ больныхъ не мча,
Архiтектъ сталъ добрый изъ негоднаго Врача.

Наставленiемъ примѣръ сей есть намъ изряднымъ:
Лучше, если вашъ талантъ, будьте Зодчимъ рядны мъ,
Каменьщикомъ хвальнымъ въ нужномъ мастерствѣ такомъ,
Нежъ Пиццомъ бездѣльнымъ и Пiитомъ Канюкомъ.
Есть въ художествахъ другихъ разные степени,
Можно во вторыхъ тамъ быть честно и безъ пени:
Но въ Наукѣ грозной, сочинять Стiхъ и писать,
Сáмое худое и посредственное, ВРАГЪ.
Холоденъ чей складъ, есть тотъ пакосный Писатель,
За одно Боѣра (*) чтитъ съ Пеншеномъ Читатель.
Ужъ Рампáль не чтется, также и Менардiéръ,
И Меньниѡнъ съ Сугéтомъ, и Корбéнь, и ла Морльéръ.
Глупый можетъ насмѣшить тѣмъ, что онъ затѣетъ;
Но холодный только всякъ скучить намъ умѣетъ.
Лучше въ Бержерáкѣ (†) съ смѣха шутовству снитъ,
Нежель отъ Мотéня озябать и леденѣть!

Не упоевайтесь вы льстивыми хвалами,
Кои въ честь вамъ иногда чванишки толпами,
Восклицая ТО-ТО! хóдя по домамъ даютъ:
Нѣкоторы слуху пiсьма хорошо поютъ,
Кои, вышедши предъ всѣхъ нá-свѣтъ изъ печати,
Не являются глазамъ въ тойже красной стати.

(*) Авторъ посредственный.

(†) Цiрáно-Бержеракъ, Авторъ путешествiя въ Луну.

Авторамъ былъ многимъ Трагическій оборотъ:
Въ лавкѣ спитъ и нынѣ оный жалкій столь Гомбо́тъ.

Слушайте вы рядомъ всѣхъ, спрашивался съ ними:
Судитъ лучше иногда глупый межъ другими.
Чтожъ бы вамъ составитъ Аполлінъ Стіхомъ ни далъ;
Вѣкъ то честь, повсюду каждый бы въ васъ не ристалъ.
Не смотрите, что Писецъ дѣлаетъ бесплодный,
Кой пустыхъ своихъ трудо́въ чтецъ весьма голодный
Останавливаетъ, встрѣтится когда кто съ нимъ,
Да и въ переулки гонитъ чтеніемъ своимъ.
Хоть бы Ангелами храмъ чтимый былъ всечасно;
Въ томъ отъ Музы имъ его уходить опасно.

Сказано вамъ мною, хулящихъ любите васъ,
И уму въ покорствѣ правьте худьное тотчасъ.
Но не должно вамъ смотрѣть, какъ дуракъ васъ строчитъ:
Неискусна часто тварь въ гордости порочитъ
Цѣлу Штуку злобно, здѣлавшись съ неправды лихъ,
Благороду смѣлость, и ругаетъ красный Стіхъ.
Коль бы вамъ ни отражать тщетны въ немъ доводы;
Онъ свой любитъ ложный судъ съ самыя природы:
Свѣта обнаженный вѣса слабый разумъ въ немъ,
Думаетъ, что знаетъ силу тонкую во всемъ.
Бойтесь мнѣній вы его; вѣрить вредъ, обратно:
Инако, боясь мѣлей тонете стократно.

Избирайте, твердо поправлять бы васъ кому;
Быть умомъ водиму и наукою́ въ тому,
Которъ и Карандашъ тѣлъ туда извѣсно,
Слабоватo мѣсто гдѣ, иль отъ мрака тѣсно.
Мнѣнія онъ ваши справедливо просвѣтитъ,
И самихъ отъ страха для сомнѣній свободитъ:

Ска-

Скажетъ онъ: въ восторгѣ какъ, и въ какомъ успѣшно,
Разумъ сильный иногда въ бѣгѣ беспомѣшно,
Правилами сжатый, столько становится смѣлъ,
Что уходитъ прямо за предписанный предѣлъ.
Но находится такой Поправлятель рѣтко!
(*) Мастеръ рїѳмы сей слагать; судитъ же не мѣтко:
Въ городѣ тотъ славу за Стїхи могъ получить;
Чтожъ Луканъ, Вїргилїй, не умѣетъ различить.

Слушать, Авторы, прошу внятно наставленїй:
Хочетель отъ вашихъ быть славны вымышленїй?
(1) Чтобъ обильна Муза и плодоносяща въ сто,
Всюду прилагала къ Сладкому Полезно что.
Отъ пустыя мудрый Чтецъ бѣгаетъ забавы,
Мнитъ свои онъ исправлять и гуляя нравы.

Чтобъ изображенно сердцё въ вашихъ всѣхъ трудахъ,
Благородно было завсе чести на слѣдахъ:
Невозможно тѣхъ любить Авторовъ безмѣсныхъ,
Кои, въ мерзостныхъ Стїхахъ и весьма бесчесныхъ,
Продая добрбту за дешевый тамъ оброкъ,
Дѣлаютъ любезнымъ предъ Чтецами всякъ порокъ.

Впрочемъ, я не изъ такихъ разумовъ урочныхъ,
Что, гоня изъ всѣхъ Любовь писемъ непорочныхъ,

Красо-

(*) П. Корнелїй, толь славный по своимъ превосходнымъ Трагедїямъ.

(1) Centuriae seniorum agitant expertia frugis. cet.
Omne tulit punctum, qui miscuit vtile dulci,
Lectorem delectando pariterque monendo.
art. poet. v. 341

Красоты такія на Театрѣ не хотятъ,
И въ (*) Родрігѣ видятъ и въ Шіменѣ вредъ, и ядъ.
Не похвальная любовь, но въ рѣчахъ безгрѣшныхъ,
Не возбуждаетъ въ насъ страстей чистотѣ помѣшныхъ.
Красная (**) Дідóна сколько ни слезитъ въ стыдѣ;
Я въ ней грѣхъ порочу, емля часть въ ея бѣдѣ.

Добродѣтельный Писецъ, Стіхъ поя безвинно,
Сéрдца не вредитъ, сладя словомъ чувства чинно:
Пламеня преступна не разжетъ его тотъ жаръ.
Тѣмъ, былабъ душевный добродѣтель всѣмъ намъ даръ.
Разумъ кажетъ намъ вотщé силу благородну,
Изъявляетъ Стіхъ всегда сердцу подлость сродну.

Бѣгайте всемѣрно отъ премерсскихъ завистéй,
Разума тѣхъ средня, злóбна сéрдца пропастéй:
Превосходный всякъ сему не подверженъ бѣдству;
Сродемъ токмо сей порокъ одному посредству.
Зависть недругъ славы, и достойнствъ рáвно всѣхъ,
Симъ во вредъ у Знатныхъ непрестанно строитъ смѣхъ:
А желая высоту такъ себѣ умножить,
И сравниться бъ съ ними ей, ищетъ ихъ ничтожить.
Для тогó потщимся не впадать въ ту мрачну страсть,
И бесчесным чéсти ухищреніемъ не красть.

Дѣломъ бы однимъ Стіхи нé-были на диво;
Знайтесь съ дружными людьми, живучи правдиво:

Мала

(*) Корнеліева сáмая первая Трагедія, названная Цидъ, въ коей Герои любовники Родрігъ и Шімена.

(**) Віргіліева Энея Любовница, коя, по тайномъ отъ нея отплытіи Энеевомъ, сама себя заколола съ отчаянія.

Мало то, чтобъ въ Книгѣ только всепріятнымъ быть;
Знать поступки должно, и ещежъ бы добрымъ слыть.
Упражняйтесь вы въ трудахъ за едину славу;
Знатномубъ Писцу корысть не была въ приправу.
Знаю, что умъ чѣсный, безъ порока и стыда,
Получать законну можетъ плату отъ труда:
Но терпѣть я не могу Авторовъ тѣхъ славныхъ,
Кои, всю хвалу въ ничто, деньгижъ ставя въ главныхъ,
Аполлѣна въ лавку къ продавцу книгъ шлютъ въ наемъ,
И божественное кабалятъ искуство тѣмъ.
Прежде, разумъ нежъ еще, изъясняясь гласомъ,
Научилъ, уставы далъ людямъ добрымъ часомъ;
То природѣ грубой слѣдовали всѣ ксбрѣзъ,
И живя въ пустыняхъ бѣгали по пищу въ лѣсъ.
Прагото юво той была сила токмо разни:
Тотъ того, кто больше смогъ, убивалъ безъ казни.
Наконецъ, вотъ слово, сладосную рѣчь издавъ,
Умягчило оный въ человѣкахъ дикій нравъ:
Врозь живущихъ по лѣсамъ ихъ совокупило,
И стѣнами имъ Мѣста послѣ оградило:
Всѣ злодѣйства страхомъ удержало грозныхъ мукъ;
Немощныхъ закономъ отняло изъ сильныхъ рукъ.
Сей отъ первыхъ чинъ Стіховъ, говорятъ, родился.
Отъ того то въ Свѣтѣ слухъ всюду утвердился,
(a) Что Орфеевъ слыша на горахъ Ѳракійскихъ гласъ,
Тігры утоленны оставляли злость тотчасъ;

Что

(a) Siluestres homines sacer interpresque deorum
Caedibus et victu foedo deterruit Orpheus,
Dictus ob hoc lenire tigres rabidosque leones.

Что чрезъ Амфїоновъ звонъ камни обращались,
И въ Тебанскихъ их стѣнахъ сами въ рядъ вмѣщались.
Тѣ Согласность сперва показала чудеса.
Послѣ Стихъ Отвѣтамъ попустили небеса:
Съ устъ взбужденнаго жерца божескимъ тѣмъ жаромъ,
Въ слогѣ Аполлинъ Стиховъ провѣщалъ тамъ яромъ.
Вскорѣ, воскрешая Героичный древнїй вѣкъ,
Къ мужественнымъ дѣйствамъ бодро всѣхъ Гомеръ повлекъ:
Наставленїемъ въ свой рядъ Гезїодъ полезнымъ,
На бесплодныхъ далъ поляхъ жатвамъ быть любезнымъ.
Многими твореньми Мудрость изображена;
Та Стихами Смертнымъ въ пользу предвозвѣщена:
Заповѣдь ея умы всюду побѣдила;
А входя чрезъ слухи къ нимъ внутрь сердецъ вступила.
Благодѣйствъ сихъ Музамъ за толикое число,
Благодарство въ долѣ Ладамъ въ Грецїи зажгло:
Ихъ Науки приводя имъ служенїй къ нраву,
Удостоились себѣ Олтарей тамъ въ славу.
Но когда ужъ бѣдность подлости могла завесть;
То свою вотъ перву позабылъ Парнассъ всю честь:
Сребролюбїе сердца гнусно заражая,
Стихотворческихъ труды лжами умножая,
И родясь повсюду въ мерскихъ слогахъ, какъ плева,
Завело торгъ рѣчью, стало продавать слова.

Не бесчестьте вы себя подлымъ толь порокомъ.
Ежелижъ на злато вы зрите алчнымъ окомъ;

То

Dictus et Amphion Thebanae Conditor arcis
Saxa mouere ſono Testudinis, et prece blanda
Ducere quo vellet.

Ibid. v. 394.

То всѣ отъ Пермесскихъ отбѣгайте вдаль брегóвъ:
Нѣтъ на нихъ Богатству ни жилища, ни слѣдóвъ:
Какъ великихъ всѣхъ Творцовъ, такъ Героевъ главныхъ,
Токмо ставитъ Аполлїнъ Лавръ и Имя въ славныхъ.

(3) Какъ же? нужну Музу, коей гладъ пришло страдать
Дымъ одинъ мнѣ скажутъ, не возможетъ напитать?
Авторъ, съ недоѣдковъ кой чуть волочитъ мóщи,
Чтожъ и пóдъ-вечеръ ворчатъ въ немъ черéва тóщи,
Мало почитаетъ вкуснымъ Гелїконскїй ладъ:
Пьянъ тогда Горáцїй, видитъ онъ когда Менáдъ;
А безъ всякихъ и заботъ, мучащихъ Колтéта,
Для обѣда тамъ не ждетъ щастья отъ Сонéта.

Правда: но такая горькая бѣда у насъ
Рѣтко утѣсняетъ сладкопѣсненный Парнассъ.
И какой же страхъ въ сей вѣкъ, въ кой Наукъ соборы
Щедры на себя влекутъ отъ Свѣтила взоры,
Въ кой премудрый промыслъ Скиптродержнаго вездѣ
Не даетъ достойнымъ бѣдностей познáть нигдѣ?

(*) „Музы! славу всю Его вы своúмъ вчущúте:
„Громче Имя то одно, нежъ все что гласите.

„Чтобъ

(3) . . . . . Neque enim cantare sub antro
Pierio, thyrsumque potest contingere moesta
Paupertas, atque aeris inops, quo nocte dieque
Corpus aeger satur est, cum clamat Horatius, Euoe.
Iuuenal. sat. 7. v. 59

(*) Похвала Лудовику 14, Королю Францусскому, коего въ королевствованïе Авторъ сочинилъ сïи о Поэзïи пѣсни.

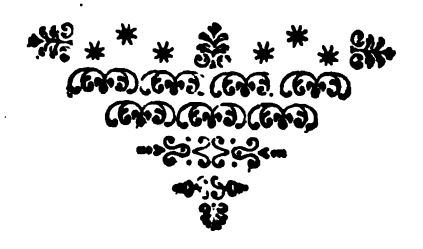
„ Чтобъ Корнелій, смѣлость для Него стремя меньше,
„ Былъ Корнелій Цита и Горація еще.
„ Чтобъ Расинъ, производя чудеса къ насъ новы,
„ Образы Героя бралъ съ Самогожъ топосы.
„ Чтобъ Его поето Красотами Имя въ складъ,
„ Представлялъ бесѣдалъ съ похвалою Бенсерадъ.
„ Чтобъ Сегрей Имъ же лѣса украшалъ въ Эклогѣ,
„ Чтобъ и Эпиграммъ быть въ остромъ хвалъ же слогѣ.
„ Но въ другой Энейдѣ Авторъ кой, толь вознесенъ,
„ Пойдетъ съ симъ Алцідомъ на трепещущій ужъ Ренъ;
„ Коя Лира, дѣйствъ Его по великой славѣ,
„ Камнямъ и лѣсамъ еще дастъ ходить въ приправѣ;
„ Воспоетъ Батавца, бури кой не могъ минуть,
„ И себя самъ топитъ, чтобъ ему не потонуть;
„ Подъ Мастріхомъ возвѣститъ войско поглощенно,
„ На приступахъ сильныхъ тамъ Солнцемъ освѣщенно!
„При моей сей рѣчи Слава новая поетъ,
„Васъ на Алпы скоро къ Побѣдителю зоветъ.
„Въ игѣ Дола; и Салинъ покоренъ ужъ зрится,
„На кремнѣ сраженъ, еще Безансонъ курится.
„Воины гдѣжъ оны, конхъ скопъ, и не одинъ,
„Здѣлать стержню встрѣчу тщался множествомъ плотинъ!
„Иль все бѣгствомъ удержать тѣ Его слагаютъ,
„Въ честь пріемля, что Ему въ руки не впадаютъ?
„Коль стѣнъ разоренныхъ! Сильно взятыхъ коль градовъ!
„Коль во всѣхъ походахъ въ славу собрано плодовъ!
„Авторы! Его что пѣть, огнь усугубляйте:
„Требуетъ ихъ непрестныхъ дѣло, помышляйте.„
Язъ самъ, кой помнитъ Сапиръ пребывалъ въ знобу,
Ни за Лиру взятися, ни не смѣю за Трубу.
Но на полѣ сечъ меня узрите вы сами,
Ободряющаго васъ гласомъ и глазами;

Прино-

Приносяща рѣчи, Муза что моя взяла
Въ младости у Флакка, и Парнассу отдала;
Благосердствующа въ насъ жару и охотѣ,
Кажуща вѣнецъ и мзду издали въ добротѣ.

Впрочемъ, извинивше ревности что полнъ сея,
Что и надзиратель вашихъ стопъ всѣхъ вѣрный я,
Не мѣшаю съ ложнымъ въ часъ золото прямое,
Въ грубыхъ же браню писцахъ все, что есть худое;
Хулитель досадный, но полезный часто вамъ;
Склоннѣйшій порочить, нежели исправенъ самъ.

КОНЕЦЪ.

Горáцїя - Флáкка.

ЭПІСТОЛА КЪ ПІЗОНАМЪ

О СТІХОТВОРЕНИИ (1) и ПОЭЗІИ.

СЪ ЛАТІНСКИХЪ СТІХОВЪ.

ПРОЗОЮ.

Еслибъ живописецъ присовокупилъ къ Человѣческой головѣ Конскую шею, а на всебъ тѣло навелъ красками разныхъ Птицъ перья, собравъ отъ всѣхъ Животныхъ члены такъ, чтобъ прекрасная сверьху Женская особа, имѣла мерзскимъ видомъ чорный Рыбїй хвостъ

---

(1) Въ предисловїи объявлено мною, что Горацїй всѣ свои правила взялъ изъ Арїстотелевы Пїитїки : но сверьхъ того много онъ выбралъ, по свидѣтельству Порфїрїóнову, изъ Крїтóна, Зенóна, Демóкрїта, и особливо изъ Неоптолéма Парóсскаго.

хвостъ: то, будучи пущены смотрѣть такую живописную картину, можетель вы, дражайшіи Други, удержаться отъ смѣха? Изволытежъ повѣрить, о! (2) Пизоны, что сей картинѣ весьма подобна будетъ Книга, въ которой, на подобіе больнаго человѣка сновидѣніямъ, тщетныи и пустыи изобразятся виды, и въ коей ни начало ни конецъ не имѣютъ между собою сходства и соединенія.

Правда, я знаю, что Живописцы и Піиты всегда имѣли равную власть, дерзать на все въ своемъ художествѣ; а вольности сея и я самъ себѣ прошу, и даю ея другимъ взаимно: однако не толь самовольно и дерзновенно, чтобъ ужѐ тихое совокуплять съ неспокойнымъ, или зміевъ сопрягать бы съ птицами, а съ тиграми агнцовъ.

Часто къ важнымъ и великимъ повѣствованіямъ пришиваются одна, или, по крайней мѣрѣ, двѣ блистающіе заплаты изъ парчи багрянаго цвѣта, когда или священный

(2) Приписано сіе наставленіе Луцію Пизону, и его двумъ Сынамъ: а сей Луцій былъ Консулъ въ 739 годѣ отъ созданія Рима; торжествовалъ надъ взбунтовавшимися Ѳракіанами въ 743; былъ управителемъ въ Римѣ, послѣ Статилія - Таара, чрезъ двадцать лѣтъ, и умеръ верьховнымъ Понтифексомъ въ 786 годѣ, имѣя отъ рожденія 80 лѣтъ. Историки похваляютъ его попремногу.

ный лѣсокъ Діанинъ, или ея жертвенникъ, или приближающіяся воды быстрымъ разлитіемъ проведеніе и окруженіе по веселымъ полямъ, или рѣка Ренъ, или дождяносная описывается радуга. Однако, всѣмъ тѣмъ украшеніямъ не-было тутъ приличнаго тогда мѣста. Но можетъ быть только и умѣнія въ такомъ художникѣ, что онъ искусенъ малевать одни Кіпарісы. Чтожъ сей живописецъ учинитъ имѣстъ, когда его кто нибудь изъ бѣдныхъ мореплавателей, по сокрушеніи и потеряніи корабля, проситъ намалевать бѣдствіе свое, и спасеніе отъ потопленія? И понеже начата корчага, то чего ради на вертящемся колесѣ выдѣлывается кувшинъ?

Впрочемъ, что сочинить вы хотите; то былобъ токмо просто (3), и одно въ себѣ: ибо

(3) Всѣ Горацієвы Правила касаются токмо до Эпическія и до Драматическія поэмы: о прочихъ говоритъ онъ токмо мимоходомъ. Но въ тѣхъ самое первое, главное, и какъ грунтовое правило есть Простота и Единство, которыя совершенно противны тому, что Горацій говорилъ выше. Неприличныя и посторонніи описанія повреждаютъ ихъ и истребляютъ: ничему чужому и непристойному нѣтъ мѣста въ сочиненіи. Должно въ семъ послѣдовать Гомеру, Віргілію и Софоклу, у коихъ все кажется нужнымъ и необходимымъ.

ибо мы Пiиты, по самой большой части, о! Отецъ, и Юноши достойныи отца, обманываемся видомъ правоты и исправности въ вещахъ. Ежели я стараюсь быть сократителенъ; то теменъ и непонятенъ бываю: будежъ устремительно бѣгу за ясностiю; то не достаетъ во мнѣ силъ и духа. Кто важное и великое начинаетъ; тотъ надыщается: но кто больше надлежащаго бури и волненiя боится; тотъ ползаетъ по землѣ. Кто притомъ и различнымъ образомъ щедро желаетъ испестрить вещь; тотъ Делфiна въ лѣсу изображаетъ, а Вепря въ морѣ. Къ пороку приводитъ бѣжанiе отъ порока, если оно не имѣетъ искусства. Статуарный художникъ, живущiй близъ такъ называемаго мѣста, Эмилiево (4) мечебитное училище, хотя и ногти, и мяхкiи волосы изрядно изобразитъ на мѣди; но вся его Статуа неудачна и нещаслива, для того что не вся здѣлана искусно. Сему художнику толь я подобенъ быть желаю, въ разсужденiи моего сочиненiя, коль охотно мнѣ жить съ скверным носомъ, имѣющему толь-

 ко

(4) Горацiй означаетъ здѣсь нѣкотораго художника статуй, жившаго за Цыркомъ, близъ мѣста, называемаго Эмилiево училище, для того что тутъ Эмилiй Лепидъ училъ прежде того Гладiаторовъ, гдѣ, по многомъ времени, Поликлетъ построилъ всенародную баню.

ко и красоты, что въ чорныхъ очахъ и кудряхъ.

Писатели! выбирайте равную силамъ вашимъ матерїю, и чрезъ долгое время обращая ся рассматривайте, чего понести не могутъ, и что рамена ваши снесть имѣютъ. Кому удастся выбрать по своимъ силамъ дѣло; тотъ не будетъ имѣть недостатка въ краснорѣчии, того также не оставитъ и чистый порядокъ въ расположенїи. Доброта и красота порядка въ семъ состоять имѣетъ, или я обманываюсь, чтобъ предлагать токмо то, что прилично дѣлу, а иное многое на другое откладывать время: чтобъ надлежащее любить, а неприличное презирать Автору обѣщанныя целыя Поэмы. Притомъ, въ словахъ рассудительны и осторожны, вы весьма можете изобразить рѣчь, когда знаемое слово новымъ здѣлаете чрезъ соединенїе съ другимъ. Итакъ ежели, по случаю, надобно будетъ описать вновь тайное и сокровенное въ вещахъ, и вымышлять неслыханныя слова́ самымъ древнимъ Римскимъ обывателямъ; то можно дать на нихъ вольность, буде она умѣренно употребится: ибо новыя и нынѣ вымышленныя слова́ будутъ имѣть силу, если съ нѣсколькою скупостїю отъ Греческихъ источниковъ произведутся, и учинятся Латинскими. Чегобъ ради Римлянамъ то нынѣ отнимать у Вїргилїя и Варїя, что они прежде позволяли Цецилїю и Пла́вту? Длячегожъ и мнѣ запрещать, буде я въ состоянїи

нїи вымыслить нѣсколько новыхъ словъ, когда Катбновъ и Эннїевъ языкъ обогатилъ отечественное наше слово, и новыя вещамъ имена наложилъ? Сїе какъ вольно было, такъ и всегда будетъ вольно.

Равно какъ на лѣсахъ листы перемѣняются ежегоднымъ старыхъ опаденїемъ; такъ словъ древнїй вѣкъ погибаетъ, и, на подобїе молодыхъ людей, родившись они процвѣтаютъ, и приходятъ съ возрастомъ въ силу. Мы всѣ, и все наше подвержено премѣнамъ и смерти. Видимъ и море пущеное на-землю, которое корабли въ Лукрїнской (5) Гавени защищаетъ отъ жестокихъ вѣтровъ Царскою силою и иждивенїемъ; видимъ и Помтїнское чрезъ долгое время неплодоносное (6) болото, и токмо способное

(5) Озеро Авернїйское было раздѣлено отъ Лукрїнскаго. Агрїппа перекопалъ то мѣсто, и собщилъ одно съ другимъ въ 717 годѣ отъ созданїя Рима; да и построилъ тамъ великолѣпную Гавень, назвавъ ея Portus Iulius, Гавень Іулїева, въ честь Августу, который назывался еще тогда Іулїй - Октавїанъ просто.

(6) Нѐ-было еще можетъ быть дватцати, или тритцати лѣтъ отъ того, какъ Августъ осушилъ Помтїнское болото посредствомъ канала, длиною почитай въ 23 версты, и выпустилъ воду въ море. По сему точно

къ воспріятію плаванія судами, нынѣ ближніи питающее городы, и тяжелымъ брющееся плугомъ; видимъ, что и рѣка Тібръ кригос перемѣнила (7) теченіе поврреждавшее плоды, и узнала лучшій путь. Всѣ человѣческія и дѣла исчезнутъ, не то чтобъ словамъ пребыть всегда въ честѝ, и имѣть всегдашнюю живность въ красотѣ и пріятности. Многія паки родятся, которыя ужé упали, и упадутъ названія, находящіяся нынѣ въ почтеніи, ежели восхощетъ и благоволитъ Употребленіе, которое токмо одно имѣетъ власть, и право, и правило какъ говорить.

Дѣянія Царей и Полководцовъ, также и печальные брани, какимъ Стіхомъ и велелѣпіемъ могутъ описываться, то показалъ Гомéръ. Стіхами нерáвно сочетанными, прежде жалость, но потóмъ и успѣхъ, збывшійся по желанію, Піиты начали предлагать: однако кто первый изобрѣлъ небольшýю Элегію, о томъ споруются ученыи люди, и нынѣ еще ихъ пря рѣшенія не получила. Неистовая ярость горужила Архíлóха собственнымъ ему Іамбомъ. Пóслѣ его изобрѣ-

---

каналу Горацій плылъ въ 717 годѣ отъ созданія Рима, когда онъ ѣхалъ въ Бріндъ.

(7) Агріппа, по Августову указу, подѣлалъ каналы, въ кои убиралась вода рѣкй Тібра, потоплявшія прежде Велабръ, и всѣ поля.

изобрѣтенія, сею Стопбю начали падать Комедіи, и важные Трагедіи, длятого что она способна къ изображенію Театральныхъ бесѣдъ, и къ преодолѣнію народнаго шума своимъ звономъ, такъ что какъ родилась на представляемые вещи Дѣйствіемъ. Лірическимъ Струнамъ опредѣлила Муза воспѣвать боговъ, и божескихъ чадъ, и бδрющагося Побѣдителя, и Коня въ ристательномъ подвигѣ перваго, и Юношескія отъ любви мученія, и своевольныя Віна и Пированія. Ежели я не умѣю и не могу по различію вещей различать Стіль; то почему меня должно называть Піитомъ? Чегожъ ради я болше незнаніемъ несправедливо стыжусь, нежели стараюсь научиться?

Кόмическое дѣйствіе не хочетъ представляемо быть Трагіческимъ слогомъ; равножъ негодуетъ и всякая Трагедія, буде она повѣствуется простыми и Комедіи приличными Стіхами. Всякой вещи должно имѣть свою благопристойность, и быть на томъ мѣстѣ, гдѣ каждой свойственно. Однако, иногда возноситъ голосъ и Комедія, такъ что и въ ней гнѣвающійся (8) Хреметъ пышнымъ

(8) Хреметъ трагическимъ говоритъ голосомъ, когда онъ кричитъ на сына своего Клітіфона въ 4 явлен. дѣйств. 5 Теренціевы Комедіи, названныя ГЕАВТОНТІМОРУМЕНОСЪ [самъ къ себѣ угрюмъ]:

инымъ ссорится словомъ: напротивъ того, часто и Трагическое Лице скорьбь свою изъявляетъ пѣшеходными (9) рѣчами. Телефъ (10)

. . . Non, si ex capite sis meo
Natus, item vt aiunt Mineruam esse ex Ioue, ea caussa magis
Patiar, Clitipho, flagitiis tuis me infamem fieri.

тоесть:

„Нѣтъ, Клітіфонъ; хотябъ ты такъ вышелъ
„изъ моея головы, какъ объявлютъ о Мінервѣ,
„что она произошла изъ Іовішевы: однако я не
„буду терпѣть, чтобъ ты меня бесчестилъ
„твоимъ непотребствомъ. „ Также и въ АДЕЛФАХЪ [съ двухъ родныхъ братахъ] Демей говоритъ высоко въ явлен. 3, дѣйства. 5:

Hei mihi! quid faciam? quid agam! quid clamem? aut querar?
O! caelum, o! terra, o! maria Neptuni.

тоесть:

„Ахъ горе! что мнѣ дѣлать? куда обратиться?
„что возопить? какую приносить жалобу?
„о! небо, о! земля, о! моря великаго Нептуна.

(9) Мнится, что Трагедіи меньше случаевъ, къ простымъ и народнымъ словамъ, нежели Комедія можетъ говорить высоко. Не токмо въ гнѣвѣ, но и во всякой наглой страсти употребляетъ она высоту. Въ Теренціевомъ Евнухѣ Херей, въ превеликой своей радости,

(10) и Пелей, оба изъ Царей пришедшіи въ бѣдность, и бывшіи въ изгнаніи, на Театрѣ отвергаютъ надутыя и полтарафутныя слова, желая привесть въ сожалѣніе смотрителево сердце. Недовольно того, чтобъ Поэмамъ быть только изряднымъ; надобно, чтобъ притомъ онѣ были и сладки и полезны, и обращалибъ, куда хотятъ, въ слушателѣ сердечныя пристрастія. Какъ съ смѣющимися смотрители смѣются; такъ должно, чтобъ они и съ плачущими тожъ имѣли человѣческое чувствіе, и показывалибъ оное на лицѣ явно. буде ты Телефъ, или ты Пеелй, худо данныя вамъ слова

говоритъ такъ при окончаніи 5 дѣйств. что не стыднобъ отнюдъ и Трагедіи было, имѣть такую рѣчь. Чтожъ до Трагедіи; то она, кажется, долженствуетъ быть проста въ скорби токмо, какъ то Горацій наставляетъ, и по немъ Депреó.

(10) Телефъ и Пелей; одинъ сынъ Геркулесовъ, а другой Ахіллесовъ отецъ, когда они оба лишены были наглостію своихъ областей, то принуждены нашлись просить покорнѣйше, и въ бѣдномъ состояніи, милости и пóмощи у Греческихъ государей. Сіе сáмое подало матерію Эвріпіду къ двумъ Трагедіямъ, какъ то видно изъ многихъ мѣстъ Комедіи Арістофановы, названныя жабы, или лягушки.

слова отъ Автора выговариваете; то я или дремать стану, или буду смѣяться.

Жалосные рѣчи Печальному лицу приличны; Гнѣвающемуся, исполненные грозъ; Играющему, забавные и любовные; Постоянному наконецъ важные. Ибо сама природа изображаетъ въ насъ прежде приличие всякому состоянію, тѣмъ что иногда она приводитъ насъ къ благосклонности, иногда на гнѣвъ побуждаетъ, или на-землю несносною повергаетъ печалію, а въ радости воздвигаетъ сердечныя движенія изъясненіемъ языка. Ежели Повѣствующаго слова несогласны будутъ съ его состояніемъ; то конныи и пѣшіи Римскіи граждане будутъ ему въ лицо свистать и смѣяться. Того-ради, весьма прилѣжно наблюдать надобно, богъ ли какой говоритъ, или Герой; зрѣлый ли Старостію человѣкъ, или еще цвѣтущею Младостію кипящій; сильнаяль Госпожа, или неусыпная Кормилица; Купецъ ли странствующій, или Оратай зеленѣющіяся нивы; Колхідянинъ ли, или Ассіріанинъ; въ Тѣбахъ ли воспитанный, или въ Аргосѣ рожденный.

Писатели! или предлагайте вѣдомую всѣмъ повѣсть, или приличную вымышляйте и вѣроятную. Ежели почтеннаго представляете Ахіллеса; тобъ онъ былъ устремителенъ, гнѣвливъ, непреклоненъ, храбръ, и силенъ: говорилъ бы, что онъ не подверженъ уставамъ, и что нѣтъ того, кото-

рое

рое не должнобъ было уступать оружїю. Чтобъ Медея была свирѣпа и непреодолѣема; чтобъ Іна слезлива; чтобъ Іксїонъ вѣроломенъ, Іа повсюду скитающаяся, а печаленъ и мраченъ былъ бы Орестъ. Когда что небывалое прежде на Театрѣ выводите, и дерзаете представить новое Лице; чтобъ оно такого было до самаго конца, какого сперва явилось, и всегдабъ свойство свое хранило.

Хотя и трудно, обще многими описанную матерїю, собственнымъ отличить Сочиненїемъ; однако вы исправнѣе можете Троянскую вѣдомую повѣсть представлять дѣйствїемъ, нежели предлагать неизвѣстное и прежде неописанное. Общая матерїя имѣетъ быть собственною вашею, когда въ ея пространномъ округѣ искусно станете обращаться, когда не отъ-слова до-слова вѣрно переводить имѣете, и когда Подражанїемъ и въ такую тѣсноту не зайдете, отъ которыя вамъ отстать стыдъ запрещаетъ, или законъ предпрїятаго дѣла.

Блюдитесь начинать такъ Поэму, какъ Площадный (11) въ древнїя времена началъ Писа

(11) нѣкто изъ древнихъ римскихъ Пїитовъ, коего имени Горацїй намъ не объявляетъ, сочинилъ Поэму о Троянской войнѣ; гдѣ онъ велъ всю Прїамову Історїю порядкомъ отъ рожденїя его до смерти, не отступая ни къ

Писатель: я воспою (12) Прїамову фортуну и благородную брань. Чтожъ сей обѣщатель принесетъ намъ потомъ достойное толикаго зѣванїя? Ничего, какъ токмо что силятся родить горы, а родиться имѣетъ смѣха достойная мышь. О! коль исправнѣе Гомеръ, который ничего не предуготовляетъ на вѣтръ, и не къ стати,

какому Эпїзодїю. Таковы точно Поэмы: Превращенїя Овїдїевы, и Ахїллеїда Стацїева. Единство Героевъ и дѣйствїя не находится въ первомъ; а вторый хотя и предлагаетъ дѣйствїя одного токмо Героя, но дѣйствїя сїи не связываются между собою, и не клонятся къ одному Главному, которому бъ ихъ всѣ соединить.

(12) Сїе есть начало Поэмы, содержавшїя всю Прїамову Iсторїю: чегоради сей Пїитъ и названъ КРУГОВЫМЪ въ Горацїи, коего я перевелъ Площадным. И понеже Горацїй осмѣхаетъ сїе предложенїе; то какъ бы уже онъ сталъ смѣяться надъ Стацїемъ, включившимъ въ свою Поэму всю Ахїллесову Iсторїю, какъ то сказываютъ о Мевїи, что въ своей Поэмѣ описалъ онъ всю Прїамову, котораго можетъ быть и называетъ Горацїй Круговымъ. Стацїй такъ началъ Ахїллеїду:

Magnanimum Aeacidem, formidatamque Tonanti
Progeniem, et vetitam patrio fuccedere caelo,
Diua refer . . . .

стати: Повѣдай (13) мнѣ, воспѣваетъ онъ, Муза, того Мужа, который, послѣ временъ взятыя Трои, многихъ человѣковъ видѣлъ нравы и городы. Сей не дымъ изъ блистанія, но изъ дыма помышляетъ дать свѣтъ, чтобъ ему въ послѣдованіи великолѣпныя предложить чудеса, а именно, Антіфата, Сциллу, и съ Ціклопомъ Харібду. Не начинаетъ онъ Дїомéдова возвращенія отъ Мелеáгровы смерти, ни Троянскія войны отъ двойнаго Лéдїнаго яичнаго порожденїя. Всегда къ окончанїю поспѣшаетъ; а къ тѣмъ

тоесть:

„Великодушнаго Ахїллеса, и страшное Гре„мяцему порожденїе, которому нé было „судьбы наслѣдникомъ быть подъ отечествен„нымъ небомъ, богиня воспой.„ Надобно чрезвычайное стремительство, чтобъ не уронить до сáмаго конца Поэмы влагаемаго мнѣнїя о Героѣ, страшномъ самомý Юпїтеру.

(13) Горацїй предлагаетъ здѣсь сокращенно первыи три стїха Гомеровы Одїссеи.

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον ὃς μάλα πολλὰ
Πλάγχθη ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε,
Πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω.

тѣмъ вещамъ, которымъ надлежитъ быть въ срединѣ, такъ переднимъ повѣствованіемъ похищаетъ Читателя, какъ буттобъ оныe были-ужé ему извѣсны: но о чемъ отчаявается, что оно не способно можетъ воспріять украшенія, то оставляетъ, и такимъ образомъ вымышляетъ, и мѣшаетъ праведное съ подобнымъ правдѣ, чтобъ срединѣ съ началомъ, а съ срединоюбъ концу быть согласну.

Вы, чегобъ я, и со мною народъ, желалъ, послушайте. Ежели хотите имѣть себѣ похваляющаго Плескателя, который ожидаетъ открытія Театру, и сидѣлъ бы онъ до того времени, и до того сáмаго слóва, коимъ нѣкоторое изъ дѣйствующихъ Лицъ при окончаніи обѣявляетъ, вы плещúте: то надобно вамъ наблюдать каждаго возраста нравы, также и естество, пребывающее всегда въ движеніи и перемѣняющееся, и притомъ лѣтъ приличную осанку и свóйство. Отрокъ, который ужé сталъ говорить, и незыблющимися ногами ходить по землѣ; тотъ охотится играть совокупно съ сверсниками, и какъ онъ гнѣвается

тоесть:

Возвѣсти мнѣ, Муза, многообратившагося [мудраго, благоразумнаго] Мужа, который, странствовавъ чрезъ долгое время, по раззореніи священныя Трои, позналъ нравы, и былъ въ градахъ многихъ Народовъ.

вается безрассудно, такъ и гнѣвъ оставляетъ, перемѣняясь ежечасно. безбородый Юноша, послѣ какъ отлучатъ отъ него Дядьку, веселится Лошадями, тѣшится Псами, всегда пребывая въ чистомъ полѣ: сей какъ ищащій къ восприятію изображенія въ сердце отъ пороковъ, и къ преклоненію себя на злое; учителямъ непокоривъ, полезныхъ вещей медлѣнный предусмотритель и промыслитель, расточителенъ на деньги, высокомѣренъ, самомнителенъ, и любовною страстію кипящъ, а любимое отвергать устремителенъ. Противнымъ сему пристрастіемъ, вѣкъ и Мужеское сердце ищетъ богатства и дружбы, старается въ честь произойти, хранитъ себя отъ такова дѣла, отъ котораго ему скоро отстать будетъ нужда. Многія беспокойства окружаютъ Престарѣлаго человѣка, или для того, что онъ ищетъ, а отъ полученнаго бѣдный воздерживается, и боится оное употреблять, или для сего, что онъ всякое дѣло съ опасностію и съ холодною медлѣнностію отправляетъ, будучи отлагатель на иное время, далекъ надеждою, лѣнивъ, желателенъ будущаго, неговорчивъ, кропотливъ, хвалитель прошедшихъ временъ, и что онъ еще въ отрочествѣ былъ смотритель за всѣми, и тѣхъ исправлялъ. Восходящія лѣта многіе выгоды приносятъ съ собою, а нисходящія уносятъ многіе.

То-ради, чтобъ не дать должности состарѣвшагося человѣка молодому, всегда долженствуемъ смотрѣть обстоятельства приличныя лѣтамъ, хотябъ Дѣйствіе на Театрѣ представлялось, хотяжъ бы оно и повѣстію предлагаемо было. Не толь скоро слова вложенныя въ слухи возбуждаютъ сердца, коль вещи представленные нелгущимъ очамъ, и которые Смотритель самъ себѣ, и понятію своему предаетъ. Однако, для сегожъ самаго не извольте того представлять на Театрѣ, чему должно быть за онымъ; и многое укрывайте отъ очей, что объявить можетъ вскорѣ присутствующее Краснословіе. Чтобъ Медеа не убивала дѣтей своихъ предъ народомъ, и также не варилъ бы явно человѣческія плѣти скверный Атрей; или, чтобъ не превращалась Прокна въ птицу, а Кадмъ въ змія: все что мнѣ подобное сему представляется, я, не вѣря тому, ненавижу онаго. Вся та Драматіческая Поэма, чтобъ ни больше ни меньше (14) пяти Дѣйствій не имѣла, которую

(14) Драматіческая Поэма не толь долга, коль Эпіческая: причина сему, что первая представляется, а другая чтется. Чего ради первой надобно стало имѣть предписанныи предѣлы, такъ чтобъ дѣйствію имѣть все время къ развязанію себя, и не утрудить бы вниманія и терпѣливости Смотрителевы. На

торую желаете, дабы просили къ представленію, и послѣ смотрѣнія пакибъ охотились видѣть ея повторенную на Театрѣ. Чтобъ никакова бога помощи въ Дѣйствіи не-было, развѣ достойный будетъ Узолъ толь великаго Истолкователя. Четвертое лице никогдажъ бы совокупно не говорило. Чтобъ Хоръ Дѣйствующихъ лицъ свойство и мужественную должность защищалъ: сей Хоръ, бывающій по окончаніи Дѣйствій, всегдабъ согласенъ былъ съ представленнымъ

сіе за довольное почтено пяти Дѣйствій; а Горацій и запрещаетъ быть имъ какъ въ меньшемъ, такъ и въ большемъ числѣ. Слѣдовательно, три Дѣйствія Італіанскія, есть погрѣшность. Впрочемъ, Греки о семъ раздѣленіи на-пять дѣйствій нигдѣ не говорили. Но Арістотелево раздѣленіе сходствуетъ всеконечно съ пятью Дѣйствіями. Называетъ онъ Предисловіемъ, что мы первымъ Дѣйствіемъ; Вступленіемъ, что у насъ дѣлается въ трехъ слѣдующихъ; Исходомъ, что въ нашихъ есть пятое Дѣйствіе. Оргіенъ, и святый Григорій Назіанзинъ утверждаютъ, что Саломоновы Пѣсни Пѣсней брачная есть Драма. Нѣкоторыи присовокупляютъ, что она точно раздѣлена на-пять частей. Если сіе правда; то Евреи знали Драматическіе Поэмы въ пять Дѣйствій за шесть сотъ лѣтъ прежде Арістотеля.

Дѣйствіемъ, и съ нимъ бы прилично соеди-нялся. Хоръ да благопріятствуетъ добрымъ и да подаетъ совѣтъ другамъ; Хоръ да исправляетъ гнѣвливыхъ, и да любитъ боящихся грѣшить: онъ да хвалитъ пищу не продолжительнаго стола: онъ да прославляетъ спасительное правосудіе, уставы, и спокойный миръ во время отверстыхъ Янусовыхъ вратъ: онъ вѣренное да укрываетъ, и да проситъ и молитъ боговъ чтобъ возвратилось къ бѣднымъ щастіе, а ушлобъ оно отъ гордыхъ.

Свирѣль не такая была, какая нынѣ золотомъ и серебромъ оправленная, и подобная трубѣ; но небольшая и простая, имѣющая не много ладовъ, которая пріятно соглашалась съ пѣніемъ Хора, и довольна была на услышаніе всѣмъ, когда еще скамьи не весьма тѣсно имѣли сидящій на себѣ народъ, который и самъ приходилъ смотрѣть, будучи непороченъ, чистъ, и кротокъ. Послѣ какъ побѣдители Римскіи начали распространять земли, городъ Римъ окружать обширнѣйшими стѣнами, и віномъ и пированіемъ всѣ обыватели стали забавляться небоязненно въ празничныи дни; то получила и Мусікія бо́льшее своеволіе въ играніи и въ играемыхъ штукахъ. Ибо чемъ бы другимъ увеселять себя грубому и празному земледѣльцу, смѣшавшемуся съ гражданиномъ, а бездѣльнику съ честнымъ человѣкомъ? Сея ради причины къ древнему

искусству

искусству прибавилЪ МузыкантЪ и движенїе и роскошь, волоча ужé долгїя своея одежды воскрилїя по всѢмЪ мѢстамЪ Орхестры; отЪ сего и постоянныя прежде стрýны получили себѢ нѢжное и умилное согласїе; отЪ сего устремительное слово произвело необыкновенное и странное КраснорѢчїе, также и полезныхЪ вещей прежде изобрѢтательница, божественная Философия, подобна стала быть вЪ словахЪ неистово прорицательному Делфїческому Аполлїну.

Которыи Трагїческими Стїхами, чтобЪ себѢ получить вЪ воздаянїе гнуснаго Козлá, препирались; тѢ вскорѢ также присовокупили и хѢсныхЪ СатировЪ, а не повреждая важности, шутку покусились ввесть вЪ Трагéдїю: ибо надлежало приманивать Смотрителя, и прїятною новостїю удерживать, кой, по священной должности, былЪ ужé и сытЪ и пьянЪ, и своеволенЪ. Однако, такЪ должно выводить на ТеатрЪ насмѢшниковЪ, такЪ прилично веселорѢчивыхЪ СатировЪ, такЪ мѢшать игрушку сЪ важностїю, чтобЪ, кто богЪ, кто будетЪ Герой, вЪ царскомЪ прежде бывши златомЪ одѢянии, не премѢнился притомЪ, простымЪ весьма словомЪ, вЪ незнатнаго харчевника, или, чтобЪ, убѢгая ползать по землѢ, не хваталЪ исчезающихЪ облаковЪ, и всего того что пустое. Трагедїя недостойна того, чтобЪ сїй легкомысленныи произносить Стихи: надобно сїй такЪ умѢренно и

стыдливо съ Сатірическою поступать шуткою, какъ честная Госпожа, по повелѣнію, пляшетъ во время торжественныхъ дней. Я Писатель Сатиръ, не токмо въ нихъ не буду любить некрасныя и несвойственныя каждой вещи имена и слова́, но и такъ не потщусь отъ Трагическаго различаться изображенія, чтобъ великой быть разности, когда Давъ говоритъ подлый и смѣлая Пітіа, которая обманувши Сімона господина своего, получила целый талантъ на приданое дочери, и когда произноситъ рѣчь Сіле́нъ, (15) охранитель и воспитатель питомца своего бога бакхуса. Я изъ вѣдомыя всѣмъ матеріи напишу Сатірическій Стіхъ, такъ что всякъ можетъ уповать здѣлать тожъ, но не всякъ, хотябъ сколько потѣлъ, будетъ умѣть получить въ томъ успѣхъ. Толико то сильно есть расположеніе и приличное

(15) Всѣ Древніи представили намъ Сілена Старикомъ, морщиноватымъ, плѣшивымъ, плосконосымъ, и имѣвшимъ долгую бороду. Онъ у нихъ наставникомъ и питателемъ бакхусовымъ: чего ради и Орфей начинаетъ свою пѣснь Сілену слѣдующимъ Стіхомъ:

Κλῦθί μευ, ὦ πολύσεμνε, τροφὲ Βάκχοιο τιθηνέ.

тоесть:

Послушай меня, о! многопочтенный, отецъ бакховъ питательный.

личное соединенїе! Толико по простой матерїи прибываетъ чести! По моему совѣту, выведенныи изъ лѣсовъ Фауны и Сатїры пускай берегутся, чтобъ имъ не быть подобнымъ народу и мѣщанамъ, чтобъ не чрезъ лишекъ молодѣть и юношествовать Стїхами являющими нѣгу, и чтобъ также не сквернословить нечистыми и бесчесными рѣчами: ибо такими словами гнушаются конныи Граждане, Сенаторы, и богатые Римскїе особы, и не всегда за то похваляютъ и жалуютъ, что любо продавцу свѣжаго гороху и орѣховъ.

Долгїй слогъ послѣ краткаго, называется Іамбомъ. Сїя Стопа́ весьма скора́; отъ чего и называются Трїметрами Іамбическїи Стїхи, хотя и шесть мѣръ и ударенїй имѣютъ, для того что двѣ Стопы за одну почитаются. Сперва во всѣхъ мѣстахъ Іамбическїй Стїхъ, однимъ токмо состоялъ Іамбомъ, и былъ съ начала до конца себѣ подобенъ. Почитай не давно, чтобъ ему нѣсколько медлѣннѣйшему и важнѣйшему входить въ слухи, принялъ онъ въ собственное свое наслѣдїе постоянную Стопу, называемую Спондеемъ; однако такъ, чтобъ во второмъ и четвертомъ мѣстѣ быть непремѣнно Іамбу. Сей и въ Акцїевыхъ благородныхъ Трїметрахъ, и въ Эннїевыхъ весьма рѣдко является. И хотя народъ на Театрѣ предлагаемыи Стїхи съ великимъ величанїемъ, и такїи, кои или излишною

поспѣшностїю сочинены, и непщательно, или и со всѣмъ неискусно, осуждаетъ, и всячески хулитъ; однако не всякъ рассудить можетъ, въ чемъ бездѣльныхъ Поэмъ состоитъ порокъ. Для того и попущено, но несправедливо, Римскимъ Пиитамъ писать, какъ хотятъ. И понеже сїе такъ; то ужѐ посему и мнѣ можно скитаться по вѣтру, и сочинять своевольно? Или даромъ, хотя знаю, что всѣ будутъ видѣть мои погрѣшенїя, однако я безопасенъ, и защищенъ данною вольностїю? Словомъ сказать, сїе значитъ, что я преступленїя не учинилъ, но не заслужилъ же и похвалы. Для избѣжанїя отъ сихъ пороковъ, вы обращайте Греческїя сочиненїя денною, обращайте и нощною рукою. Чтожъ наши Прадѣды Плавтовы какъ Стихи, такъ и шутки, похваляли; то обоему съ излишнею терпѣливостїю, чтобъ не сказать нерассудностїю, удивлялись они, когда нынѣ я и вы умѣемъ ужѐ различить неучтивое слово съ забавнымъ, и не токмо руками прикасаемся къ законному звону, но и слухомъ оный внушаемъ.

Повѣствуютъ, что невѣдомый по то время Трагїческїя Музы родъ изобрѣлъ Теспсъ, что онъ въ телегѣ прежде повсюду возилъ свои Поэмы, и что его Игроки и пѣли и говорили словомъ вымазавши лица свои Дрождями. По немъ насталъ Эсхїлъ, изобрѣтатель благопристойныя личины и

епанчи

епанчи, который не высокій Театръ выслалъ досками, и научилъ, какъ высокимъ слогомъ о важныхъ дѣлахъ говорить, такъ и бодро поступать въ Трагическомъ украшеніи. За сими двумя Трагедіями слѣдовала, такъ называемая Старая комедія, не безъ полученія себѣ довольныя похвалы; но въ порокъ вольность ея обратилась, такъ что наглость оныя достойною нашли воздержать закономъ. Запрещеніе принято, и безстыдный Хоръ замолчалъ, для того что отнято у него право къ поврежденію честныхъ людей. Наши Пииты ничего не оставили сочиненіями своими, такъ что не меньшую заслужили похвалу, дерзнувши оставить Греческія слѣды, и начавши прославлять домашнія дѣла, какъ тѣми комедіями, которые называются ПРЕТЕКСТАТЫ, такъ и оными, кои именуются ТОГАТЫ. И подлинно, столькожъбы сильнее славился Римъ и Краснорѣчіемъ Аѳинъ, сколько добродѣтелями и оружіемъ, ежелибъ всякъ изъ нашихъ Пиитовъ не отвращался отъ труда въ исправленіи, и имѣлъ бы въ томъ терпѣливость.

Но вы, о! Пизоны, происшедшіи отъ крови Нумы-Помпилія, осуждайте тотъ Стихъ, котораго долгое время, и многое черненіе не исправляли, а и десятью выправленнаго, еще не привели въ цѣлое совершенство. Пускай Демокритъ (16) думаетъ, что приро-

Ж 5 да

(16) Діогенъ Лаертскій объявляетъ, что сей Философъ издалъ, между прочими своими

да благополучнѣе бѣдныя Науки, и потому пускай выключаетъ изъ числа́ Піитовъ, и отлучаетъ отъ Геліконa тѣхъ, которыи здраво обучены, а оныхъ почитаетъ Піитами, кои умышленно неистовствуютъ, дляmого что знатная и самая большая часть изъ нихъ ногтей не обрѣзываютъ, бороды́ не брѣютъ, и живутъ въ уединеніи, отъ общихъ собраній убѣгая. Посему, тотъ токмо получить имѣетъ имя Піита, и за то почтеніе, кто, ни отъ трехъ сильныхъ Проносныхъ, неисцѣлимыя своея головы́ никогда не давалъ стричь бритовщику (17) Лиціну. О! весьма я безуменъ, что, при на-

трудами, два сочиненія, изъ которыхъ одно о Поэзіи, а другое о красотѣ Стіховъ. Можетъ быть, что въ которомъ ни будь изъ тѣхъ сочиненій говорилъ онъ то, что Горацій здѣсь о немъ сказываетъ.

(17) Сей Лиціnъ былъ славный бритовщикъ, коего Августъ произвелъ въ Сенаторское достоинство, въ награжденіе за ненависть его къ Помпею. Ему точно сочиненъ слѣдующій Эпиграфій:

Marmoreo tumulo Licinus iacet; at Cato nullo:
Pompeius parvo. Quis putet esse deos?

то есть:

Лиціnъ лежитъ въ марморномъ гробѣ; Катонъ ни въ какомъ: Помпей въ небольшомъ. Ктожъ помнитъ, что суть боги?

наступленіи весны, очищаю отъ желчи свой желудокъ: ибо никтобъ другой не могъ сочинить лучшихъ Поэмъ, ежелибъ я не имѣлъ попеченія о здравіи, ежелибъ я волосовъ не стригъ, бороды не брилъ, и ежелибъ я ногтей не обрѣзывалъ. Однако, почитая впрочемъ мнѣніе Демокрітово, я послужу вмѣсто оселки, которая способна къ изощренію ножей, хотя и не можетъ сама рѣзать. Самъ ничего не сочиняя, покажу, гдѣ надлежитъ получать матерію, чемъ ея распространить и украшать, какимъ способомъ Піитъ можетъ получить совершенство въ своемъ искусствѣ: что пристойно, и что не прилично: куда приводитъ наставленіе, и куда заблужденіе заноситъ.

Начало и источникъ исправнаго сочиненія, есть знаніе всего того, о чемъ можно писать. Тогоради, матерію могутъ вамъ подать Философіческіе Сократовы Книги; а рѣчи за промышленною матеріею сами потекутъ. Кто позналъ чрезъ ученіе, что онъ долженъ Отечеству, и что Пріятелямъ; какъ должно почитать Родителя, какъ любить брата, и обходиться съ Гостемъ; какая Сенаторская, и какая Судейская должность; наконецъ, въ чемъ состоитъ служба на войну посланнаго Полководца: тотъ поистиннѣ умѣетъ каждую особу описать прилично, и дать ей слова по ея свойству. Я притомъ совѣтую искусному подражателю,

взирать

взирать на образъ житія и нравовъ, и оттуду получать живыя рѣчи. Иногда шуточная Комедія, безъ всякія красоты, безъ важныхъ словъ, и безъ искуснаго расположенія, но твердаго наставленія и нравоучительная, больше увеселяетъ народъ, и лучшую исправленію нравовъ приноситъ пользу, нежели Стіхи не имѣющіи вещей, и громогласные пустоши.

Грекамъ смыслъ и искусство, Грекамъ Муза дала говорить учтиво, красно́, твердо, и исправно, которыи ничего больше не желаютъ, какъ токмо славы. Римляне, отъ самыхъ мяхкихъ своихъ ногтей, долгими вычетами и счисленіями учатся токмо раздѣлять на-сто частей целый * Ассъ. Пускай вопросится сынъ лихоимца (18) Албина, что, буде отнять отъ пяти унцій одну, то сколько останется? Тотчасъ онъ можетъ сказать, что одна четверть Асса. Изрядно! Нельзя ему растерять свои деньги! Но если приложить къ пяти одну, то сколько всего станетъ? Онъ: половина Асса. Сіе пристрастіе къ богатству, сія сребролюбная ржавчина, когда уже издавна

* 12 унцій.

(18) Сей Албінъ былъ богатый лихоимецъ того времени. Знатно, что сынъ его былъ еще молодъ, однакожъ показывалъ своими отвѣтами, что онъ зналъ больше, нежели отъ него требовалось.

дагна сЪѣлась вЪ сердце, то какЪ мы можемЪ надѣяться, совершить Стихи достойныи Кедра, и на соблюдение ихЪ, КипарисныхЪ КовчеговЪ?

ПиитамЪ славно или Полезное, или Забавное, или совокупно то предлагать, отЪ чего можетЪ произойти Добро вЪ жизни, и также оное, что сильно есть Увеселить. Вы о чемЪ ни имѣете сочинять наставление, старайтесь быть краткими, дабы тотчасЪ то затвердили понятныи разумы, и вѣрнобЪ вЪ памяти содержали: ибо все излишное вонЪ выливаетЪ источникомЪ. Что будете вымышлять ради увеселения, тобЪ весьма подобно было правдѣ, дабы не все, что басня предлагает, принималось за самую истинну, и чтобЪ она, изЪ утробы насытившіяся голлѣбницы живымЪ младенцемЪ, не извлекала его паки живаго.

Подлинно, трудно всѣмЪ угодить: ибо престарѣлые знатные Особы презираютЪ безполезные Поэмы; а молодыи Римскіи граждане отвращаются отЪ важныхЪ. Тогорази, тотЪ ПиитЪ удостоится токмо отЪ всѣхЪ общей похвалы, который соединяетЪ ПОЛЕЗНОЕ сЪ ПРІЯТНЫМЪ услаждая читателя, и совокупно преподая ему наставленіе. Такая Книга приноситЪ КнигопродавцамЪ (19) СозіамЪ много денегЪ; такая

(19) Созіи были славныи Книгопродавцы того времени. ИхЪ было два брата. ВЪ тѣ вре-

такая и за-море отгозится; она и знатнаго своего Творца пересылаетъ отъ вѣка въ вѣкъ въ бессмертной памяти. Однако, находятся такія погрѣшенія, которыя мы охотно измѣнить желаемъ: ибо иногда и струна не тѣмъ отзывается голосомъ, коего хочетъ рука и умъ, и требующимъ нискаго, часто посылаетъ она высокій; также и стрѣла не всегда въ ту цѣль попадаетъ, въ которую изъ-лука ею мѣтятъ. Тогоради, гдѣ многое блистаетъ въ Стихахъ; тамъ мнѣ не досадятъ немногіи пороки, которыи или отъ неприлѣжности вкрались, или ихъ усмотрѣть не могло человѣческое несовершенство.

Но едваль я не втуне сіе предлагаю? Ибо какъ Писатель Книжный, ежели онъ многажды въ томъ же все погрѣшаетъ, хотя ужъ и остереженъ, прощенія не сподобляется ни отъ кого; и всѣ надъ Музыкантомъ смѣются, кой всегда по одной струнѣ брячитъ: такъ я того, который много пишучи мало пишетъ добраго, почитаю

мена Книгопродавцы и Переплетчики не-былй разныи люди. кто переписывалъ книги, кто переплеталъ, или лучше, склеивалъ листы и столбцы, и кто продавалъ, [Bibliographus, Biblioregus, или Compactor, а по Цицеронову Glutinator, и Bibliopola] былъ токмо одинъ человѣкъ.

таю за онаго Херілла, косму дважды, или трижды вѣ нѣкоторыхѣ мѣстахѣ изрядно изобразившему, сѣ смѣхомѣ удивляюсь, а потомѣ яжѣ самѣ на него негодую. Случается иногда, что и совершенный Гомерѣ дремлетѣ: но вѣ долгомѣ сочиненіи невозможно, чтобѣ когда сонѣ не одолѣлѣ.

Какова живопись, такова Поэзія: есть, которая вамѣ блиско смотрящимѣ понравится; есть и такая, коя полюбится далско отстоящимѣ. Иная любитѣ темное мѣсто; иная желаетѣ при свѣтѣ быть видима, которая не боится тонкія остроты судящихѣ. Сія угодила токмо однажды; но другая десятью повторенная угодить имѣетѣ. Тогоради, о! старшій изѣ Юношѣ, хотя васѣ и Отеческое наставленіе кѣ правотѣ направляетѣ, хотяжѣ вы и самѣ изрядно вѣдаете; однако сего слѣдующаго слова не извольте позабыть: многіе есть такіе науки, вѣ которыхѣ терпѣливно посредственное сносится, и справедливо позволяется. Нѣкто изѣ приказныхѣ людей посредственный, хотя и не имѣетѣ столько искусства, сколько краснорѣчивый Мессалѣ, и не знаетѣ такѣ, какѣ Авлѣ-Касселій; однако похвалу получаетѣ. Но посредственнымѣ быть Піитамѣ, ни боги, ни люди, ни оныи вѣ лавкахѣ столпы, кѣ коимѣ прибиваются ихѣ Поэмы, никогда не позволяютѣ. Равно какѣ на великолѣпномѣ пированіи несогласная Мусікія, нечистое

ума-

умащеніе, и Сардінскій горкій медъ съ макомъ, досаждаютъ, ддяшого что столь и безъ сихъ непріятностей моіъ оширавишся: шакъ для пользы и сладости рожденная и изобрѣтенная Поэма, ежели хотя мало не достигнетъ до высоты, то на самый низъ стремглавъ упадаетъ.

Кто не обучился дѣйствовать оружіемъ; тотъ въ поле коннымъ не выходитъ. Также, кто не умѣетъ играть мячомъ, метать въ верьхъ блюдцо, гонять кубарь, или четырестичное колесцо; тотъ за все сіе и не принимается, опасаясь громкаго посмѣянія отъ многихъ сонмовъ вкругъ обстоящихъ людей. Должно и тому равный имѣть страхъ, кто не способенъ къ сочиненію Стиховъ, однако дерзаетъ. А чегобъ ради ему не дерзать? Особливо, ежели онъ самъ господинъ, благородный, конному римскому Дворянству положенную сумму денегъ Росціевымъ уставомъ имѣетъ? и притомъ, живетъ и служитъ безпорочно? Пускай же такой беспорочный, изволяетъ быть порочнымъ Пиитомъ. Но вы ничего и не произносите и не слагайте, ежели въ васъ нѣтъ къ тому способности: сіе да будетъ въ васъ рассужденіе, и сіе токмо мнѣніе всегда. Ежелижъ вы когда въ прошедшія времена что ни будь сочинили; то да прочтется предъ искуснымъ Критікомъ (20) Меціемъ

(20) Сей Критикъ, или Судія, есть Спурій-Мецій Тарпа. Онъ былъ одинъ изъ пяти учре-

Мецїемъ, также предъ Отцемъ, и прелом-кою, и потóмъ еще на-девять (21) лѣтъ да заключится въ ларецъ. Когда теперь они будутъ лежать въ домѣ; то вольно еще вычернить, чего не издано на Свѣтъ: ибо

3 выпу-

жденныхъ на свидѣтельствованїе сочиненїй. Древнїй нѣкто толкователь Сатиры X Горациевы, Книги I, говоритъ объ немъ слѣдующее: Metius Tarpa, iudex criticus, auditor aſſiduus poëmatum et poëtarum, in aede Apollinis ſeu Muſarum, quo conuenire poëtae ſolebant, ſuaque ſcripta recitare, quae niſi a Tarpa, aut alio Critico, qui numero erant quinque, probarentur, in ſcenam non deferebantur. Тоесть: ,,Мецїй-Тарпа судїя Критическїй, слушатель ,,прилѣжный Поэмъ и Пїитовъ, въ Храмѣ ,,Аполлиновомъ, или Музамъ посвященномъ, ,,куда обыкновенно Пїиты сходились, и читали свои сочиненїя, кои, буде Тарпою, ,,или другимъ Критикомъ, а числомъ ихъ было ,,пять человѣкъ, не подтвердятся, на театръ ,,не взносились для представленїя. ,, Россїй рассуждаетъ, что сїи пять человѣкъ судей, опредѣленныхъ въ Римѣ, были по подражанїю Аѳинейскимъ и Сїцилїйскимъ пятижъ судьямъ, рассуждавшимъ о Театральныхъ сочиненїяхъ. Сей есть преславный поводъ, къ нынѣшнимъ Академїямъ Словеснымъ, и касающимся до чистоты языка.

(21) Чрезъ девять лѣтъ должно разумѣть нѣкоторое довольно долгое время.

выпущенное однажды слово, не можетъ назадъ возвратиться.

Орфей священный, и толкователь воли божескія, прежде въ лѣсахъ живущихъ людей отвелъ отъ взаимнаго убійства, и отъ мерскія пищи; а за сіе приписываютъ ему, что онъ укротилъ Тигровъ и свирѣпыхъ Львовъ. Прославился и Амфіонъ Тебанскія создатель крѣпости, что онъ въ движеніе приводилъ играніемъ своея Лиры дикіи камни, и сладкимъ словомъ оныи влекъ, куда ему надобно было. Въ древнія времена въ семъ состояла мудрость, чтобъ отличать общее отъ собственнаго, священное отъ мірскаго; чтобъ запрещать скверное любодѣяніе, и подавать правила къ сожитію сочетавшимся законно; чтобъ городы строить, и уставы вырѣзывать на-деревѣ. Симъ честь и славу божественныи Прорицатели и ихъ Стіхи себѣ получили. Послѣ сихъ, знаменитый Гомеръ, и Тиртей мужественныя сердца на военныя дѣйствія изострилъ Стіхами. Стіхами отвѣты давались божескіи. Стіхами исправляемы были нравы, и все ученіе состояло. Стіхами приходили Піиты и у Царей въ милость. Стіхами найдены забавы, и отъ долговременныхъ трудовъ покойное отдохновеніе. Сіе я длятого вамъ предвозвѣщаю, чтобъ вы не почитали себѣ въ безчестіе искусныхъ Музъ Ліры, и Пѣвца Аполліна.

Давно

Давно ужé сей вопросъ предлагается, Природоюль лучше производятся Стіхи, или Наукою? Что до меня; я не вижу, чтобъ ученіе безъ богатыя природныя способности, илибъ грубая природа одна произвесть могла что нибудь совершенное. Посему, одна вещь у другія взаимныя себѣ помощи проситъ, и обѣ соглашаются между собою дружески. Кто старается бѣганіемъ до вожделѣннаго достигнуть Предѣла; тотъ въ отрочествѣ многое понесъ и претерпѣлъ, потѣлъ и на холодѣ мерзъ: воздержался отъ венеры и отъ віна. Музыкантъ, который Пітіаческіе штуки въ похвалу побѣдителю Аполлiну поетъ; тотъ прежде обучался, и претерпалъ предъ учителемъ. Но нынѣ довольно сего выговорить: я удивительные Поэмы сочиняю. (22) Кто назади, тотъ шелудивъ. Мнѣ стыдно оставаться, и чему я не обучался, признаваться, что не знаю.

Какъ Крикунъ бирюча кличетъ народъ, покупать свои тавары; такъ Пітъ повелѣ-

 ваетъ

---

(22) Сія пословица точно и на нашемъ языкѣ, при нѣкоторой игрѣ, отъ малыхъ ребятъ употребляется; а говоритъ ея выбранная изъ нихъ Матка. Вѣроятно, что древнихъ римлянъ отроки сіюжъ самую игру употребляли, которая состоитъ въ прибѣжаніи въ отверстые руки Матки, коя обыкновенно у стѣны стоитъ прислонившись.

ваетъ итти къ себѣ Ласкателямъ, для полученія подарковъ, ежели который богатъ вотчинами, и много у него денегъ въ росту ходитъ. Поистиннѣ, кто изъ достаточныхъ, который учреждаетъ обильный столъ, ручается по подломъ и бѣдномъ человѣкѣ, скупаетъ съ опухлыхъ пралежей, а буде можетъ распознать лживаго съ истиннымъ другомъ; то сіе мнѣ всегда имѣетъ быть изъ дивъ дивомъ.

Чтожъ до васъ; то вы, хотя васъ дарятъ, хотя вы сами желаете подарить кого нибудь, не изволите къ Стіхамъ сочиненнымъ отъ васъ приводить Ласкателя: ибо онъ тотчасъ закричитъ: хорошо, изрядно. нельзя лучше! Иногда онъ поблѣднѣетъ при другахъ, и слёзы распуститъ; то запляшетъ, то ногою станетъ топать въ землю. Равно какъ тѣ приговариваютъ и мечупкя, почитай подобно всѣмъ сердцемъ сокрушающимся, кои нанимаются по мертвыхъ плакать во время погребенія: такъ насмѣшникъ, всегда больше истиннаго Хвалителя движется. Объявляютъ и о Царяхъ, что много чашъ віна въ того вливаютъ, кого усмотрѣть хотятъ, достоинъ ли онъ будетъ ихъ милости.

Ежели вы станете слагать Стіхи, и сочиненныи предъ кѣмъ нибудь читать; то смотрите, чтобъ васъ не обмануло чье сердце лисьимъ лукавствомъ упасенное. будежъ бы

бы вы что читали (23) Квинктилию-Вару; то твердо знаю, что онъ бы вамъ такъ говорилъ: Сїе, или то, мой другъ, исправьте. Но еслибъ вы ему представляли, что вы не можете здѣлать лучше, и что дважды и трижды покушались безъ всякаго успѣха: однако, онъ бы всегда чернить велѣлъ, и худо сработанныи Стїхи вновь перековать на наковальнѣ. А когдажъ бы вы ревнительнѣе защищать устремились ваши погрѣшности, нежели оные исправить; то онъ больше ни слова, ни суетнаго и тщетнаго не приложилъ бы труда, и оставилъ бы васъ безъ Соперника любить себя, и ваше сочиненїе.

Добрый и разумный человѣкъ, неискусныи Стїхи осудитъ, похулитъ жестокии, неукрашенныи замѣтитъ чорнымъ знакомъ, гордыя украшенїя отъиметъ, темныя мѣста изъяснить принудитъ, двумысленныя обличитъ, и всѣ означитъ, которыя должно перемѣнить; словомъ, будетъ Арїстархомъ (24) доказывающимъ въ Гомерѣ тѣ

(23) Квїнктїлїй-Варъ свойственникъ, и искренній другъ Вїргїлїю, и по немъ Горацїю. Сей есть самый, которому Горацїй приписалъ XVIII Оду Книги I, и коего по смерти плачетъ онъ въ XXIV одѣ.

(24) Арїстархъ Грамматїкъ Александрїйскїй, родомъ изъ Самоѳракїи, былъ учителемъ сы-

Стїхи, которыи не Гомеровы, и не скажетъ, чегобъ ради мнѣ друга оскорбить въ игрушкѣ: ибо сїи игрушки въ бесшуточные приводятъ напасти, однажды осмѣяннаго и поруганнаго творца. Подобно какъ отъ того бѣгаютъ, и боятся прикоснуться, кто въ неисцѣльной проказѣ, или котораго скорьбь въ кольцо згибаетъ, или кто бѣснуется, и кого прогнѣванная Дїана ума лишаетъ: такъ рассудительныи люди опасаются упрямаго и тщеславнаго Піита, и съ нимъ не собщаются какъ съ такимъ человѣкомъ, котораго на улицахъ ребята дражнятъ, и за нимъ гоняются.

Сей, когда высокїи Стїхи изрыгая погрѣшаетъ, подобно птичнику вверьхъ смотрящему, въ колодезь или глубокую упадаетъ яму; и хотябъ сколько онъ ни кричалъ изъ всея силы, осудари вытащите; однако нѣтъ ему

ну Птолемея-Филометора, Царя Егїпетскаго. Цїцеронъ и Элїанъ объявляютъ, что его Крїтїка была толь тонкая, достовѣрная, и рассудительная, что Стїхъ не слылъ Гомеровымъ, ежели коего сей искусный Грамматїкъ не призналъ за Гомеровъ. Умеръ онъ въ Кипрѣ доброволвнымъ голодомъ, имѣя отъ рожденія 72 года, не могши терпѣть водяныя болѣзни. Арїстархами называютъ и понынѣ всѣхъ рассматривателей рассудительныхъ, слѣдующихъ красоту и исправность въ разумныхъ сочиненїяхъ.

ему Помощника: кто и желалъ бы подать къ нему туда верьвь, но не знаетъ, не съ умыслаль онъ туда бросился, и спастись не хочетъ. Примѣръ сему явенъ въ Сицилийскомъ Пиитѣ (25) Эмпедоклѣ: сей, за сочи-

(25) Эмпедоклъ былъ великий Пиитъ и Философъ; сочинилъ онъ три Книги объ естествѣ вещей, кои Аристотель приводитъ часто. Онъ еще описалъ походъ Ксерксовъ: но дочь его, или сестра, сожгла всѣ его труды по его смерти. Процвѣталъ онъ около LXXX Олимпиады, почитай за 450 лѣтъ до Христова рождества. Лукреций въ первой своей Книгѣ похваляетъ его слѣдующимъ образомъ:

Nil tamen hoc habuisse viro praeclarius in se,
Nec sanctum magis et mirum, carumque videtur,
Carmina quin etiam diuini pectoris eius
Vociferantur et exponunt praeclara reperta;
Vt vix humana videatur stirpe creatus.

тоесть:

„Не было въ Сицилии никого знаменитѣе, почтеннѣе, дивняе, и любезнѣе сего великаго „Философа. Божественныи его Стихи объ„являютъ всѣмъ преизрядныя его изобрѣтения: „и трудно вѣрить, чтобъ онъ рожденъ былъ „смертнымъ человѣкомъ." Впрочемъ, многии мнятъ, что то пахнетъ баснию, что бутто онъ бросился въ Этну желая быть богомъ. Однако сие предание самое древнее, коему Гораций слѣдовалъ.

ненїе Фїзїческихъ Поэмъ, желая бессмертнымъ быть богомъ, съ безумїя бросился въ горящую пламенемъ Этну. Пускай же будетъ позволено погибать упрямымъ и самохвальнымъ Пїитамъ. Нехотящаго кто сохраняетъ, тожъ дѣлаетъ, что и убиваетъ его: ибо тотъ не однажды ужъ хотѣлъ быть самъ себѣ убїйцею: того ради, хотя и будетъ спасенъ, однако не имѣетъ онъ быть человѣкомъ, и не отложитъ охоты къ славной смерти.

Наконецъ, я не могу догадаться, чегобъ ради толь великая была охота къ сочиненїю въ такомъ Пїитѣ? Или онъ законопреступно осквернилъ Отеческїй гробъ (26) испущенїемъ урины на оный, и длятого пришелъ

(26) Древнїи почитали превеликимъ нечестїемъ, чтобъ пускать мочу въ святыхъ мѣстахъ. Сїя есть причина, чего ради Персїй говоритъ въ первой своей Сатїрѣ:

Pinge duos angues; pueri, facer eſt locus, extra Meiite . . .

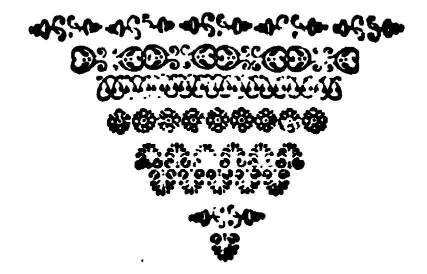
тоесть;

Намалюй двухъ змеевъ на стѣнѣ; дѣти! святое сїе есть мѣсто, вонъ выходите ссать.

Но двойнымъ было у нихъ оскверненїемъ, ссать на могилу; а уже страннымъ и ужаснымъ законопреступленїемъ, чтобъ ссать на могилу своего отца, или своихъ прѣдковъ.

шелъ въ бѣснованіе? Или за кровосмѣшеніе перуномъ пораженный, получилъ себѣ чорную Меланхолію? Сіе токмо извѣстно, что онъ неистовится, и какъ Медвѣдь сорвавшійся съ цепи, сей ненавистный читатель знаемаго и незнакомаго, искуснаго и незнающаго, разгоняетъ; а котораго поимаетъ, за того держится крѣпко, и убиваетъ чтеніемъ: такая Піявица не отвалится отъ тѣла, пока вся не напьется крови.

КОНЕЦЪ.

СПОСОБЪ

къ сложенію

РОССІИСКИХЪ СТІХОВЪ

против̃ъ

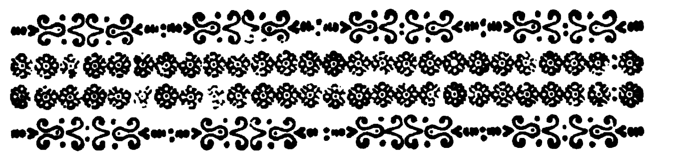
ВЫДАННАГО ВЪ 1735 ГОДѢ

исправленный

и

ДОПОЛНЕННЫЙ

ГЛАВА

глава первая

ВСТУПЛЕНІЕ

§. 1.

РѢчь есть двоякая: одна СВОБОДНАЯ или ПРОЗА, которая особливо принадлежитъ до Реторовъ и до Історіковъ; а другая ЗАКЛЮЧЕННАЯ или СТІХИ, кою по большой части употребляютъ Піиты.

§. 2.

Все что Стіхи имѣютъ общее съ Прозою; то ихъ не различаетъ съ сею. И понеже Літеры, Склады, Удареніе или Сила, коя однажды токмо во всякомъ словѣ, и на одномъ во немъ нѣкоторомъ изъ складовъ полагается, также оныя самыя слова, а притомъ самыи члены Періодовъ, и Періоды, общи Прозѣ и Стіхамъ: тогоради всѣми сими не могутъ они различиться между собою.

§. 3

§. 3.

Опредѣленное число слоговъ въ стары
не нашихъ, но польскихъ, а къ намъ в
денныхъ безъ всякаго основанія Стїхах
не отмѣняетъ ихъ отъ Прозы: ибо член
такъ называемаго (*) ІСОКОЛОНА Ретор
ческаго также почитай опредѣленными ч
слами падаютъ; однако сїи члены не Ст
хи.

§. 4.

Раздѣленїе большáго и средняго стара
польскаго у насъ Стїха, или лучше прозаїч
скія строчки, нá-двѣ половины, такж
не отмѣняетъ ихъ отъ Прозы: ибо, сверьх
того что всѣ прочїи малыи изъ старых
Стїховъ не дѣлятся надвое, члены Пер
одовъ Прозаїческихъ подобножъ пресѣкаю
ся Препинаніями, а иногда и точно нá
двѣ части.

§. 5.

Рїѳма, о которой ниже будетъ, ра
нымъ же образомъ не различаетъ Стїха с
Прозою: ибо Рїѳма не можетъ и быть Рїе
мож

(*) Фигура, которая всѣ члены въ одномъ Перї
одѣ полагаетъ равныи, и почитаи равносло
жныи. По словамъ она: РАВНОЧЛЕННАЯ.

мою не вознося одного Стїха къ другому, тоесть, не можетъ быть Рїѳма безъ двухъ Стїховъ; но Стїхъ каждый есть самъ собою, и одинъ долженствуетъ состоять и быть Стїхомъ.

§. 6.

Все сїе совокупно воспрїятое, а именно, число слоговъ, раздѣленїе на-двѣ части, и Рїѳма, не отмѣнитъ никакъ Стїха отъ Прозы: ибо что порознь въ себѣ чего отнюдъ и всеконечно не имѣетъ, то и совокупно дать того не можетъ, для того что нѣгдѣ каждому взять въ себѣ особно; да и все сїе составитъ токмо нѣкоторый членъ Перїода; а согласившему первую Рїѳму съ другою, произойдутъ два нѣкоторыхъ же перїодическихъ членовъ, или и одинъ нелѣпный съ такъ называемою фїгурою (*) ГОМIОТЕЛЕВТОНЪ.

§. 7.

Высота Стїля, смѣлость изображенїй, живность фїгуръ, устремительное движенїе, отрывистое оставленїе порятка, и прочее, не отличаютъ Стїха отъ Прозы: ибо все сїе употребляютъ иногда и Реторы и Iсторїки

(*) Сїя фїгура всѣ члены въ перїодѣ окончаваетъ подобно, и подобнымъ звономъ, По словамъ значитъ; ПОДОБОКОНЧАЩАЯСЯ.

ріки. Ахотябъ они и никогда не употребляли: однако все сіе особливо принадлежитъ до свойства Поэзіи, а не до состава и существа Стіха.

§. 8.

И какъ иная есть рѣчь свободная, а иная заключенная; то слѣдуетъ, что всеконечно надлежитъ быть между ними существенной разности.

§. 9.

Сія не можетъ быть у насъ существеннѣйшая, какъ токмо когда въ рѣчи цѣльной многократно повторяется ТОНЪ, называемый ПРОСОДІЕЮ, СИЛОЮ, и УДАРЕНІЕМЪ, по нѣкоторымъ опредѣленнымъ разстояніямъ отъ самого себя отстоящій: сіе каждому собственнымъ опытомъ тотчасъ познать можно.

§. 10.

Разстоянія сіи бываютъ или пóслѣ Тóна, или предъ Тóномъ; да и никогда у насъ какъ больше двухъ складовъ въ себѣ не содержатъ, такъ и меньше одного никогда не имѣютъ.

§ 11.

§. 11.

Тонъ съ разстоянїемъ своимъ отъ другаго подобнаго То́на, называется СТОПА. Ежели разстоянїе его находится по́слѣ То́на, и содержитъ въ себѣ токмо одинъ складъ; то Стопа́ сїя есть ХОРЕЙ, или, какъ другїи называютъ, ТРОХЕЙ: а обыкновенный его знакъ есть слѣдующїй — ◡, словожъ состоящее Хореемъ есть напримѣръ, НЕБО, для того что въ немъ са́мый первый складъ Силою ударяется, а другїй не имѣетъ Силы. Когдажъ разстоянїе будетъ предъ Тономъ, и состоять оно имѣетъ однимъ же складомъ; то Стопа́ здѣлается ІАМБЪ, коего знакъ есть противный первому ◡ —, а слово напримѣръ, ГРЕМИТЪ, потому что въ немъ вторый слогъ ударенъ Силою, а первый безъ ударенїя. Но буде по́слѣ То́на случатся два слога безъ Силы, и также два предъ То́номъ, то въ первомъ случаѣ Стопа́ здѣлается ДАКТІЛЬ, котораго знакъ есть сей — ◡ ◡, а слово напримѣръ, МОЛНІЯ, во второмъ же Стопа́ будетъ АНАПЕСТЪ; знакъ его противный Дактїлеву, именножъ сей ◡ ◡ —, а слово напримѣръ слѣдующее, ПОРАЗИТЪ.

§. 12.

Во всякомъ. Словѣ ударенный, или возвышенный слогъ Силою (*), тоесть Тбномъ, называется ДОЛГІИ; но прочїи всѣ въ немъ, сколькобъ ихъ ни-было, КОРОТКІИ.

§. 13.

Нѣтъ ни одного слбва, которое можнобъ было выговорить не ударивъ его по какому нибудь слогу однажды: тоесть, нѣтъ ни одного слбва, которое не имѣлобъ въ себѣ долгаго слога.

§. 14.

Икакъ премножество есть словъ ОДНОСЛОЖНЫХЪ; то слѣдуетъ, что и они безъ Тбна выговорены быть не могутъ.

§. 15.

(*) Понынѣ ударенїямъ нашимъ, кои бываютъ иногда и на шестомъ слогѣ и далѣе отъ правыя рукй, прáвиломъ есть токмо одно обыкновенїе. По сему общему употребленїю часто въ нѣкоторыхъ словахъ слоги двояко ударяются, напримѣръ: ЖЕСТÓКО и ЖЁСТОКО. Такихъ двойныхъ ударенїй премного; а въ семъ случаѣ долженъ Писатель означать всегда силою тотъ слогъ, который онъ ударилъ, но въ Стїхахъ сїя должность есть необходима.

§. 15.

Того ради; всѣ односложныя слова по естеству своему суть долгія. Однако, хотя сіе есть и бесспорно, толькожъ употребленіе нашихъ Стіхотворцевъ почитаетъ ихъ всѣ въ составленіи Стопы ОБЩИМИ, тоесть, и долгими и короткими; смотря по потребности: сія вольность толь есть нужная, что безъ нея едвалъ бы можно было составить одинъ токмо Стіхъ безъ превеликія трудности.

§. 16.

Сія точно Долгота и Краткость слоговъ именуется въ нашемъ Стіхосложеніи КОЛИЧЕСТВОМЪ СКЛАДОВЪ, которое есть всеконечно ТОНІЧЕСКОЕ; (*) тоесть, возвышающее и понижающее голосъ выговора нашего, и разнящееся всею своею природою

И 2 отъ

(*) Сіе въ нашихъ складахъ само собою есть прямое Количество, а не съ Греческаго и Латінскаго примѣра названное токмо. Доказывается неопоборимо такъ: „гдѣ Напряженіе вверьхъ голоса, „тамъ голосъ есть выше. Но ТОНЪ есть напря„женіе вверьхъ голоса. Слѣдовательно, гдѣ Тонъ, „тамъ голосъ есть выше. Отъ голоса, кой „выше, до голоса, кой ниже, есть расстояніе: „сно величина: а сіе самое и есть истин„ное КОЛИЧЕСТВО. Ч. Н. Д.

отъ Количества слоговъ въ Стїхотворенїи Греческомъ и Римскомъ, кое у нихъ, при ударенїи слоговъ тономъ, размѣряется ВРЕМЕНЕМЪ, тоесть, продолженїемъ и сокращенїемъ гόлоса.

§. 17.

Итакъ, Греческое и Римское Количество слоговъ протягаетъ и сокращаетъ слоги; а наше возвышаетъ и понижаетъ оныя.

§. 18.

Стопы наиболше употребляемые въ нашемъ нынѣ Стихосложенїи, Хорей и Їамбъ. За обѣ сїи Стопы повсюду, выключая нѣкїя мѣста въ нѣкоторыхъ Стїхахъ, о чемъ ниже, полагается Стопа ПІРРІХІИ, состоящїй изъ двухъ складовъ краткихъ, безъ чего ни единаго нашего Стїха составить не можно.

§. 19.

Не токмо непротивны нашимъ Стїхамъ Стопы Дактїль и Анапестъ, по примѣру Греческаго Стїхосложенїя, но еще и прїятными кажутся знающимъ силу Особамъ: нашъ Языкъ, не какъ нѣкоторыи изъ Европейскихъ, для ударенїй своихъ на разныхъ слогахъ въ словахъ, толикуюжъ къ тому имѣетъ

имѣетъ способность, коликую и Греческій съ Латинскимъ. Сему довольный данъ образецъ въ барклаїевой Аргенідѣ, переведенной по нашему.

§. 20.

Тоническое Количество въ нашихъ Стіхахъ есть самое первое и главное ОСНОВАНІЕ, и какъ жизнь и душа оныхъ. Введено оно въ наше Стіхотвореніе въ 1735 годѣ.

* *
*

ГЛАВА ВТОРАЯ

О СТІХѢ

§. 1.

Стіхъ есть рѣчь, имѣющая многія слова, опредѣленнымъ числомъ Стопъ съ начала до конца падающая.

§. 2.

Стіхи именуются и у насъ отъ числа въ нихъ Стопъ разно: ибо иный Стіхъ есть ГЕКСАМЕТРЪ, тоесть шесть мѣръ имѣющій; иный

иный ПЕНТАМЕТРЪ, пять; иный ТЕТРАМЕТРЪ, четыре; иный ТРІМЕТРЪ, три; иный ДІМЕТРЪ, двѣ; и напослѣдокъ МОНОМЕТРЪ, въ одной токмо Стопѣ состоящій.

§. 3.

Стіхъ Монометръ не можетъ быть свойственно Стіхомъ: ибо каждый долженствуетъ имѣть не одну токмо Стопу, какъ то видно изъ опредѣленія, или описанія Стіху въ §. 1. сея главы.

§. 4.

Стіхъ Гексаметръ, который называется БОЛЬШИМЪ и ГЕРОІЧЕСКИМЪ, и ЭПІЧЕСКИМЪ, можетъ у насъ быть Хорее-пірріхіческій, и Іамбо пірріхіческій съ Ріѳмами: также, дактіло-Хорее-пірріхіческій, и Анапесто-Іамбо-пірріхіческій безъ Ріѳмъ.

§. 5.

Стопа́ Пірріхій для того ко всѣмъ присовокуплена названіямъ, что какъ въ Хореическомъ вмѣсто Хорея, въ Іамбіческомъ вмѣсто Іамба; такъ и въ Дактіло-Хореіческомъ вмѣсто Хореяжъ, и въ Анапесто-іамбіческомъ Стіхѣ вмѣсто Іамбажъ она полагается. Вольность такая есть необходима ради

нашихъ

нашихъ многосложныхъ словъ, безъ которыя невозможно будетъ почитай и одного Стїха сложить: о семъ упомянуто въ §. 18. Главы первыя.

ЧЛЕНЪ I.

О СТIХѢ ГЕКСАМЕТРѢ ХОРЕIЧЕСКОМЪ

§. 6.

Стїхъ Гексаметръ Хореїческїй раздѣляется на́-двѣ ча́сти, изъ которыхъ каждая называется ПОЛСТIШIЕ.

§. 7.

Средина, гдѣ оба Полстїшїя соединяются такъ, что первое окончанїемъ, а второе нача́ломъ, именуется ПРЕСѢЧЕНIЕ. Оно есть всегда въ первомъ Полстїшїи: знакъ его, Конецъ сло́ва, и того перваго Полстїшїя.

§. 8.

Ибо конецъ втораго Полстїшїя называется РIΘМА. Она состоитъ какъ въ Хореїческомъ, такъ и Iамбїческомъ Стїхѣ иногда двумя складами, а иногда однимъ. Но въ Тетраметрѣ, Трїметрѣ, и Дїметрѣ Хореїческомъ токмо, употребляемомъ особливо въ десятїстїшныхъ Строфахъ, о коихъ

 ниже

ниже, можетъ она изрядно состоять въ самой срединѣ Строфы и тремя слогами.

§. 9.

Когда двумя состоитъ слогами; то она есть чистый Хорей, а имснуется ЖЕНСКОЮ, да и Стїхъ тотъ, въ коемъ она, назы[в]ается отъ нея женскимъ же: но Стїхъ, въ которомъ Рїѳма есть односложная, называемая МУЖЕСКОЮ, именуется по ней Мужеск[и]мъ, а она есть конецъ Iамба, или начало Хорея. будежъ когда Рїѳма состоять имѣетъ тремя складами; то ей, и Стїху ея [п]ринадлежитъ кажется, именоваться по ней ОБОЮДНЫМЪ, длятого что она совокупно и мужеская и женская, или справедливѣе, ни та, ни другая: но Стопа ея есть точный нашъ Дактїль.

§. 10.

Стїха Гексаметра Хореїческаго женскаго, первое Полстїшїе долженствуетъ состоять тремя Стопами, и долгимъ слогомъ, который есть Пресѣченїемъ, но второе, имѣющее двусложную Рїѳму, тремя токмо, изъ нихъ послѣдняя Стопа́ и есть Рїѳма.

ПРИМѢРЪ.

1 2 3 1 2 3
Дѣлочѣ |бы од |нимѣ сті|хй ||не́-бы|ли на |диво;
Знайтесь |сѣ дружны|ми людь|мй ||живу |чи прав|диво.
1 2 3 4 5 6

На

На противѣ того, Хореїческаго мужескаго Стіха первое Полстішіе состоять имѣетъ тремя Стопа́ми ра́вно; и третїею окончавать слого для Пресѣченія; а второе, имѣющее односложную Рїѳму, тремя, и долгимъ слогомъ, который и составитъ Рїѳму.

ПРИМѢРЪ.

1 2 3 1 2 3
Многи | ми тво | реньми | мудрость' изоб | раже'на:
Та Стї | хами | смертнымъ, | въ пользу, предлоз | вѣще, на́.
1 2 3 4 5 6

Сїя есть причина, что Стїхъ Гексаметръ Хореїческїй, какъ Женскїй, такъ и Мужескїй, есть ГІПЕРКАТАЛЕКТІКЪ, тоесть имѣющїй слогъ лишнїй сверьхъ шести Стопъ.

§. 11.

Стїхи всякаго рода и мѣры такъ между собою смѣшиваются, что иногда по двухъ Стїхахъ женскихъ полагаются два мужескїи; и напротивъ того, что и дѣлаетъ НЕПРЕРЫВНУЮ Рїѳму; иногда по одномъ женскомъ, или мужескомъ два мужескїи, или женскїи, а сїе производитъ Рїѳму СМѢШЕННУЮ.

§. 12.

Первое смѣшенїе Стїховъ женскихъ и мужескихъ всякаго рода, тоесть, когда по

 двухъ

двухъ Стїхахъ женскихъ или мужескихъ, полагаются два мужескїи или женскїи, бываютъ особливо въ Стїхахъ Гексаметрахъ и Пентаметрахъ: прочїя всѣ принадлежатъ до Строфъ, и еще такъ, что въ десятистїшныхъ, Хореическихъ токмо, Строфахъ по первомъ четверостїшїи могутъ положены быть два Стїха обоюдныя Рїемы; а Строфы такїе обыкновенно состоятъ Тетраметрами, Трїметрами, и Дїметрами, о коихъ ниже. Впрочемъ, Смѣшенїе сїе Рїемъ называется вобще: СОЧЕТАНIЕ СТIХОВЪ.

§. 13.

Наблюдать опасно должно, чтобъ въ мужескомъ Стїхѣ Хореїческомъ не начинать никогда втораго Полстїшїя односложнымъ словомъ. Однако, выключаются изъ сего слѣдующїя: 1) всѣ односложныи предлоги. 2) частицы и, не, ни. 3) кто, что, тотъ, та, то, сей, кой, какъ, такъ, коль, толь. 4) но, а. 5) да, чтобъ, и подобные не окончавающїе разумъ: ибо длятого односложнымъ словомъ не надобно начинать второе Полстїшїе, что слово то можетъ составить разумъ съ первымъ Полстїшїемъ, и быть Пресѣченїемъ, отъ чего составъ здѣлается женскаго перваго Полстїшїя, котораго тутъ ненадобно: но выключенные частицы разума не оканчаваютъ, и потому можно съ нихъ начинать второе Полстїшїе мужеское, какъ съ

такихъ

такихъ, которые перваго своего Полстишія мужескаго не могутъ здѣлать женскимъ, и быть почитаемы Пресѣченіемъ.

§. 14.

Есть порокъ въ старыхъ у насъ Польскихъ Стіхахъ, или лучше Прозаіческіхъ строчкахъ, который впрочемъ красотою въ Греческихъ и Латінскихъ; именножъ, когда переносится недоконченный разумъ въ первомъ Стіхѣ въ начало послѣдующаго. Въ сихъ онъ для того красотою, что Стіхи ихъ между собою, отъ неравности Стопъ, неравны, и притомъ Ріѳмъ не имѣютъ: слѣдовательно, одинъ Стіхъ предъ другимъ не дѣлается ни хромъ, ни въ согласіи окончательнаго звона, для неравности, не предускоряетъ прежде, нежели слухъ требуетъ, еще и больше чрезъ то одинъ Стіхъ съ другимъ сопрягается. Но въ равныхъ, каковы старые наши прозаіческіе строчки, все сіе дѣлается необходимо противнымъ образомъ, такъ что весьма сіе въ нихъ нелѣпо, и противно нѣжному слуху. Тогоради, въ нынѣшнемъ нашемъ Гексаметрѣ, для равности его, и ради Ріѳмы, отнюдъ не надлежитъ употреблять сей ПЕРЕНОСЪ изъ перваго Стіха въ начало слѣдующаго. Однако, сей порокъ и въ нынѣшнихъ нашихъ, твердое основаніе имѣющихъ Стіхахъ, сносится, когда разумъ переносится

вѣ слѣдующій такѣ, что или онѣ доноситѣся до Пресѣченія включително, или до са́маго конца́ Стіха. Первое Полстішіе есть цѣлыйже Стіхѣ Тріметрѣ, и длятого сей порокѣ нечувствителенѣ бываетѣ, да и Ріѳма не предускоряетѣ, длятого что на пресѣченіи всегда бываетѣ нѣкоторое малое и тайное почитай отдохновеніе.

ЧЛЕНѢ II.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ ІАМБІЧЕСКОМЪ.

§. 15.

Стіхѣ Гексаметрѣ Іа́мбіческій, какѣ мужескій такѣ и женскій, раздѣляется на́ два Полстішія, изѣ которыхѣ вѣ обоихѣ Стіхахѣ первое Полстішіе состоитѣ тремя Стопа́ми; но второе, вѣ женскомѣ а не вѣ мужескомѣ Стіхѣ, имѣетѣ три Сто́пы и слогѣ краткій.

ПРИМѢРЪ МУЖЕСКАГО

1	2	3	1	2	3
Поволь	ный бы дѣ	бы тру дѣ, ‖	коль васѣ	ни то	ропя́тѣ
И спѣш	ности	да вѣ васѣ ‖	безум	ныя	не зрятѣ
1	2	3	4	5	6

ПРИМѢРЪ ЖЕНСКАГО.

1	2	3	1	2	3	
Испра	вивши	уже́ ‖	еще	пото́мѣ	ихѣ правь	ше;
Придай,	ше и	когда ‖	но ча	ще что	убавь	ше;
1	2	3	4	5	6	

Ясно,

Ясно, что Гексаметръ Іамбіческій мужескій есть АКАТАЛЕКТІКЪ, тоесть, цѣльный и совершенный всѣми Стопами: но женскій ГІПЕРКАТАЛЕКТІКЪ, тоесть, имѣющій слогъ лишній сверьхъ полнаго шестистопнаго числа́.

§. 16.

Всемѣрно должно блюстись, чтобъ въ Іамбіческомъ Гексаметрѣ перваго Полстішія не окончавать Пірріхіемъ, но всегда Іамбомъ: природа Стіха не терпитъ сего порока. Надобно знать, что Акаталектічество, тоесть полная мѣра Стіха, въ Іамбіческомъ есть всегда мужескій Стіхъ. И понеже сей Гексаметръ состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ Трíметровъ, а каждый Трíметръ порознь кончится по естеству своему Іамбомъ; по кому не ясно, что первое Полстішіе, которое есть одно изъ тѣхъ двухъ Трíметровъ, долженствуетъ пресѣкаться Іамбомъ. Слѣдовательно, употребляющіи противное сему, погрѣшаютъ противъ естественнаго состава должнаго Іамбіческому Гексаметру. Потребно вѣдать и сíе, что Стіхъ Іамбіческій введенъ къ намъ съ образца Нѣмецкихъ Стíховъ; но въ Нѣмецкихъ всегда онъ пресѣкается Іамбомъ, какъ то и разумъ повелѣваетъ.

ЧЛЕНЪ

ЧЛЕНЪ III.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ ДАКТІЛО - ХОРЕІЧЕСКОМЪ

§. 17.

Сей Стіхъ есть подражаніе Греческому и Римскому. Нашъ языкъ и къ нему сроденъ: а искусныи люди находятъ, что и ему можно дать мѣсто между нашими Стіхами, и еще лучше любуются имъ, нежели нашими обыкновенными Хореіческими и Іамбіческими. безъ сомнѣнія, привыкшіи къ движенію Латінскихъ Стіховъ любоваться имъ имѣютъ; но всѣ прочіи и не столько и не такъ, для того что въ немъ и ходъ устремителенъ, и нѣтъ Ріомы Какъ то ни есть; только я его здѣсь для охотниковъ предлагаю. Не мѣшаетъ, что у насъ многіи роды Стіховъ будутъ. Французы, у коихъ одинъ токмо родъ Гексаметра, болѣзнуютъ, что они тѣмъ толь скудны: болѣзнованіе сіе изображено и у Ролленя въ древней Історіи, и у Дасіэра въ примѣчаніяхъ его на переводы съ Древнихъ.

§. 18

Итакъ, Стіхъ Дактіло-Хореіческій Гекса-саметръ состоитъ шестью Стопами такимъ обра-

образомъ, что въ первыя два мѣста пріемлетъ Стопу Дактіля или Хорея, а вмѣсто Хорея Пирріхія: но въ третіемъ всеконечно должно быть или Дактілю или Хорею такъ, чтобъ долгій слогъ Дактілевъ или Хореевъ былъ окончаніемъ слова. Въ четвертомъ можетъ быть Дактіль или Хорей, а вмѣсто Хорея Пирріхій. Но въ пятой Степени непремѣнно долженствуетъ быть Дактіль, а въ шестой точно Хорей. Притомъ, всѣ односложныя слова должно почитать за общія.

§. 19

У Латінъ и у Грековъ многія пресѣченія назначаются сему Стіху. Но у насъ одну всегда и всеконечно наблюдать ему должно, а именно, называемую ПЕНТЕМІМЕРНОЮ, которая бываетъ по двухъ цѣлыхъ Стопахъ въ началѣ третіея, начинающіяся долгимъ слогомъ Дактіля, или Хорея, и притомъ тутъ кончитъ слово. Прочія пресѣченія сами дѣлаться будутъ составомъ Стіха.

ПРИМѢРЪ.

1 2 3 4 5 6
Выше ужъ|звѣздъ какъ зне,сли||на|ставлены|горы Ті|фоя

Всякъ видитъ, что сей Стіхъ есть Акаталектікъ, тоесть, полный, и неимѣющій лишка сверьхъ числа Стопъ.

§. 20.

§. 20.

Сей Стїхъ у Латїнъ и у Грековъ въ пятое мѣсто прїемлетъ иногда Стопу Спондея, который состоитъ изъ двухъ долгихъ слоговъ, когда или ВАЖНОСТЬ какая вещи, или ВЕЛИКОСТЬ, или ПРЕЗѢЛЬНАЯ ПЕЧАЛЬ, и СОКРУШЕНIЕ, или что весьма СИЛЬНОЕ, и КРАИНЕЕ объявляется. Сему можно быть и у насъ по ихъ примѣру, тоесть, можно полагать въ пятое мѣсто Стопу Хорея, или вмѣсто его Пїррїхїя за всегдашнїй Дактїль, но въ подобныхъ же обстоятельствахъ.

ПРИМѢРЪ.

Сталъ, и о|чами по|дкй||фрї|гїйскїи осмо|трѣлъ вкругъ

§. 21.

И понеже сей родъ Стїховъ есть неравенъ въ рассужденїи одного Стїха съ другимъ, длятого что иный въ четырехъ мѣстахъ Дактїлями состоитъ, иный то Дактїлями, то Хореями, а иный Хореями одними до самаго пятаго мѣста, въ коемъ всегда есть Дактїль кромѣ помянутыхъ обстоятельствъ въ §. 20, состоять можетъ, и также, что въ немъ не соглашается одинъ Стїхъ съ другимъ Рїемою; то слѣдовательно

довательно, можетъ въ немъ быть и ПЕРЕНОСЪ изъ Стиха въ начало другаго, употребляемый у древнихъ.

ЧЛЕНЪ IV.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ АНАПЕСТОІАМБІЧЕСКОМЪ

§. 22.

Сей Стіхъ новаго изобрѣтенія, и есть онъ подражаніе Дактілохореіческому. Какъ Дактілохореіческій сходствуетъ съ Хореіческимъ; такъ и сей Анапестоіамбіческій съ Іамбіческимъ. Онъ не меньше осанистъ Дактілохореіческаго, какъ то всякъ знающій охотникъ чувствовать можетъ.

§. 23.

Состоитъ сей Стіхъ шестію Стопами, и на концѣ краткимъ слогомъ; такъ что въ первой Степени можетъ быть Анапестъ или Іамбъ [а вмѣсто Іамба Пірріхій], во второй Анапестъ, или Іамбъ, или Пірріхій, въ третіей непремѣнно или Анапестъ, или Іамбъ, а отнюдь не Пірріхій; да и окончавать слово Пресѣченіемъ. Въ четвертой и пятой Анапестъ, или Іамбъ, или Пірріхій; но въ шестой непремѣнно Анапестъ, и по немъ слогъ краткій.

I ПРИ-

ПРИМѢРЪ.

1 2 3 4 5 6

Отъиди|премер|скамолиба || ирипош|нiепрочi |нечестиво

Почему, Сей Стихъ есть Гиперкаталектикъ, тоесть, имѣющiй лишнiй слогъ сверьхъ числа Стопъ.

§. 24.

Можетъ и сей Стiхъ принять въ шестое мѣсто, при самомъ важномъ чего нибудь описанiи, Стопу Iамба вмѣсто Анапеста, но отнюдъ не Пiррiхiя.

ПРИМѢРЪ.

Безсмер|тныхъ любез|нѣйшiй родi ||превели|кое Зеу|са племя.

§. 25.

Для неравности своея, и что также долженствуетъ онъ быть безъ Рiѳмы съ другимъ слѣдующимъ Стiхомъ, можетъ и сей Стiхъ переносить разумъ въ начало слѣдующаго.

§. 26.

Превеликая красота какъ въ Дактiлохорейческомъ, такъ и въ Анапестоiамбическомъ Гексаметрѣ, когда не каждое слово каждую составляетъ Стопу, но частiю своею преходитъ въ слѣдующую. Чрезъ сiе прiятнымъ

нымъ образомъ сопрягаются между собою Стопы, и Мѣры УДАРЯЮТСЯ ПО СИЛАМЪ (Скансіа). Сіе самое должно по большей части наблюдать и въ Хореіческомъ и въ Іамбіческомъ Гексаметрахъ; а слономъ, и во всѣхъ прочихъ Хореіческихъ и Іамбіческихъ, о которыхъ будетъ ниже.

* *
*

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О СТІХѢ ПЕНТАМЕТРѢ

ЧЛЕНЪ I.
О СТІХѢ ПЕНТАМЕТРѢ ХОРЕІЧЕСКОМЪ

§. 1.

Стіхъ Пентаметръ Хореіческій женскій дѣлится на-два Полстішія: въ первомъ имѣетъ двѣ Стопы, и слогъ долгій, который есть Пресѣченіе; а во второмъ три Стопы ровно.

ПРИМѢРЪ.

1 2 1 2 3
Златъ же|лѣзна |коль|есть кру|шецъ дра|жайшій
Отра |слей сво|ихъ,|кедръ коль|высо |чайшій;
1 2 3 4 5

Но мужескій Пентаметрѣ въ первомъ Полстишіи полагаетъ три Стопы, изъ коихъ конецъ послѣдніи есть Пресѣченіе; а во второмъ двѣ, и по нихъ слогъ долгій.

ПРИМѢРЪ.

1 2 3 1 2
Толь ты | превос | ходишь || цвѣто | носный | родѣ,
И цвѣ | тущій | въ твари || всякій | разный | плодѣ.
1 2 3 4 5

§. 2.

Ясно, что Пентаметръ Хореическій мужескій и женскій есть Гиперкаталектікъ, тоесть, лишній слогъ сверьхъ числа́ Стопъ имѣющій.

§. 3.

Что говорено о Гексаметрѣ Хореическомъ во второй главѣ, въ §. § 12. 13, и 14; то все должно разумѣть и о семъ Пентаметрѣ, и при составѣ его наблюдать.

§. 4.

Есть Пентаметръ Хореическій и безъ Пресѣченія: но сей дѣлается по вольности; употреблять ея всеконечно не должно, развѣ уже́ какая необходимая нужда приведетъ къ тому, да и тобѣ было въ нѣкоторомъ са́момъ краткомъ Сочинені, каково есть

Эпі-

Эпiграмма. Симъ вольнымъ Пентаметромъ хотя и сочинено у меня съ 20 Строфъ, не въ непрiятной впрочемъ матерiи; однако я не прошу никого въ томъ мнѣ слѣдовать.

ЧЛЕНЪ II.

О СТIХѢ ПЕНТАМЕТРѢ IАМБIЧЕСКОМЪ

§. 5.

Стiхъ Пентаметръ Iамбiческiй имѣетъ два Полстiшiя, тоесть, онъ пресѣкается. Въ первомъ Полстiшiи мужескаго Стiха содержитъ онъ двѣ Стопы; изъ сихъ послѣднiя конецъ есть пресѣченiе: а во второмъ три Стопы ровно.

ПРИМѢРЪ.

1 2 || 1 2 3
Но вамъ|узрѣть. ,||потом|ки, въ гра|дѣ семъ,
Смотря|щихъ все,||дивя|щихся|о всемъ,
1 2 || 3 4 5

Но женскiй Iамбiческiй Пентаметръ въ первомъ Полстiшiи хотя двѣжъ Стопы имѣетъ, и послѣднiя концомъ пресѣкается; однако во второмъ его Полстiшiи три Стопы, и слогъ краткiй.

ПРИМѢРЪ.

1 2 || 1 2 3
Изъ всѣхъ|тѣхъ мѣстъ||слета|ющихъ|ся гу|сто,
Глася|щихъ: се||рай сталъ,|гдѣ бы|ло пу|сто,
1 2 || 3 4 5

Посему мужеский Пентаметръ Іамбіческій есть Акаталектікъ, а женский Гіперкаталектікъ.

§. 6.

Во второй главѣ, въ §. 16, положено Наблюденіе, и причина Наблюденію, о первомъ Полстішіи стіха Іамбіческаго Гексаметра, въ рассужденіи Пресѣченія, а именно, что оно никогда не долженствуетъ пресѣкаемо быть Пирріхіемъ; но всегда и непремѣнно Іамбомъ: оное Наблюденіе есть равно Наблюденіемъ и для сего Пентаметра Іамбіческаго въ рассужденіи тогожъ. Впрочемъ, хотя и есть также Пентаметръ Іамбіческій безъ Пресѣченія; однако сіе дѣлается равнымъ же образомъ, какъ и въ Хореіческомъ, по великой вольности, и въ самыхъ малыхъ штукахъ: сему я не совѣтую въ важномъ Сочиненіи подражать.

ЧЛЕНЪ III.

О ПЕНТАМЕТРѢ ДАКТІЛОХОРЕІЧЕСКОМЪ

§. 7.

Пентаметръ Дактілохореіческій, по примѣру Греческому и Латінскому, никогда одинъ

одинъ быть не долженствуетъ, но всегда съ Гексаметромъ своего рода. сіи Двустішія Древніи прозвали ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКИМИ.

§. 8.

Онъ хотя у Древнихъ также есть безъ Рїѳмы; но у насъ изрядно Рїѳму принять можетъ, толь наипаче, что ему всегда надобно быть съ Гексаметромъ, то Гексаметръ составитъ женскую, а онъ Пентаметръ мужескую Рїѳму.

§. 9.

Имѣетъ онъ въ первомъ мѣстѣ Стопу Дактіля, или Хорея, или вмѣсто Хорея Пирріхія; во второмъ Дактіляжъ, или Хореяжъ, иличъ и Пирріхія, и послѣ слогъ долгій, который есть Пресѣченіе, и оканчаваетъ слово: но въ двухъ послѣдующихъ непремѣнно Дактіля, и слогъ долгій, кой съ слогомъ Пресѣченія составляетъ пятую Стопу.

ПРИМѢРЪ.

Вы скажите брега пограничны всходящаго Феба,
1 2 1 2
Коль н|ашихъ| онъ|богъ сей пре|красенъ всплаетъ;
2 1 3 4 2
Онъ зеленитъ когда Смарагды лучами отъ неба,
1 2 1 2
Схожій съ своимъ б|л|ескъ Ада|манту даетъ.
1 2 1 3 4 2

§. 10.

Когда сїи Героэлегїаческїи Стїхи безъ Рїомъ; то они ограничиваются Двустїшїями; но съ Рїомами, кругъ ихъ состоять имѣетъ не обходимо въ Четверостїшїяхъ, ради двухъ женскихъ Рїомъ въ двухъ Гексаметрахъ, и двухъ же мужескихъ въ столькихъ же Пентаметрахъ.

§. 11.

Пентаметръ сей размѣряется Квинтїлїаномъ, [въ Кн. 6. въ Гл. 4.] инако, именномъ, въ двухъ первыхъ мѣстахъ такъ, какъ я объявилъ §. 9. но въ третїемъ Спондей [состоящїй изъ двухъ долгихъ слоговъ] такимъ образомъ, чтобъ первый его слогъ былъ конецъ слова, а вторый начало другаго: потомъ, два Анапеста.

ПРИМѢРЪ.

1 2 3 5 5
Также ба|рашкомъ вод|на|ввеп|-я и бливъ'береговъ

Все равно, хотя первымъ, хотя симъ вторымъ образомъ размѣрять сей Пентаметръ. Однако первымъ способомъ обыкновеннѣе всюду учать его мѣрять.

ЧЛЕНЪ

ЧЛЕНЪ IV.

О ПЕНТАМЕТРѢ АНАПЕСТОІАМБІЧЕСКОМЪ.

§. 12.

Сей Пентаметръ вновь найденъ: онъ есть подражаніе Дактілохореическому. И понеже явился вновь же Гексаметръ Анапестоіамбіческій; то надобно стало составить и Пентаметръ подобный.

§. 13

Кажется, что сему и у насъ лучше быть съ своимъ Гексаметромъ, но притомъ и съ Рівмою; такъ что въ Гексаметрѣ его будетъ женская, а въ немъ Пентаметрѣ мужеская Рівма.

§. 14.

Составъ его есть слѣдующій. Сперва употребляются двѣ Стопы, которые или два Іамба, или два Анапеста, или Іамбъ съ Анапестомъ, или Анапестъ съ Іамбомъ такъ, чтобъ въ послѣдней которой нибудь изъ ихъ Стопъ конецъ былъ также концомъ и лова; что и здѣлаетъ Пресѣченіе: потомъ непремѣнно три Анапеста.

ПРИМѢРЪ.

Беззаконники! прочь отъ сего удаляйтесь храма священна
1 2 3 4 5
У ко|ихъ сердца||преиспо|лнены скве|рнѣйшихъ золъ,
Или утробу грызетъ чью зависть всегда омрачена,
1 2 3 4 5
Ненасыт|но ль кто||разграбля|етъ бессиль|нѣйшихъ долъ,

* * *

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О СТІХѢ ТЕТРАМЕТРѢ, ТРІМЕТРѢ И ДІМЕТРѢ.

ЧЛЕНЪ I.

О СТІХѢ ТЕТРАМЕТРѢ ХОРЕІЧЕСКОМЪ

§. 1.

Сей Стіхъ Пресѣченія не имѣетъ; а состоитъ онъ четырьмя токмо Стопами. Онъ есть также женскій и мужескій.

ПРИМѢРЪ ЖЕНСКАГО.

1 2 3 4
Что тво|е я|имя |знаю,
Избав|лені|я тебѣ|чаю.

ПРИ-

ПРИМѢРЪ МУЖЕСКАГО

1	2	3	4
Испо	вѣмъ те	бя во	вѣкъ
творь Тво	я и	чело	вѣкъ

§. 2.

Всякъ видитъ, что Тетраметръ Хореическій женскій есть Акаталектікъ, тоесть, полное число Стопъ имѣющій; а мужескій КАТАЛЕКТІКЪ: въ немъ не достаетъ слога въ полное число Стопъ.

§. 3.

Какъ составляется Тетраметръ Хореическій обоего рода, такъ и Тріметръ, и Діметръ, уменьшаясь токмо одинъ предъ другимъ Стопою: и что женскіи Хореіческіи сихъ родовъ Акаталектики, а мужескіи Каталектики.

ЧЛЕНЪ II.

О СТІХѢ ТЕТРАМЕТРѢ ІАМБІЧЕСКОМЪ.

§. 4.

Стіхъ Тетраметръ Іамбіческій Пресѣченія не имѣетъ, и состоитъ четырьмя Стопами. Онъ есть мужескій и женскій.

ПРИ-

ПРИМѢРЪ МУЖЕСКАГО.

1	2	3	4
Своимъ	Богъ прав	ду со	творитъ
Иста	яшихъ	не у	моритъ.

ПРИМѢРЪ ЖЕНСКАГО.

1	2	3	4	
И у	молелъ	объ нихъ	онъ бу	детъ,
Вконецъ	рабовъ	самъ не	забу	детъ

§. 5.

Видимо, что Тетраметръ Іамбіческій мужескій есть Акаталектікъ, тоесть, полный; а женскій Гіперкаталектікъ, имѣющій лишній слогъ сверьхъ полнаго числа Стопъ.

§. 6.

Какъ Тетраметръ Іамбіческій составляется; такъ равно и Тріметръ, и Діметръ съ умаленіемъ Стопы одинъ предъ другимъ: и что всѣ сіи Іамбіческіи мужескіи Акаталектіки, а женскіи Гіперкаталектіки.

* * *

ГЛАВА

ГЛАВА ПЯТАЯ

О СТРОФѢ

§. 1.

Строфа есть совокупленїе многихъ Стїховъ, разумъ полный содержащихъ.

§. 2.

Строфа наша не бываетъ меньше четырехъ Стїховъ, ни больше десяти.

§. 3.

Имѣющїе чотку Стїховъ называются ПРАВИЛЬНЫМИ Строфами, НЕПРАВИЛЬНЫМИЖЪ, въ коихъ нечотка.

§. 4.

Употребительнѣе Строфы наши состоятъ изъ Тетраметровъ: но можно имъ быть изъ Трїметровъ и Дїметровъ: иногда, но развѣ весьма рѣтко, и изъ Пентаметровъ.

§. 5.

Хотя и непротивно, чтобъ въ Строфахъ употреблять НЕПРЕРЫВНУЮ Рїфму, однако

ко обыкновеннѣе въ нихъ употребляется СМѢШЕННАЯ. Впрочемъ, весьма наблюдать должно, что которымъ родомъ Рифмы Строфа кончится, тѣмъ бы въ слѣдующей Строфѣ перваго стїха не начинать: ибо ставится сїе въ великїй порокъ и нелѣпый, и также въ малое знанїе Сочинителю.

§. 6.

Строфы, въ которыхъ всѣ Стїхи единаго рода и мѣры, называются РАВНЫМИ; НЕРАВНЫМИ жъ тѣ, кои не одинъ родъ Стїховъ, и не одну мѣру имѣютъ.

ЧЛЕНЪ I.

ПРЕДСТАВЛЯЮЩЇЙ ХОРЕЇЧЕСКЇЕ СТРОФЫ

§. 7.

СТРОФА ЧЕТЫРЕСТЇШНАЯ.

Праведныхъ стези вѣсть богъ,
И всегда ихъ самъ защититъ;
Путь же злыхъ, хотя и многъ,
Грозна гибель весь похититъ.

§. 8.

СТРОФА ПЯТИСТІШНАЯ.

Очи съ плача помутились;
Отъ враговъ весь сокрушенъ:
Пагубно въ себѣ озлились,
Къ ненависти уклонились;
Я надежды ужъ лишенъ.

§. 9.

СТРОФА ШЕСТИСТІШНАЯ.

День всегда плыветъ за днемъ;
Нощь же нощи премѣняетъ;
Волю благу чинъ являетъ,
И строеніе о всемъ;
Нѣтъ сомнѣнія ни мало:
То отъ тверди твердо стало.

§. 10

СТРОФА СЕДЬМИСТІШНАЯ.

Вниду къ твоему Престолу,
И въ Олтарь священный твой,
Проявленъ въ горѣ святой;
Въ немъ паду предъ тѣмъ ницъ долу:
Ты желаніямъ конецъ,
Исполненіе изволу,
И любви моей вѣнецъ.

§. 11.

СТРОФА ОСМИСТІШНАЯ.

Се Языки ворвались,
Боже, во твое наслѣдство;
И, святому Храму въ бѣдство,
Съ оскверненіемъ внеслись:
Градъ, и все его пространство,
Обратили безъ слѣдовъ
Во хранилище плодовъ,
Все расхитивши убранство.

§. 12.

СТРОФА ДЕВЯТИСТІШНАЯ

Въ сердцѣ ихъ всегдашня лесть,
Токмо ту и помышляютъ;
Неизвѣсно, что за въ месть
Брани всякъ день ополчаютъ:
Весь языкъ ихъ изощренъ
На злорѣчіе какъ бритва;
Въ ихъ рукахъ сѣть и ловитва;
Слѣдъ къ дну злобы приведенъ;
Ядъ изъ устъ течетъ, и битва.

§. 13.

СТРОФА ДЕСЯТИСТІШНАЯ.

На защиту мнѣ смиренну
Руку Самъ простри съ высотъ,

Отъ

Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По величности щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
быстро съ топлемъ набѣгаетъ,
Немощь онъ мою ругаетъ,
И пріемлетъ въ баснь и глумъ.

§. 14.

СТРОФА ДЕСЯТИСТІШНАЯ

съ Трисложною Дактилическою

ріѳмою въ срединѣ.

Прочъ, боязнь, прочъ! бодрствуй Дѣва:
бытіе то, не мечта;
Ни судебъ, ни хитрость гнѣва;
Ни желаній суета:
Все что зришь, есть достовѣрное:
Торжество нелицемѣрное!
Страхъ и трепетъ твой исчезъ;
Съ ними горесть и печали:
Ликовство предобручали
Оны времена и слезъ.

§. 15

СТРОФА НЕРАВНАЯ

Щасливъ! бога кто боится:
Заповѣдей всяко не преступитъ онъ того;

Родъ его благословится;
Сильно будетъ сѣмя на землѣ, и сверьхъ всего;
Славенъ и богатъ весь домъ;
Правда вѣчна въ немъ самомъ.

§. 16.

Строфа неравная можетъ имѣть отъ четырехъ, до десяти Стиховъ, и употреблять неравную мѣру по произволенїю.

ЧЛЕНЪ II.

ПРЕДСТАВЛЯЮЩIЙ IАМБIЧЕСКIЕ СТРОФЫ.

§. 17.

СТРОФА ЧЕТЫРЕСТIШНАЯ

Простеръ лесницу; пожрала́
Земля въ свои противныхъ нѣдра;
И укрѣпила правда бёдра,
И всѣхъ людей тобой спасла.

§. 18.

СТРОФА ПЯТИСТIШНАЯ

Ихъ изъ Содома вiноградъ,
И отъ Гоморры всѣ ихъ розги;

Ихъ

Ихъ гроздъ, есть токмо желчь и смрадъ.
Ихъ ягода горька стократъ;
Сокъ отравляетъ шумны мозги.

§. 19.

СТРОФА ШЕСТИСТІШНАЯ.

Затѣмъ премудръ чтобъ не хвалился
Отнюдъ въ премудрости своей;
Ни сильный также въ силѣ всей;
богатъ въ богатствѣбъ не гордился;
Но всѣмъ бы бога знать и чтить,
И въ правдѣ судъ земнымъ творить.

§. 20.

СТРОФА СЕДМИСТІШНАЯ

Предъ нимъ предъидетъ въ словѣ смерть,
Изъидетъ на поля поносно;
Падетъ подъ ноги та некосно,
Какъ предпріиметъ ону стерть:
Онъ сталъ, и вся земля трясется;
Подвиглась и высока твердь;
Языки таютъ, вѣсть несется.

§. 21.

СТРОФА ОСМИСТІШНАЯ.

О! Господи, и боже нашъ:
Мы много отъ чужихъ терпѣли;

Едва въ господъ не возъимѣли.
Но молимъ, ты намъ буди стражъ;
Твоя надъ нами власть и воля:
Кромѣ тебя мы никого,
Не знаемъ равно ничего;
Въ твоемъ намъ имени есть доля.

§. 22.

СТРОФА ДЕВЯТИСТIШНАЯ.

Вся высота по мнѣ прешла;
Вся глубина меня прiяла;
Вся и широкость обошла;
Отверста мраковъ бездна спала;
Всего покрыли горы водъ.
Шумъ токовъ оглушилъ ужасный;
Всему явился видъ золъ власный,
И влажный пропастей исподъ.
О! коль тогда я былъ злочасный.

§. 23.

СТРОФА ДЕСЯТИСТIШНАЯ.

Являющiи люто злая,
О! Господи, твоимъ рабамъ,
Да постыдятся здѣсь, гонзая
Въ погибель сами по судьбамъ:
Да всякаябъ своя ихъ сила,
И крѣпость сломлена сранила:
Да знаютъ, что единъ ты богъ,

Что по Вселенной всей ты славенъ,
И токмо ты единъ державенъ;
Съ тобой несмѣненъ всякъ прилогъ.

§. 24.

СТРОФА НЕРАВНАЯ.

Онъ самъ исторгнуть насъ отъ Ада днесь судилъ;
Онъ спасъ отъ са́мыя насъ смерти;
Отъ пещнаго огня соблюсть благоволилъ:
И злымъ не попустилъ насъ стерти;
Онъ благъ, къ нему всѣ воззовемъ,
Да въ благостынѣ поживемъ;
Его поемъ мы человѣки,
И славно величаемъ вѣки.

§. 25.

Что говорено въ членѣ первомъ въ §. 16 сея главы о неравныхъ хореическихъ Строфахъ; тожъ са́мое должно разумѣть и о сихъ Iамбiческихъ.

ЧЛЕНЪ III.

ПРЕДСТАВЛЯЮЩIЙ СТРОФУ САФIЧЕСКУЮ И ГОРАЦIАНСКУЮ.

§. 26.

Строфа Сафiческая, отъ Изобрѣтательницы Сафы, прозвана въ Грецiи.

§. 27.

ВЪ ней обыкновенно бываютЪ четыре Стїха; изЪ нихЪ первыи три Сафїческїи, а четвертый Адонїческїй.

§. 28.

Сафїческїи мужескїи состоять у насЪ могутЪ вЪ перЕомЪ мѢстѢ ХореемЪ, или ПїррїхїемЪ; во второмЪ ХореемЪ же, или ПїррїхїемЪ; а вЪ третїемЪ первымЪ слогомЪ долгимЪ Дактїля, который есть Пресѣченїе, и кончитЪ слово, послѣжЪ кончитЪ свою Стопу Дактїль слѣдующаго слова начальными друмя слогами: вЪ четвертомЪ ХореемЪ, или ПїррїхїемЪ; вЪ пятомЪ долгимЪ слогомЪ, который есть Рїѳма мужеская. СимЪ СтїхамЪ надлежитЪ быть двумЪ сряду. Но и женскїй во всѣхЪ четырехЪ мѢстахЪ составляется такЪ, какЪ мужескїй; однако вЪ пятомЪ непремѢнно имѢетЪ Стопу Хорея. Сей СтїхЪ долженствуетЪ быть одинЪ токмо вЪ составѢ Строфы, и чиномЪ третїй; да и соглашаться Рїѳмою сЪ четвертымЪ двустопнымЪ АдонїческимЪ, который, по нашему Количеству слоговЪ, всегда долженствуетЪ состоять ДактїлемЪ и ХореемЪ.

ПРИМѢРЪ.

2	3		3	5	5
СовѢсть	кто вЪ се	бѣ	непо	рочну	вѣсть,
НравомЪ	чисто	та	завсег	да вЪ комЪ	есть;
Не бо	-ишся	томЪ,	оху	жденЪ про	пасти,

1 2

БодрЪ и вЪ на'пасти.

§. 29.

§. 29

Сафіческая Строфа можетъ состоять пятью Стіхами Сафіческими, шестымъ Адоніческимъ; можетъ седмію Сафіческими, осмымъ Адоніческимъ; можетъ наконецъ и девятью Сафіческими, а десятымъ Адоніческимъ. Однако, кажется что лучше ей всегда быть или четырестішной, или о шести Стіхахъ. Впрочемъ, Сенека Трагікъ въ Хорѣ Тіэста по третіемъ Дѣйствіи присовокупилъ ко 125ти стіхамъ Сафіческимъ одинъ Адоніческій.

§. 30.

Строфа Гораціанская состоитъ всегда и непремѣнно четырмя разнаго рода Тетраметрами. Называется она Гораціанскою для того, что Горацій часто ея употреблялъ въ своихъ Одахъ.

§. 31.

У насъ ея Стіхамъ составъ есть слѣдующій: первый и вторый Стіхъ въ первомъ мѣстѣ имѣютъ Хорея или Пірріхія, также и во второмъ; потомъ слогъ долгій, который есть Пресѣченіе, и внѣ числа Стопъ. Въ третіемъ и четвертомъ Дактіль, изъ сихъ послѣдній есть ОБОЮДНАЯ РІѲМА. Третій Стіхъ состоитъ Тетраметромъ

Іамбіческимъ женскимъ: но четвертый въ первыхъ двухъ мѣстахъ содержитъ по Дактилю, а въ третіе полагаетъ Хорея, или Пирріхія; въ четвертоежъ непремѣнно Стопу Хорея.

ПРИМѢРЪ.

Кедры | не всег | да || вихремъ да | маются;
Листа не въ весь | годъ || рощи ли | шаются;
И вед ро по | слѣ тучъ | зыва | етъ
Въ весну и | дерево | прощвѣ | таетъ.

§. 32.

Чего ради сія Горацїанская Строфа такое составленіе себѣ имѣть у насъ долженствуетъ; тому объявлена причина въ Предувѣдомленіи на Барклаіеву Аргеніду въ числѣ 22мъ.

* * *

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О РІѲМѢ И ВОЛЬНОСТИ СЛОВЪ

ЧЛЕНЪ I.

О РІѲМѢ

§. 1.

Рїѳма есть взаимное подобное согласїе, употребляемое на концахъ двухъ Стїховъ.

§. 2.

Когда сїе взаимное согласїе состоитъ во второмъ Стїхѣ изъ тѣхже самыхъ Літеръ, изъ которыхъ оно и въ предъидущемъ есть; то Рїѳма сїя называется БОГАТАЯ: но ежели токмо подобїе звона имѣетъ тожъ, а состоитъ не изъ тѣхже самыхъ буквъ; то она есть ПОЛУБОГАТАЯ.

§. 3.

Въ женскихъ Стїхахъ Рїѳма всегда есть двусложная; и есть она точный нашъ Хорей: но въ мужескихъ односложная, и есть, или начало Хорея, или конецъ Іамба. Въ старыхъ строчкахъ она токмо женская Рїѳма была употребляема, для того что

Польскій языкъ во всѣхъ словахъ, кромѣ односложныхъ, ударяетъ силою всегда предкончаемый слогъ.

§. 5.

Впрочемъ, Ріѳма есть не существенная Стіхамъ, но токмо постороннее украшеніе, употребляемое для услажденія слуха. Выдумана она въ варварскія времена, и введена въ Стіхи. Ни древніи Греки, ни Римляне отнюдъ ея въ своихъ Стіхахъ не употребляли и не знали, хотя народы сіи были и такіи, которыи достигли до самаго верьха въ Краснорѣчіи и въ Стіхотворствѣ.

§. 6.

Въ Польскомъ Стіхотвореніи, прежде сего и у насъ бывшемъ въ употребленіи, Ріѳма называется ПАДЕНІЕМЪ [Каденція]; но весьма не право. Паденіе есть гладкость Стіха, по всему стіху отъ начала до конца разливающаяся. Сіе происходитъ во первыхъ отъ соединенія Стопъ, отъ благополучнаго прибора гласныхъ и согласныхъ Літеръ между собою ни несражающихся, ни непроизводящихъ и нелѣпаго зѣванія, и также отъ способности сочиненія. Гораціевъ Гексаметръ важенъ, но не гладокъ; Овідіевъ и нѣженъ, и гладокъ; но Віргіліевъ гладокъ, нѣженъ, и важенъ.

§. 7.

§. 7.

Употребленіе Ріѳмы вобще долженствуетъ быть такое, чтобъ всегда былъ предпочитаемъ ей Разумъ: тоесть, чтобъ всегда при составѣ Стіха больше стараться о чистомъ въ немъ Смыслѣ, нежели о богатой Ріѳмѣ, буде не возможно быть имъ обоимъ совокупно, такъ чтобъ, для богатства Ріѳмы, твердаго Смысла нигдѣ и никогда не пренебрегать.

ЧЛЕНЪ II.

О ВОЛЬНОСТИ ВЪ СЛОВАХЪ.

Вольность есть нѣкоторое измѣненіе словъ употребленіемъ утвержденныхъ.

§ 9.

Обыкновенно поступаютъ Стіхотворцы свободнѣе и смѣляе въ избраніи словъ, и употребляютъ иногда въ Стїхъ, для мѣры, такія слова́, коихъ въ Прозѣ отнюдь стерпѣть не можно. Имѣютъ они сіе право подтвержденное множествомъ вѣковъ: однако, должно и имъ быть въ семъ умѣреннымъ.

§. 10

§. 10.

Многїе и мы въ своемъ Стїхосложенїи такъ е имѣемъ Вольности: ихъ видѣть можно охотникамъ въ Стїхахъ на свѣтъ изданныхъ.

§. 11

Вольности вобще такой быть надлежитъ, чтобъ слово, употребленное по Вольности, весьма распознать было можно, что оно прямое наше, и еще такъ, чтобъ оно нѣсколько и въ употребленїи находилось, а не нелѣпое какое, странное, и дикое.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О РАЗНЫХЪ ПОЭМАХЪ СТIХАМИ СОЧИНЯЕМЫХЪ.

§. 1.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗIЯ, инако ЭПОПЕИЧЕСКАЯ, и ГЕРОIЧЕСКАЯ, есть самый высокїй родъ изъ всѣхъ Поэмъ. Никакая поистиннѣ другая Поэма не могла еще понынѣ толико прославить Писателей. Сїя одна, ежели по надлежащему сочинится, доволь-

доволна къ пріобрѣтенію громкія славы вѣчно и Пииту, и всему тому народу, изъ котораго Пиитъ. Она есть, которая знатныя дѣянія знаменитыхъ людей, предвоспріявшихъ нѣчто одно исполнить, вѣроятнымъ повѣствованіемъ предлагаетъ для возбужденія любви къ добродѣтели. Образцы ея: ІЛІАДА и ОДІССЕЯ Гомеровы; а ЭНЕИДА Віргиліева.

§. 2.

ЛІРИЧЕСКАЯ. И сія есть высокій Пиитическаго искусства родъ: однако не толь трудный, чтобъ на сей Геліконовъ холмъ нѣкоторыи не всходили. Многіи въ семъ родѣ показали свои опыты, и Лавръ себѣ заслужили. Начало ея мнится быть, что священствующіи изобрѣли въ честь и прославленіе верьховнаго Существа сію пѣснь, и кажется притомъ, что пастушескіе пѣсни подали къ ней причину. Сія инако называется ОДА, которая состоитъ изъ Строфъ, и самую высокую, благородную, иногдажъ и нѣжную матерію воспѣваетъ.

§. 3.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ. Сія объемлетъ Трагедію и Комедію. Въ сихъ древніи Греки, напослѣдокъ дошедъ до точнаго совершенства, получили себѣ верьхъ. Римляне въ

вЪ Комедіи щасливы были; но вЪ Трагед
не столько. ИзЪ нынѣшнихЪ народовЪ, Фра
цузы Трагедіею и Комедіею весьма себя пр
славили. Драма вобще описывается так
есть Поэзія, которая одно токмо нѣк
торое дѣло знаменитыхЪ людей, предп
ятое и здѣланное вЪ одно время и на о
номЪ мѣстѣ, возбуждая ужасЪ и жалост
[и сія есть Трагедія], а иногда простых
обывателей [а то Комедія], приводя см
трителей вЪ смѣхЪ и увеселеніе, предста
ляетЪ на театрѣ, словами и дѣйствіемЪ
подраженіемЪ самой Натурѣ, для исправл
нія нравовЪ.

§. 4.

БУКОЛИЧЕСКАЯ. Она есть, кот
рая представляетЪ разныи пастушескіи
поселянскіи разговоры. ВсѣхЪ Поэзій с
мнится быть старѣе. Ліца ея: Пасту
шкії, Пастушки, Жнецы, Сѣнокосцы, С
довники, Огородники, Ловчіи, Собирател
вінограда, плодовЪ, и подобныи. Матеріа
сихЪ людей дѣла, неблагополучія, жалобы
труды, печали, спбры, пѣсенки, разгов
ры, похваленія, и охужденія. Вещи: лѣса
овцы, стада, скоты, звѣри, плоды
мѣстЪ полевыхЪ красота, сѣни кустовЪ
пещеры, рѣкЪ теченіе, источники, ручьи
и любовь: также солнце, мѣсяцЪ и звѣзды
и все что имЪ больше вѣдомо, и ихЪ окру
жает

жаетъ. буколїческую Поэзїю Віргїлій представилъ въ Эклогахъ, а Теокрітъ въ Ідилліяхъ.

§. 5.

ЭЛЕГІАЧЕСКАЯ. О сей отъ многихъ утверждается, что чрезъ ея сладость и нѣжность многіи записываютъ имена свои въ вѣчность, и записали многіи. Преизрядный образецъ въ семъ родѣ Поезіи есть Тібуллъ, Проперцій, и Овідій. Она есть, которая описываетъ особливо вещи плачевные, и любовные жалобы. Элегія раздѣляется на ТРЕНІЧЕСКУЮ, и ЭРОТІЧЕСКУЮ. Въ Тренической описывается печаль и нещастїе; а въ Эротїческой любовь, и всѣ изъ нея воспослѣдованія. Слогъ ея не долженствуетъ быть подобенъ слогу, каковъ въ Эклогѣ: она нѣсколько выше, но безъ дерзновенія, возноситъ свой голосъ

§. 6.

ЭПІГРАММАТІЧЕСКАЯ. Въ сей сколько пріятности и красоты; столько и трудности, и такъ, что утверждать смѣютъ, что въ семъ родѣ Поэзіи весьма рѣтко случалось, чтобъ кто изъ самыхъ превосходныхъ Піитовъ не имѣлъ себѣ затрудненія отъ краткія ея важности, и отъ окончательныя остроты: ибо она есть краткая

Поэма;

Поэма, изъ краткаго предложенія хитрое и острое заключеніе производящая. Матерія ея есть тажъ сáмая, которая и всея Поэзіи. Все что внѣшними чувствіями, и внутреннею понимается мыслію, веществомъ Эпіграммы почитаемо быть можетъ. Марціалъ изъ древнихъ весьма въ ней прославился; а отъ нѣкотораго Кесаря собственнымъ себѣ Віргіліемъ былъ за то почитаемъ. Къ ней принадлежатъ всѣ надписи, также Эпітафіи, Францусскіи Мадрігалы и Сонеты.

§. 7.

ДІДАКТІЧЕСКАЯ. Сія описываетъ нѣкоторыя наставленія, и преднаписываетъ прáвила, касающіяся до вещей естественныхъ, нравоучительныхъ, и художественныхъ. Сею Эмпедоклъ описалъ Піѳагоріческую Фізіку; Лукреций объ естествѣ вещей по Эпікурову мнѣнію; Віргілій четыре книги, названные Георгіческими, о земледѣланіи; Гораций науку о Поэзіи, и послѣдовавшій ему на Францусскомъ языкѣ боало Депреб, которую я по нашему нынѣ сочинилъ Стіхамижъ.

§. 8.

САТІРІЧЕСКАЯ. Сатіра пріятнымъ и насмѣхательнымъ образомъ исправляетъ человѣческія

вѣческіи пороки. Матерія ея токмо что Глупцы, бездѣльники, Плуты, Моты, Шалуны, и подобныи. Сатїра долженствуетъ быть жарка, кусающа, и колюща. Говоритъ боалб, что охота къ показанію себя, а не къ вымышленїю ложнаго ругательства, изобрѣла Сатїру. Сперва введена она въ употребленїе у Римлянъ. Луцїлїемъ, Горацїй, Персїй, и Ювеналъ славны ею на Латїнскомъ языкѣ, а на Францусскомъ боалб - Депреб.

§. 9.

ЭПІСТОЛАРНАЯ. Эпїстола изображаетъ все то въ Стїхахъ Пїитїческимъ духомъ и образомъ, что пишется въ пїсьмахъ Прозою отъ отсутствующихъ къ отсутствующимъ. Находятся онѣ дїдактїческїе, любовные, нравоучительные, и похвальные. Сей родъ принадлежитъ къ Гексаметрамъ, и къ Строфамъ. Горацїй и Овїдїй на Латїнскомъ; а на Францусскомъ боалб за образецъ въ нихъ служить могутъ.

§. 10.

ГЕНЕТЛІАЧЕСКАЯ. Есть Поэма, рожденїемъ какїя особы, или днемъ рожденія привѣтствующая. Матерїя сея Поэмы есть радость о рожденїи, похвала фамилїи, обстоятельства времени и мѣста, знаки бывшїя

шіи прежде рожденія и послѣ. Заключается она желаніями, или благополучною примѣтою, или поздравленіемъ родителямъ. Примѣры: у Віргілія Эклога 4. у Проперція въ кн. 3. Элег. 10. у Стація Од. 7. можетъ сочиняться Гексаметрами и Строфами.

§. 11.

ЭПІТАЛАМІЧЕСКАЯ. Есть Поэма брачнымъ сочетаніемъ поздравляющая. Матерія сея Поэмы обстоятельства брака, древнія и новыя обыкновенія, похвала сочетавшимся, благополучныя прознаменованія, и сердечныя желанія; радость притомъ и веселіе. Примѣры: у Катулла въ кн. 1. Поэм. 56. у Стація Сілв. кн. 1. Поэм. 2. у Клавдіана на Гоноріевъ бракъ. Сей родъ какъ Героіческій, такъ и Лірическій.

§. 12.

АПОБАТЕРІЧЕСКАЯ. Сею Поэмою прощаются отъѣзжающіи въ путь съ остающимися на мѣстѣ. Матерія ея: причина и способъ отшествія; печаль и сожалѣніе разлученія ради; приношеніе желаній остающимся, и прочіе окресности прощающихся. Примѣръ у Овідія въ Кн. 1. печальныхъ, Элег. 3. можетъ она быть и Лірическая.

§. 13

§. 13

ЭПІБАТЕРІЧЕСКАЯ. Поэма, которою возвратившіися изъ пути благодарятъ божеству; а отечество и друговъ поздравляютъ. Матерія ея: радость о возвращеніи, и о свиданіи въ добромъ здравіи съ присными; также и прочія подобныя обстоятельства. Примѣра мнѣ нигдѣ читать не случилось. Можетъ сочиняться Гексаметромъ и Строфами.

§. 14.

ПРОПЕМПТІЧЕСКАЯ. Сею провождающіи отъѣжающимъ желанія свои приносятъ. Матерія сея Поэмы: окресности пути, наблюденіе вѣтровъ, и погодъ; примѣты, и сердечныя засвидѣтельствованія. Примѣры: у Горацїя въ Кн. 1. Од. 3. у Тібулла въ Кн. 1. Элег. 3. у Стацїя Кн. 1 Поэм. 2. можетъ она быть и Лірїческая.

§. 15

СІНХАРІСТІЧЕСКАЯ. Инако сей родъ называется ЭВФЕМІЧЕСКІЙ. Симъ поздравляютъ возвратившихся въ отечество, или прибывшихъ гостей. Примѣръ ей: у Клавдіана на Гоноріево возвращеніе. Можно ея сочинять и Строфами.

§. 16.

ЭПІНІКІЧЕСКАЯ. Торжественная есть Поэма, коею Піиты побѣдителю непріятелей поздравляютъ. Примѣръ сея Поэмы у Овідія отъ Понта въ Кн. 2. Элег. 1. Она есть и Ліріческая,

§. 17.

СОТЕРІЧЕСКАЯ. Есть Поэма, привѣтствующая свобожденіемъ отъ тяжкія болѣзни. Примѣръ сея у Стацїя въ Кн. 1. Поэм. 4. Она составляется и Строфами.

§. 18.

ЭПІДІКТІЧЕСКАЯ, или ПАНЕГІРІЧЕСКАЯ. Сею Поэмою честные добродѣтели, и славныя дѣйствія похваляются. Примѣръ ей почитай весь Клавдіанъ. Она есть какъ Героіческая, такъ и Ліріческая.

§. 19.

ЭВХАРІСТІЧЕСКАЯ. Есть Поэма, которою благодареніе за благодѣяніе приноситься. Примѣры ея у Віргілія Эклога. 1. у Горація Кн. 1. Од. 10. 21. 26. 36. Кн. 3 Од. 3. 22. и Кн. 4. Од. 9. она есть и Ліріческая и Героіческая.

§. 20.

§. 20.

ЭОНІЧЕСКАЯ. Сею, по прошествіи каждаго вѣка проповѣдуемъ, и описываемъ знатныя приключенія, бывшія чрезъ все то время; благодаримъ Хранителю богу; похваляемъ защитниковъ и благодѣтелей. Примѣръ сея Поэмы: у Горація въ Эподахъ Ода послѣдняя. У Катулла Кн. 1 Поэм. 33. Есть она Лірическая и Героіческая.

§. 21.

СХОЛАСТІЧЕСКАЯ, или СІМПОСІАСТІЧЕСКАЯ. Описывается, возносится и прославляется ею великолѣпный пиръ. Примѣра мнѣ нигдѣ видать Стіхами не случилось, кромѣ Сатірическаго Гораціева, и боало-Депреова. Можетъ она быть и Лірическая, и Героіческая.

§. 22.

ПРОСЕВТІЧЕСКАЯ. Есть Поэма, которою или о чемъ нибудь бога молимъ, или ему какіи обѣты творимъ, или чего у высочайшихъ лицъ просимъ. Можетъ она сочиняема быть и Гексаметрами, и Строфами. Примѣръ ея у Сарбіевія въ Кн. 20, который весь весьма достоинъ есть чтенія.

§. 23.

АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ. Сія бываетъ повѣствованіемъ разговаривающихъ между собою звѣрей и бездушныхъ тварей, ради исправленія человѣческихъ нравовъ, искорененія, и обличенія злонравныхъ. Примѣры сихъ Поэмъ у Федра, который Эзоповы фабулы изобразилъ Іамбіческимъ Сенаріемъ. На нашемъ языкѣ могутъ сіи басенки сочиняться всякимъ родомъ Стіховъ; но мнится, что имъ быть Строфами не весьма прилично.

§. 24.

ПАРНАССЪ. ФЕБЪ. МУЗЫ.

ИХЪ ИМЕНА И ДОЛЖНОСТИ.

съ Авзонієвыхъ Гексаметровъ Тетраметрами.

КЛІА точны бытія
Въ память предаетъ поя.
МЕЛПОМЕНА восклицаетъ,
И въ Трагедіи рыдаетъ.
ТАЛІА, да будетъ правъ,
Осмѣхаетъ въ людяхъ нравъ.
Пажить, равно жатву серпа,
Во свирѣль гласитъ ЭВТЕРПА.
Гуслей ТЕРПСІХОРА звукъ
Соглашаетъ разный вдругъ.
ЭРАТА смычкомъ, ногами,
Скачетъ также и Стіхами.

УРА-

УРАНІЯ звѣздъ предѣлъ,
Знаетъ свойство и раздѣлъ.
КАЛЛІОПА всѣхъ трубою
Чтитъ Героевъ всезлатою.
Упражняясь наконецъ
Въ преклоненіи сердецъ
ПОЛІГІМНІА нарядно,
И, вѣщаетъ все, изрядно.
Движетъ превыспренній УМЪ
МУЗЪ сихъ, купно оныхъ шумъ:
Посрединѣ ФЕбъ самъ внемлетъ,
А собою все объемлетъ.

§. 25.

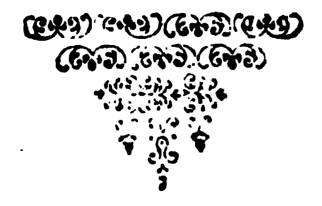
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

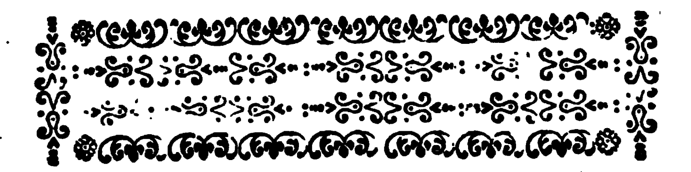
Краткое сіе руководство, но, по моему мнѣнію, весьма есть довольное къ изъясненію всего Способа въ составленіи нашихъ Стіховъ, для того что оно полное. Нѣтъ ничего, что до того касается, которое опущенобъ было: все представлено, и самымъ яснымъ, по возможности, образомъ истолковано. Всякъ искусный видитъ, что сей Способъ къ сложенію нашихъ Стіховъ есть тотъ же самый, который былъ изданъ въ 1735 годѣ; но дополненный и

 испра-

исправленный нынѣ. Отъ нѣкотораго времени слухъ носится, что бутто охотники жалуются на наше Стіхотвореніе, именножъ длятого, что оно разнящееся такъ, что они не знаютъ чему послѣдовать, и на чемъ утвердиться. Можетъ быть жалуются они на разность нашего нынѣшняго Стіхотворенія по сей причинѣ, что въ прямыхъ и существенныхъ нашихъ Стіхахъ видятъ они нынѣ при Хореѣ и Стопу Іамбъ; а тогдашній мой способъ представлялъ покмо Хорея: видятъ и Сочетаніе Стіховъ; но первыи мой Способъ токмо что объ немъ упомянулъ, давъ ему то имя, а въ дѣйствіи въ однихъ пѣсенкахъ произвелъ: видятъ наконецъ и во всѣхъ малыхъ Стіхахъ Стопы, коихъ, по оному моему Способу не-было въ оныхъ. Признаваюсь искренно, симъ тогдашній мой Способъ былъ недостаточенъ: чегоради, въ семъ весь оный недостатокъ дополненъ и исправленъ, Впрочемъ, да не мнятъ охотники, что сей Способъ есть разный отъ перваго: ибо на томъ же Тоніческомъ Количествѣ слоговъ, что есть душа и жизнь всего нашего Стіхотворенія, есть основанъ. Хотя Хорей, хотя Іамбъ, хотя Дактіль, или Анапестъ употребится въ дѣло; но во всѣхъ сихъ Стопахъ тотъ есть слогъ долгій, на который сила бьетъ. Да предпочитается Іамбъ, понеже въ нѣкоторыхъ такое есть благоволеніе; однако и Іамбъ утверждается, во всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ

нынѣшнихъ Стїхахъ, на моемъ Количествѣ слоговъ, какъ то видно въ стїхотворческихъ сочиненїяхъ на свѣтъ изданныхъ, и какъ предложено мною въ семъ Способѣ. Правда, весь сей Способъ составленъ какъ не тѣми словами [выключая Техническїя званїя] кои были въ первомъ, такъ и не такимъ порядкомъ: но грунтъ и основанїе есть все тожъ, и затѣмъ и онъ самъ весь тотже, да только, повторяю, дополненный и исправленный. Мню, что позволено всякому свое пересматривать, дополнять, исправлять, и въ совершеннѣйшемъ видѣ издавать Обществу.

МНѢНІЕ

О

НАЧАЛѢ ПОЭЗІИ И СТІХОВЪ ВОБЩЕ.

Какъ живописная картина; такъ Поэзїя: она есть словесное изображенїе. Преизрядно, послѣ Горацїя, уподобляется Поэзїя живописи: но Стїхъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краскою, весьма есть различно отъ нея; равно и Поэзія всеконечно есть не Стїхъ: сей есть какъ краска, а Поэзїя, какъ изображенное ею. Чего ради, нѣкто Эрїзій Путеанскій написалъ основательно: Иное быть Піитомъ, а иное стїхи слагать.

Но много есть мнѣній о первоначалїи Поэзіи; а о началѣ Стїха почитай нѣтъ ни единаго: ибо многїи, пишучи о первоначалїи Поэзїи, иногда сливали ея съ Стїхами. Нашъ языкъ весьма сему подверженъ, когда Поэзїю называетъ Стїхотворенїемъ, хотя впрочемъ прямое понятїе о Поэзїи есть не

то,

то, чтобЪ Стихи составлять, но чтобЪ творить, вымышлять, и подражать. Творенїе, есть расположенїе вещей послѣ оныхЪ избранія; вымышленїе, есть изобрѣтенїе возможностей, тоесть, не такое представленїе дѣянїй, каковы они сами вЪ себѣ, но какЪ они быть могутЪ, или долженствуютЪ; а подраженїе, есть слѣдованїе во всемЪ естеству описанїемЪ вещей и дѣлЪ по вѣроятности и подобїю правдѣ. ВсякЪ видитЪ, что СтїхЪ есть все не то: творенїе, вымышленїе, и подраженїе есть душа и жизнь Поэмы; но СтїхЪ есть языкЪ оныя. Поэзїя есть внутреннее вЪ тѣхЪ трехЪ; а СтїхЪ токмо наружное. Можно творить, вымышлять, и подражать Прозою; и можно представлять истинныя дѣйствїя Стїхами. Первое здѣлалЪ ІоаннЪ барклайй вЪ своей Аргенїдѣ, и ФенелонЪ вЪ Телемакѣ; а другое ЛуканЪ вЪ описанїи Фарсалїческїя брани: посему, первыи оба Пїиты, хотя и Прозою писали; но послѣднїй есть токмо СтихотворецЪ, даромЪ что онЪ пѣлЪ Стїхами. Сїе разумѣнїе есть Арїстотелево; онЪ вЪ своей Поэзїи, переведенной АлександромЪ ПавїйскимЪ, вЪ главѣ 7 опредѣляетЪ: „ СтихЪ „ и Проза не различаютЪ Історїка сЪ Пїи„ томЪ: ибо хотя Геродотова Історїя и „ Стїхами будетЪ сочинена; однако она все„ гда будетЪ, какЪ и прежде, Історїею. „ Но симЪ они между собою разнятся, „ что ІсторїкЪ дѣянїя КАКЪ БЫЛИ, А ПІ-

„ ИТЪ,

„ ИТЪ, КАКЪ ОНЫЯ БЫТЬ МОГЛИ, пред-
„ лагаетЪ. „

ОтЪ сего, что ПіитЪ есть творитель, вымыслитель, и подражатель, не заключается, чтобЪ онЪ былЪ ЛживецЪ. Ложь, есть слово противЪ разума и совѣсти, тоесть, когда или разумЪ прямо не знаетЪ, такЪ ли есть то, что языкЪ говоритЪ, или когда совѣсть точно извѣстна, что то не такЪ, какЪ уста благословятЪ. Но Піитическое вымышленіе бываетЪ по разуму, тоесть, какЪ вещь могла быть, или долженствовала. ПіитЪ также есть и не мастеровый человѣкЪ: всякій художникЪ дѣлаетЪ разнымЪ способомЪ отЪ Піита. Творить по Піитически, есть подражать подобіемЪ вещей возможныхЪ истинныхЪ образу. Но другія художества рукомесленныя такЪ дѣла свои представляютЪ, какЪ они прямо и дѣйствительно вЪ естествѣ находятся, или вЪ какомЪ состояніи находились. „ Воз-
„ можность Піитическая, есть возможность
„ Философская, разумомЪ доказываемая; но
„ возможность художническая, есть возмо-
„ жность равно какЪ Історическая, коя по-
„ вѣствуется, а отЪ художниковЪ, бутто
„ какЪ истиннымЪ повѣствованіемЪ, Меха-
„ нически производится, и истинно предста-
„ вляется. „ Впрочемъ. Піиты называются еще и Прорицателями. Древніи предали, что они о будущемЪ предвозвѣщали, бывши наполнены иногда божественнымЪ духомЪ.

ИтакЪ

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что иное есть Поэзія, а иное со всѣмъ Стихосложеніе. Но той и другому было между человѣками начало. Видно по всему, что Поэзія родилась съ человѣками, или въ нѣкоторыхъ влита свыше по мѣрѣ ихъ силъ. Чего ради Цицеронъ въ словѣ за Архія Піита утверждаетъ говоря, „что Піитъ отъ самаго естества „силу себѣ получаетъ, дѣйствіемъ ума во„збуждается, и какъ нѣкоторымъ божест„веннымъ одушевляется духомъ„: ибо каждый, какъ животное разумное, можетъ творить, вымышлять, и подражать, всежъ то, иной способнѣе, а иной не столько. Но видно и сіе, что Стихъ есть человѣческое изобрѣтеніе въ различие обыкновенному ихъ слову. Къ сему могли найтись многія побужденія; а между прочими и отмѣна отъ всѣхъ прочихъ вѣщанія. Посмотримъ для сего, какое приписываютъ первоначаліе Поэзіи, и какому ему быть по правдѣ должно, дабы увидѣть, кто есть начало Стиху: тоесть, какому состоянію и чину человѣковъ приличнѣе было восхотѣть отмѣнить себя словомъ отъ прочихъ.

Въ баснословіи приписывается изобрѣтеніе Поэзіи Аполліну, пóслѣ какъ онъ убилъ змія Піѳóна, вскорѣ по Девкаліоновомъ потóпѣ. Мнѣніе сіе весьма темно: а хотя оно и полагаетъ изобрѣтенную Поэзію въ отдаленной древности; однако пóслѣ потóпа. Но Поэзія всеконечно была прежде, какъ

то

то мы увидимъ ниже. Нѣкоторыи отдаютъ сїе изобрѣтенїе Дельфїческому его отвѣту. А понеже отвѣтъ сей произносимъ былъ устами Жрицыными и Стїхами; то сїе можетъ токмо разумѣться о соединенной Поэзїи съ Стїхами, а не объ одной Поэзїи. Впрочемъ, не токмо Поэзїя, но и Стїхи старѣе отвѣтовъ: отвѣты начались ужé, по большой части, тогда, когда человѣки начали жить въ обществѣ.

Полагается еще Изобрѣтателемъ Поэзїи Бакхусъ, для того что онъ давалъ отвѣты прежде еще Аполлїна. Посему, и сїе разумѣть должно больше о Стїхахъ съ Поэзїею. Отдается сїя честь изобрѣтенїя и Егїпетскому Озїрїду. Но сей Озїрїдъ многими прїемлется, особливожъ изъ Хрїстїанъ Евсевїемъ, а изъ язычниковъ Дїодоромъ Сїцїлїйскимъ, за Греческаго Феба, или Аполлїна, и потому, что говорено объ ономъ Греческомъ бошкѣ въ разсужденїи сего; то самое должно разумѣть и о семъ Егїпетскомъ. Повѣствуютъ, что Поэзїю изобрѣлъ нѣкто Македонянинъ, именемъ Пїерїдъ, и оной дочерей своихъ обучилъ, а за сїе отцемъ званъ Музъ, называемыхъ отъ его имени Пїерїдскими, или Пїерїдовнами. Но кто онъ, о семъ точно неизвѣсно. Можетъ быть, что онъ токмо въ бо́льшее употребленїе ввелъ Поэзїю въ Македонїи, и воспѣвалъ съ дочерьми своими ходя по улицамъ какїе нибудь пѣсни сочиненные Стїхами, на подо-

подобіе Французскихъ Водевілей; а для того не можно сего инако разумѣть, какъ токмо о соединенной же ужé Поэзіи съ Стіхами. Орфей и Амфіонъ, изъ которыхъ первый уставоположникъ и священноначальникъ Ѳракійскій, а другой Тебанскаго гóрода создатель, равнымъ же образомъ изобрѣтателями почитаются Поэзіи: ибо по пѣснямъ одного Тігры и свирѣпыи Звѣри плясали, другагожъ по сладости гласа сами камни на стѣны всходили, и клали себя порядочно. Сіе значитъ, что они оба живущихъ по лѣсамъ людей собрали въ едино уговоривши краснорѣчіемъ, умягчили дикіи ихъ нравы наставленіями, и просвѣтили разумъ, да и ввели порядочное сожитіе уставами. Однако, больше сіе принадлежать можетъ до Стіховъ при Поэзіи, которыя начало еще долженствуетъ быть отдаленнѣйшее.

Мудрыи люди, начало Поэзіи сводятъ съ неба, утверждая, что она влита въ человѣческіи разумы отъ бога, какъ то я далъ знать выше; а сіе и всеконечно есть праведно. Чего ради Энній и называетъ Піитовъ СВЯТЫМИ, по свидѣтельству Цицеронову въ словѣ за Архія Піита. Тажъ причина, что и Овідій признаваетъ нѣкоторое вдохновеніе свыше въ Піитовъ, говоря въ шестой своей книгѣ о Фастахъ:
„ Есть богъ въ насъ; и его движеніемъ мы
„ воспламеняемся: устремленіе сіе имѣетъ
„ сѣмена святаго Ума. „ По силѣ сего, древніи намъ предали, что Поэзія была священнѣйшею, и первѣйшею Философіею,

ко

которая съ начала вѣковъ ббразу житія научала, путь показывала къ добродѣтелямъ, и провождала по немъ; а особливо, прославляла бога, и его Величіе и свойства. Основательно Платонъ написалъ въ третіей своей книгѣ объ уставахъ говоря: родъ Пiитовъ есть божественный. Также и блаженный Августинъ написанное нѣгдѣ оставилъ: Первыи Пiиты Теологами названы, для того что они многое о бессмертномъ богѣ воспѣвали. Симъ же почитай самымъ образомъ и упомянутый Платонъ въ Федрѣ утверждаетъ еще: Пiиты, божескимъ благодѣяніемъ подлинныи, многую пользу Грекамъ принесли. Такъ и на другомъ мѣстѣ Овидiй ещежъ говоритъ: мы священными Пiитами, и божескимъ попеченіемъ именуемся. Такъ и Луканъ восклицаетъ: О! Священный, и великій всѣхъ Пiитовъ трудъ. И поистиннѣ, нѣтъ труда, который бы бблышею ума силою, и сильнѣйшимъ духа напряженіемъ и стремительствомъ былъ произгодимъ, коль оныя высокія Пiитовъ размышленія!

Хотяжъ и все сіе есть бесспорно; однако все сіе полагаетъ Поэзію, по изобрѣтеніи ея употребленную ужé въ дѣло, и съ Стіхами соединенную. Праведно утверждается, что она влита въ человѣческіи разумы отъ бога. Но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ такую способность, и началъ творить, вымышлять, и подражать естеству? Для сего надобно взойти до первыхъ

выхѣ человѣковѣ. Священное писаніе, вѣ книгѣ бытія, вѣ гл. 4. стіхѣ 21. предѣизѣявляетѣ, что Іувалѣ, меньшій братѣ Іовіла, начавшаго жить вѣ кибиткахѣ и упражняться вѣ пастушеской должности, прежде потопа, и не много послѣ созданія Свѣта, есть показатель Пѣвницы и Гуслей. Чегожѣ больше? Сей есть точно первый изѣ человѣковѣ, который ощутилѣ вѣ себѣ оное божеское движеніе вѣ разумѣ. Сей есть самый первый Піитѣ, и первый Музыкантѣ. Пѣвница тропологіически означаетѣ Пѣснь, [ибо мнится, что безѣ нуждыбѣ священный Писатель одну Мусікію изобразилѣ двумя інструментами] и слѣдовательно Поэзію, а Гусли Мусікію. Надобно ему было сперва пѣть какую нибудь матерію; надобно, чтобѣ сія матерія имѣла начало, средину, и конецѣ; надобно, чтобѣ все сіе сходствовало сѣ тѣмѣ, что его окружало: тоесть, надобно ему было творить, вымышлять, и подражать такѣ и столько, какѣ и сколько онѣ что зналѣ, видѣлѣ, и понималѣ. Невѣроятно, чтобѣ сія его Поэзія была сперва Стіхами: первая мысль обыкновенно приводитѣ кѣ подобной другой; поемаяжѣ матерія [ибо Поэзія его природно долженствовала состоять вѣ пѣсенкахѣ] прямо могла его довесть до исправнѣйшія Мусікіи, а не до состава Стіха: сладость, какова могла быть вначалѣ Мусікіи, могла подать мысль послѣ о сладости рѣчи, о которой, чтобѣ дать

ей оное совершенство, надобно было долго еще размышлять; но съ него довольно быть могло творенія, вымышленія, и подражанія поемаго, а притомъ еще и пріигрыванія на Гусляхъ. Итакъ, пѣлъ онъ первый твореніе свое, вымышленіе, и подражаніе; да еще иногда соглашалъ свое Пѣніе и съ Гуслями.

Нѣкоторыи его таварыщи и сверсники, такіижъ пастухи стадъ, какъ и онъ, [ибо безъ сомнѣнія жизнь его была подобна жизни заведенной отъ большаго брата] начали у него перенимать, и ему въ томъ слѣдовать. Вотъ же Поэзія и Мусікія отъ пастуха къ пастуху переходя, дошла и до Нόя, и до Ноевыхъ дѣтей. Потόмъ Міръ весь потопленъ; но не весь родъ Человѣческій. Пόслѣ потόпа первая жизнь была ра́вножъ пастушеская; первыи пастухи возобновили преданную отъ Іувала Поэзію, и Мусікію, не стараясь еще усладить свою рѣчь Стіхами, которыи не могли имъ вдругъ притти на мысль. Между тѣмъ умножаются Человѣки, удаляются, по столпотвореніи, другъ отъ друга, расходятся по лицу земли; иныи забываютъ Сотворшаго, и вмѣсто Его тварямъ покланяются, а чрезъ то родъ Человѣческій сталъ состоять изъ двухъ поклонниковъ, изъ вѣрующихъ, и язычниковъ: но всѣ пастушескія жизни не отлагаютъ, и долго еще не отложили. Итакъ, Поэзія и по потόпѣ осталась при-

пасту-

пастухахъ, какъ нѣкоторое наслѣдіе. ибо они ея изобрѣтатели, и распространители.

Тогоради, праведно говоритъ Господинъ де Фонтенель въ красной своей рѣчи о натурѣ Эклоги: „ Пастушеская Поэзія есть древ„нѣйшая изъ всѣхъ Поэзій, длятого что „ пастушеское Состояніе есть старѣе всѣхъ „ состояній. Весьма вѣроятно, продолжаетъ „ онъ, что первыи пастухи вздумали въ спо„койствіи своемъ и въ праздности, пѣть увесе„ленія свои и любовь; да и вводили они по при„стойности часто въ тѣ пѣсни стада свои, „ лѣса, источники, и всѣ вещи, кои знакомѣе „ имъ были,„. Итакъ, распространеніе Поэзіи здѣлалось отъ пастуховъ разныхъ племенъ, а самое начало произошло отъ Іувала Ламехова сына пастухажъ. Сія есть и причина, что Евсевій Памфіловъ въ 11. Книгѣ о предуготовленіи Евангельскомъ утверждаетъ говоря, что „ какъ всѣ прочіе преизящные науки и „ знанія отъ Евреевъ, такъ и сія благород„нѣйшая отъ нихъ же проистекла, и до „ нынѣшняго времени, отчасу болшее по„лучая совершенство, достигла. По сему Евсевіеву мѣсту, можно ясняе видѣть истинну, сказаннаго Ролленемъ въ предисловіи на всю древнюю свою Історію на страницѣ III, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее моимъ переводомъ: „ Узнаваемъ по ней [по Історіи] „ слѣдуя за тѣми [за науками] повсюду, „ ихъ начало, и приращеніе, и видимъ съ „ удивленіемъ, что чѣмъ больше приближа-

„ емся къ мѣстамъ, гдѣ Ноевы дѣти жили,
„ то больше находятся науки и знанія въ
„ совершенствѣ: а напротивъ того, оныя
„ кажутся быть забыты, или презрѣны у
„ тѣхъ народовъ, которыи отъ нихъ были
„ въ больщемъ отдаленіи, такъ что, ко-
„ гда надобно стало ихъ возобновлять, то
„ надлежало восходить къ ихъ источнику,
„ изъ котораго оныя проистекли „.

Нашедши прямое начало Поэзіи, по-
ищемъ теперь вѣроятнаго, буде не досто-
вѣрнаго, начала Стіху, дабы сей соединить
съ оною. Много ужѐ людей скитается съ
мѣста на мѣсто по степямъ. Житіе ихъ
еще особенное: въ каждой фамиліи главнымъ
есть Отецъ; онъ ей Царь, Священникъ, и
Учитель. Но одна фамилія была многолюд-
нѣе другой и слѣдовательно сильняе. Итакъ
сильнѣйшій истреблялъ безъ всякія опасно-
сти бессильнаго, ежели въ томъ состояла
его польза. Разумнѣйшіи увидѣли, что то
смертоносный вредъ: надобно стало всѣхъ
въ округѣ фамилій соединить пользу, и для-
того оныя совокупить въ едино Общество.
Но надобно было всѣхъ преклонить прежде
къ оставленію особеннаго пребыванія, пока-
завъ имъ знатнѣйшую пользу въ общемъ со-
житіи. Уговариваніе сіе не могло быть безъ
слова, и слова еще такова, которое бы-
лобъ совокупно и сильно, и сладосно. Силу
слову могла подать изобрѣтенная ужѐ Поэ-
зія; но сладость не могла быть въ словѣ
безъ

безъ нѣкотораго различія. Весьма вѣроятно, что сія нужда первымъ онымъ Політікамъ дала случай къ различенію въ реченіяхъ долгихъ и краткихъ слоговъ, мѣряющихся Времснемъ, при ихъ Удареніи [которому не возможно было съ самаго начала вѣщанія не быть, ибо невозможно ни слога токмо выговорить безъ напряженія гблоса] возвышеніемъ звона; а чрезъ то къ нѣкоторому немѣрному роду Стіха. Такая рѣчи сладость, неслыханная еще по то время, могла чувствительнѣе поразить человѣческія сердца, толь наипаче, что она соединена съ твердостію доказательствъ, именножъ съ Поэзіею, для того что бесспорно она есть самая первая человѣческая Софія, тоесть, Мудрость. Итакъ, я полагаю, что первый опытъ Стіховъ здѣлали первѣйшіи Мудрецы, и Уставоположники. Сей опытъ не могъ быть сперіа-сáмаго во всемъ своемъ совершенствѣ: надобно было время къ приведенію того въ крайнюю исправность. первая мысль, приводя къ подобной, дѣлаетъ во второй премѣны или исправле...ъ, или прибавленіемъ, или уменьшеніемъ.

Однако, Общества ужé начались: наступили и обывателямъ, тоесть, членамъ Общества, другія обстоятельства. Городы повсюду застроены, и построены. Здѣлались и пространные и сильные области. Разность какъ преимуществъ, такъ достоинствъ

стоинствѣ и состояній завелась и утвердилась. Между сими нѣкоторое непосредственное, по верьховной Власти, а часто и соединенное съ нею, предъ всѣми прочими предшествовать начало: Сіе есть Священническое. Должность сего была чина, молить бога о благосостояніи, призывать Его въ помощь, славословить величіе Его, умилостивлять Его жертвами, благодарить Ему за благодѣянія, и наставлять народъ о достодолжномъ къ Нему почтеніи. Такихъ особъ не могли люди не почитать мудрѣйшими прочихъ. Все въ нихъ было отмѣнное отъ другихъ: житіе, поступка, одѣяніе; въ собраніяхъ мѣсто, почтеніе, сила; превеликое во всѣхъ мнѣніе объ ихъ просвѣщеніи разума, и слѣдовательно крайняя имъ отъ тѣхъ повѣренность При толикой имъ чести, отмѣнѣ, и мнѣніи объ нихъ, надлежало имъ всячески стаpатися, чтобъ не токмо не дать причины къ умаленію себѣ того, но и отчасу болѣе подавать случай къ умноженію онаго, или, по крайней мѣрѣ, къ содержанію всего на одной безвредно степени. Отмѣняли они и сами себя всѣмъ обхожденіемъ отъ прочихъ, чтобъ стоять всегда твердо на оной. Вѣроятно, и почти достовѣрно, чтобъ восхотѣть имъ себя отличить отъ множества и словомъ. Съ одной стороны Величество провозвѣщаемаго и превозносимаго ими невидимаго Существа, [а сіе какъ въ истинномъ, такъ и въ ложномъ

бого-

богочтенiи, длятого что и Iдолопоклонники оптдавали честь божеству подъ видомъ и именемъ многихъ божествъ, не смысля что многобожiе есть совершенное безбожiе] а съ другой и собственное честолюбiе, какъ то невозможно, чтобъ того къ нихъ не-было, а оно всегда зритъ и почитаетъ себя быть лучше прочихъ, ибо самомнительное, приводили ихъ къ тому. Вѣдома ужé Поэзiя, коя весьма способна прославлять и показывать великость: но слово ея высотою токмо отмѣнно отъ обыкновеннаго. При высотѣ надобна и нѣжная сладость, чтобъ не токмо поражать, но и внѣдряться во внутренность сердецъ. Къ сей путь показанъ отъ первѣйшихъ Законоположниковъ чрезъ различенiе въ слогахъ долгихъ и краткихъ слоговъ. Изрядный и дѣйствительный способъ; но несовершенный. Чегожъ тутъ не доставало? Повторенiя по извѣснымъ мѣстамъ оныхъ долгихъ и краткихъ совокупно слоговъ, и сему Повторенiю опредѣленныя Мѣры, коя долженствовала быть средственная по равномѣрности человѣческаго духа, дабы вырзнѣе произносить всякiй составъ рѣчи, и чрезъ то дѣйствителнѣе возбуждать человѣческiя сердца и наставлять разумы.

Мнится, что не-было другiя причины къ изобрѣтенiю Стiховъ; назранныхъ тогда, или потóмъ, Гексаметрами, Пентаметрами, Тетраметрами, Трiметрами, и Дiметрами,

смотря по различію матерій произносимыхъ или поемыхъ, и къ изобрѣтенію тѣхъ не другимъ кому, но токмо и точно (*) Священствующимъ.

(*) Сіе равнымъ образомъ я разумѣю и о нашихъ самыхъ первоначальныхъ Стіхахъ: вѣроятно по всему, что и наши поганскіи Жерцы были первыми у насъ Стіхотворцами. И хотя нѣтъ ни одного оставшагося у насъ образчика языческія нашея Поэзіи; однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіи Стіхи наши, бывшіи въ употребленіи у Жерцовъ нашихъ, состояли Стопами, были безъ ріомъ, и имѣли Тоніческое количество слоговъ, да и односложныя слова почитались по вольности общими. Стопы по большой части въ нихъ или Хорей, или Хорей съ Дактілемъ, или одинъ Дактіль; также Іамбъ, или Іамбъ съ Анапестомъ, или одинъ же Анапестъ, а по вольности за Хорея и Іамба полагается Стопа Пирріхій. Прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ Стіховъ: дѣлаю я сіе токмо въ показаніе примѣра.

ХОРЕЙ:

Отстa	вала	лебедь	бѣла	я
Какъ отъ	стада	лебе	дино	ва

юющимъ. Вотъ же придана къ высотѣ Поэзіи и совершенная сладость и красота, тоесть, количество слоговъ и мѣра, ограниченная Стопами. Начала Поэзія Стіхомъ уже быть предлагаема или воспѣваема. Умножены празнованія, умножены служенія;

ХОРЕЙ СЪ ДАКТІЛЕМЪ;

У ко	лодезя	у сту	денова
Доброи	молодецъ	самъ ко	ня поилъ
Красна	дѣвица	воду	черпала.

ДАКТІЛЬ:

Ярка не	ярка ба	ранъ не ба	ранъ
Стара О	вечка не	ярина	чка

ІАМБЪ:

Далé	че охъ	далé	че во	чистомъ	полѣ
Нетрав	ка не	мурав	ка зá	шата	ласа

ІАМБЪ СЪ АНАПЕСТОМЪ

Не шуми	мати	зелé	на дубро	ва
Не мѣшаи	цвѣсти	лазо	реву цвѣ	ту

АНАПЕСТЪ:

Ой ты по	люшко по	люшко чи	стое
Ничево	мнѣ ты по	ле не ро	дило
Охъ ты ро	дило толь	ко роки	товъ кустъ

умножены и пѣсни. Прославилась вящше Стіхобная Поэзія: бо́льшее къ ней прилѣжаніе отчасу прилагается. Ею превозносится божество; ею прорицается истинно отъ правыхъ, ложно отъ льстецовъ; ею преподаются наставленія о добродѣтельномъ житіи; ею и законы преднаписуются: словомъ, все са́мое важное и превеликое ею объемлется, пока наконецъ, по многихъ вѣкахъ, употребили уже́ ея и на мирскіе многіе потребности, отвратившии отъ перваго установленія. Симъ образомъ соединенную Поэзію съ Стіхами, тоесть, начало Стіховныя Поэзіи преизрядно описываетъ Ролленъ; въ са́момъ началѣ вторагонадесять То́ма древнія своея Історіи. Я рассудилъ заблаго все оное его описаніе внесть сюда, и тѣмъ окончить сіе Сочиненіе. Уповаю, что оно не непріятно будетъ Читателямъ, какъ нѣжное, высокое, и праведное.

„Сіе достовѣрно, говоритъ онъ, когда „рассуждается о Поэзіи въ чистотѣ перва„го ея установленія, что найдена она „сперва́ на засвидѣтельствованіе божествен„ному Величеству всеобщаго почтенія по„клоненіемъ и благодареніемъ, и притомъ въ „наученіе человѣковъ са́мымъ ва́жнымъ ис„тинамъ въ законномъ богочтеніи. Сія на„ука, которая кажется нынѣ оскверненная свѣтскимъ употребленіемъ, родилась „посрединѣ празнованій, учрежденныхъ въ

„честь

„ честь высочайшему Существу. Въ сіи тор-
„ жественныи дни [въ коя Евреи прославля-
„ ли память чудесъ, проявленныхъ богомъ
„ Израилевымъ въ ихъ пользу, и въ кото-
„ рыи, будучи свободны отъ своихъ тру-
„ довъ, попускались они въ непорочное и
„ необходимое веселіе] все гремѣло священны-
„ ми пѣсньми, которыхъ слогъ благородный,
„ высокій, и величественный сходствовалъ
„ съ Величіемъ бога, прославляемаго оными.
„ Неисчетное множество живыхъ красотъ и
„ одушевленныхъ въ сихъ божественныхъ пѣ-
„ сняхъ! Рѣки возвращаются вспять къ сво-
„ имъ истокамъ; моря расступаются, и убѣ-
„ гаютъ; холмы скачутъ; горы таютъ, какъ
„ воскъ, и исчезаютъ; небо и земля слушая
„ внушаютъ съ почтеніемъ и въ молчаніи:
„ все естество приходитъ въ движеніе, и
„ колеблется отъ лица своего Зиждителя.

„ И какъ простый человѣческій гласъ не
„ могъ снесть бремя толь дивныхъ чудесъ,
„ и казался народу преизлишно слабымъ къ
„ изъявленію сильнѣйшимъ образомъ чувст-
„ вій благодаренія и поклоненія, коихъ онъ
„ былъ преисполненъ; то онъ призывалъ въ
„ свою помощь гремящій звукъ тимпановъ,
„ трубъ, и другихъ Мусикійскихъ орудій.
„ Вступая еще въ нѣкоторый родъ восторга и
„ восхищенія законнаго, восхотѣлъ онъ,
„ чтобъ и тѣло воспріяло участіе въ свя-
„ томъ веселіи душй устремленными, но
„ сличными, движеніями, дабы въ человѣ-

„ къ

„ кѣ все отдавало почтенїе божеству. Сїи
„ были начала Мусїкїи, Плясанїю, и По-
„ зїи.

„ Кой человѣкъ, одаренный знанїемъ
„ силы въ вещахъ, хотябъ онъ и не-былъ
„ исполненъ почтенія къ Священнымъ Кни-
„ гамъ, и читалъ бы Моїсеевы Пѣсни равно
„ такъ, какъ Пїндаровы Оды, не будетъ
„ принужденъ признаться, что Моїсей,
„ вѣдомый намъ какъ первый Законодавецъ
„ въ Свѣтѣ, есть совокупно и высочайшїй
„ изъ Пїитовъ? Въ писанїяхъ его начинаю-
„ щаяся (*) Поэзія является вдругъ совершен-
„ ная, длятого что самъ богъ оную въ него
„ вдыхаетъ, ибо что необходимость къ до-
„ стиженїю

(*) Сїе можетъ разумѣться такъ, что начиналась тогда соединенная съ Стїхами Поэзія у исшедшаго изъ Егїпта Еврейскаго народа: но у Егїптянъ ужъ быть ей надлежало, хотя мы и не знаемъ въ отдаленной и преглубокой сей древности ихъ Пїитовъ: ибо ужé у нихъ были городы, области, законъ, и слѣдовательно законники, которыи долженствовали, по тогдашнему, употреблять Поэзію. Самъ богъ далъ славное засвидѣтельствованїе въ дѣянїяхъ въ главѣ 7. стїхъ 22. что Моїсей изученъ былъ всей премудрости Егїпетской, слѣдовательно и Поэзїи, какъ первенствующей тогда Фїлософїи и богословїи, которую

„ стиженію совершенства по степенямъ, „ есть способъ соединенный съ художествами изобрѣтенными отъ человѣковъ. Пророки и Псалмы представляютъ предъ „ насъ еще подобныежъ образцы: въ нихъ „ блещетъ своимъ величественнымъ сіяніемъ „ оная существенная Поэзія, возбуждающая „ благополучные страсти, умиляющая сер„ца, а не прельщающая, угождающая „ намъ, а не благопріятствующая нашимъ „ слабостямъ, пригвождающая насъ, но не „ забавляющая сказаніями беспутными и „ смѣшными, подающая наставленіе безъ „ отвращенія отъ себя, приводящая насъ „ въ познаніе бога, но не представляющая „ Его изображеніями недостойными божест„ва, удивляющая насъ всегда, но не водя„щая между пустыми чудесностями. бу„дучи пріятна, и всегда полезна, благо„родна смѣлыми своими изглашеніями, жи„выми начертаніями, а больше еще пропо„вѣдуемою и возвѣщаемою истинною, она „ одна достойна именоваться БОЖІИМЪ „ ЯЗЫКОМЪ.

„ Когдажъ человѣки пренесли на твари „ почтеніе, должное токмо Творцу; тогда „ и По-

онъ употребилъ толь достолѣпно, между свободившимися Евреями отъ ига, къ прославленіе Свободителя ихъ, тоесть, Единаго Всемогущаго бога.

„ и Поэзія слѣдовала за участію закона, „ однако всегда храня слѣды перваго своего „ начáла. Употребили ея въ началіи на „ возблагодареніе ложнымъ богамъ, за ихъ „ мнимыя благодѣянія, и на испрошеніе отъ „ нихъ новыхъ. Правда, опредѣлили ея вско- „ рѣ на другія употребленія; однакожъ, „ во всякое время, старались прилѣжно воз- „ вращать ея къ первому оныя предѣлу.

„ Гезїодъ составилъ Стїхами Родословїе „ боговъ: нѣкто изъ весьма древнихъ Піитовъ „ сочинилъ Гїмны, кои обыкновенно припи- „ сываются Гомеру: Каллїмахъ потомъ из- „ ложилъ подобныежъ. Самыя сочиненія, „ которыя обращались въ другихъ матерїяхъ, „ вели и совершили приключенія помощію и „ споспѣшествоиъ божественныхъ силъ. Они „ научали человѣковъ почитать боговъ за „ производителей всего, что случается въ „ естествѣ. Гомеръ, и другїи Піиты, пред- „ ставляютъ намъ ихъ повсюду, какъ од- „ нихъ такихъ, кои имѣютъ власть надъ „ нашею участїю. Они у нихъ возносятъ „ и понижаютъ мужество, даруютъ и отъ- „ емлютъ благоразумїе, посылаютъ побѣду, „ и насылаютъ разбитїе. Ничего не дѣлает- „ ся великаго и Героїческаго безъ вспомоще- „ ствованія тайнаго, или видимаго отъ нѣ- „ котораго божества. А изъ всѣхъ правдъ, „ предвозвѣщаемыхъ намъ, сія слѣдующая „ представляется чаще, и утверждается съ „ большимъ тщанїемъ, именножъ, что Храб-

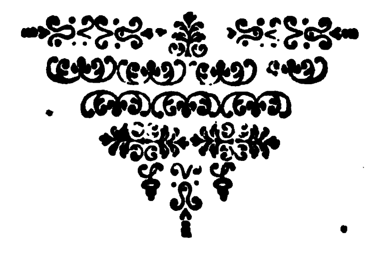
„ рость

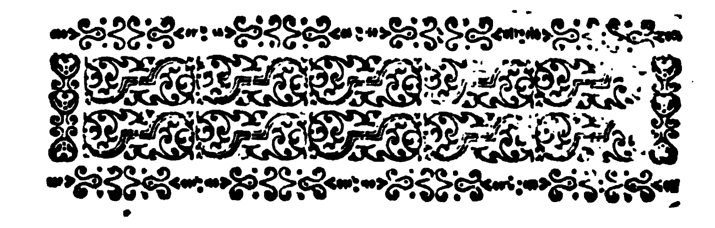
„ рость и Мудрость бессильны сами въ себѣ
„ безъ помощи отъ Провидѣнія божїяго.

„ Едино изъ главныхъ намѣреній Поэзїи,
„ и которое было какъ природное воспослѣ-
„ дованїе отъ перваго, состояло также и
„ въ томъ, чтобъ исправлять нравы. Чтожъ
„ бы о семъ удостовѣриться; то должно
„ токмо взирать на собственный предѣлъ въ
„ каждомъ родѣ Поэмъ, и на общественныя
„ дѣйствїя Пиитовъ самыхъ славныхъ. Эпи-
„ ческая Поэма намѣрилась съ самаго начала
„ подавать намъ наставленїя прикрытыя
„ Аллегорїею важнаго и Героїческаго дѣй-
„ ствїя. Ода, прославлять дѣянїя великихъ
„ людей, и чрезъ то привлещи всѣхъ дру-
„ гихъ къ подражанїю онымъ. Трагедїя,
„ вдохнуть въ насъ ужасъ отъ злодѣянїя
„ смертоносными воспослѣдованїями, кои
„ происходятъ отъ онаго, а почтенїе къ
„ добродѣтели праведными ей похвалами и
„ воздаянїями, которыя за нею слѣдуютъ.
„ Комедїя и Сатїра, исправить насъ забав-
„ ляя, и воевать непримирительно на поро-
„ ки, и на все, что смѣха достойно. Эле-
„ гїя, проливать слёзы на гробѣ особъ, за-
„ служившихъ сожалѣнїе. Эклога, воспѣвать
„ беззлобїе и увеселенїя поселянскаго и па-
„ стушескаго житїя. Чтожъ хотя, по
„ прошествїи временъ, и употреблены сїи
„ роды Поэмъ на другое; однако сїе есть
„ вѣрно и извѣсно, что оные отвращены
„ отъ природнаго имъ предѣла, и что съ
„ самаго

„ сáмаго начáла всѣ онѣ шли къ одной цѣли, „ а именно, чтобъ здѣлать человѣковъ лучшими.„

КОНЕЦЪ.

Письмо
КЪ ПРІЯТЕЛЮ
О НЫНѢШНЕЙ ПОЛЬЗѢ ГРАЖДАНСТВУ ОТЪ ПОЭЗІИ.

ГОСУДАРЬ МОИ!

Давно ужé вамъ, уповаю, извѣсно, что употребленіе Стіховъ и Стіхотворенія весьма отдаленныя, и преглубокія есть древности; что важная ихъ должность, въ тогдашнемъ человѣческомъ Обществѣ, заслужила имъ у всѣхъ высокое почтеніе; и что Народамъ, кои наилучшій успѣхъ предъ прочими въ нихъ имѣли, пріобрѣли они крайнее

нее прославленіе. Подлинно, онымі ннымъ симъ родомъ Краснорѣчія, Древность описывала храбрыя и славныя дѣла великихъ людей, наставляла къ добродѣтели, и человѣческіи исправляла нравы, Философическіи предлагала догматы, полагала уставы къ полученію отъ правосудія какъ истиннаго благополучія, такъ и спокойнаго сожитія, записывала прошедшія бытія и достопамятныя приключенія, утверждала тайны, нынѣ смѣха и мерзости достойные, тогдажъ благоговѣйнаго страха и крайнія чести удостоявшіеся, языческія мнимыя богословіи: а съ Еврейскомъ народѣ и самому истинному богу молитвы приносила, благодарснія воздавала, честь воссылала, славу и должные хвалы восписывала.

Сія многодѣльная должность Стіховъ въ Древности, и получаемая тогда отъ нихъ несказанная польза, былабъ и въ наши времена равныя важности, и толикагожъ почтенія; ежелибъ нынѣ не отняты у Поэзіи были всѣ оныя толь высокія преимущества. Наши вѣки, довольствуясь другимъ родомъ Краснословія, все то описываютъ, записываютъ, уставляютъ, утверждаютъ, прославляютъ, и украшаютъ рѣчію, данною намъ съ самаго начала нашего выговора, именножъ Прозою: а Стіхамъ отдали токмо Оды, Трагедіи, Комедіи, Сатіры, Элегіи, Эклоги, басни, Пѣсенки; краткіе Эпіграммы, и кратчайшіе тѣхъ при Эмблемахъ Девизы. Ясно вамъ видѣть можно, Государь мой,

мой, что прежде Стіхи были нужное и полезное дѣло; а нынѣ утѣшная и веселая забава, да ктомужъ плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію не того вещественнаго награжденія, котороє есть нужно къ препровожденію жизни, но такова воздаянія, кое часто есть пустая, и скоро забываемая похвала и слава.

Правда, и нынѣ еще въ самыхъ Политичныхъ Народахъ, знатныя дѣянія прославившихся Монарховъ и Полководцовъ, списываютъ Стіхами; а родъ сей Стіхотворенія называется Эпіческимъ и Героіческимъ. Сіе самое есть сильнымъ побужденіемъ къ описанію житія, дѣлъ, глубокаго и остраго ума, добродѣтельныхъ нравовъ, и Хрістіанскихъ добродѣтелей, несравненнаго въ древности и нынѣ, преселеннаго отъ насъ, по неиспытаннымъ Судьбамъ, но съ несказанною и неутѣшною нашею горестію, въ небо, у блаженнаго нашего Автократора и Імператора ПЕТРА, словомъ, дѣломъ, сердцемъ и умомъ ВЕЛИКАГО, для бессмертныя его памяти: но понеже Проза великую ужé получила силу, власть, и честь; то чаятельно, что и сіе толь важное дѣло возметъ на себя Історія.

И какъ вы, Государь мой, изволите меня всепріятнымъ вашимъ спрашивать, какаяжъ бы нынѣ была ужé въ Поэзіи и въ Стіхахъ нужда, когда все-на-все исправляется Прозою? То имѣю честь вамъ на сіе донесть прямо, какъ обстоятельства временъ совѣтуютъ, [оставляя ужé, что Святый

Іоаннъ Дамаскинъ, и многїя изъ богодухновенныхъ Отцевъ, послѣдовавшихъ ему, показали коликїя важности и нынѣ Стихи іъ православной Церькви, длятого что, какъ вамъ самимъ вѣдомо, на нашемъ языкѣ и то все, что отъ нихъ составлено Стїхословными мѣрами, Прозою поется, и чтется] что нѣтъ поистиннѣ ни самыя большїя въ нихъ нужды, ни отъ нихъ всемѣрно знатныя пользы. Однако и притомъ утверждаю, что они надобны, и надобны по стольку между Науками украшающими разумъ и слово, по скольку между отгоняющими всякую воздушную обиду, или правѣе, между защищающими отъ оныя поселянскими хижинами, покойные, красные, и великолѣпные знаменитыхъ и пресловутыхъ городовъ палаты; или ужé, потолику между Ученїями словесными надобны Стїхи, поколику Фрукты и Конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушанїяхъ. Много есть Наукъ и Знаній, правилами состо„ящихъ, и доказательствами утвержда„емыхъ, изъ которыхъ иныя просвѣщаютъ умъ, иныя исправляютъ сердце, иныя всему тѣлу здравїе подаютъ; а иныя украшаютъ разумъ, увеселяютъ око, утѣшаютъ слухъ, вкусъ услаждаютъ. Первыя Гражданству чрезъ познанїе спасительныя истинны, чрезъ изобрѣтенїе потребныхъ вещей, чрезъ употребленїе оныхъ благовременно, чрезъ дѣйствїе добродѣтелей, чрезъ прї-

пріятность благонравія, чрезъ твердость искусства кр..чною приносятъ пользу: но другія гражданъ упразднившихся на время отъ дѣлъ, и желающихъ нѣсколько спокойствія, къ возобновленію изнуренныхъ силъ, для плодоносящихъ трудовъ, чрезъ борьбу остроумныхъ вымысловъ, чрезъ искусное совокупленіе и положеніе цвѣтовъ и красокъ, чрезъ удивительное согласіе струнъ, звуковъ, и пѣнія, чрезъ вкусное смѣшеніе растворенїемъ разныхъ соковъ и плодовъ, къ веселію, которое толь полезно есть здравію, возбуждаютъ, и на дѣла потомъ ободряютъ. Нѣтъ труда, чтобъ предпріемлемъ былъ не для какія пользы; но нѣтъ и краткія праздности, которая отвращалась бы отъ спокойствія и утѣхи. Итакъ, въ какой бы вы классъ, изъ всѣхъ Наукъ и Знаній, ни положили Поэзію, вездѣ найдете ея, что она не безъ потребности и нынѣ. Все что ни есть доброе, большую, или не весьма великую приносящее пользу, и приводящее въ славу, знать и умѣть по всему есть похвально, а часто и прибыточно.

Я изъ глубины сердца желаю, чтобъ, хотя нынѣ сія не весьма и безконечно надобная, но целыя Народы громко и прочно, да и больше, можетъ быть, нежели все иное, и едваль меньше, коль и Пальма, полученная за доблественныя дѣянія воспѣваемыя сею въ ролѣ, прославляющая Наука, здѣсь процвѣла и Эпическою доброгласною Трубою, какъ цвѣ-

теть уже нѣкоторыхъ струнъ звономъ: а съ другой стороны, отнюдъ не совѣтую вамъ, какъ то знаю вашу склонность, чтобъ Стихамъ быть только и дѣломъ единственно вашимъ, илибъ они приносили препону чему ни будь важнѣйшему. При отдохновенiи вашемъ отъ порученныхъ вамъ попеченiй о твердѣйшемъ и плодоноснѣйшемъ, да будутъ они токмо честною забавою: ни лучше, по моему мнѣнiю, ни похвальнѣе, еще и ни безвреднѣе время ваше препроводить вы не возможете. Симъ образомъ и гулянiе ваше будетъ иногда Обществу полезно. Впрочемъ остаюсь съ надлежащимъ почтенiемъ,

Вашъ, Государя моего,

покорный слуга:

В. Т.

НѢСКОЛЬКО

НѢСКОЛЬКО

ЭЗОПОВЫХЪ БАСЕНОКЪ

ДЛЯ ОПЫТКА

ГЕКСАМЕТРАМИ

Іамбіческимъ и Хореіческимъ

Составленныхъ.

БАСЕНКА I.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖИНА.

Пѣтухъ взбѣгъ на навозъ, а рыть начáвъ тотъ вскорѣ,
Жемчужины вотъ онъ дорылся въ ономъ сорѣ,
Увидѣвши ея: что нужды, говоритъ,
Мнѣ въ этомъ дорогомъ, что глазъ теперь мой зритъ?
Желалъ бы лучше я найти зерно Пшеницы,
Которую клюемъ дворовые мы Птицы:
Ктомужъ, мнѣ на себѣ сей вещи не носить;
Да и не можетъ та собой меня красить.
Итакъ, другимъ она пусть кажется любезна;
Но мнѣ, хоть и блеститъ, нимало не полезна.

* *
*

БАСЕНКА II.

МУХА И МУРАВЕЙ

Думаючи много Муха о себѣ сама,
И притомъ же зная, что она есть не нѣма,

Начала уничтожать Муравья словами,
А себя превозносить пышными рѣчами.
Посмотри сколь подлость, говорила та ему,
Есть твоя велика: слово-въ слово какъ въ тюрьму
Подъ-землю ты заключенъ, жить бы тамъ въ домишкѣ;
Да и ползаешь всегда только по землишкѣ,
Ищущи съ прекрайнимъ пропитанія трудомъ,
Слишкамъ же слабымъ съ неминуемымъ вредомъ.
Но что до меня, то вверьхъ крыльями взлетаю;
И за царскимъ я столомъ многажды бываю:
Изъ златыхъ сосудовъ и серебреныхъ тожъ пью;
Сладко ѣмъ, гуляю по порфирѣ, по бѣлью,
А ктомужъ прекрасныхъ лицъ я целую щочки,
И сажусь потомъ цвѣтковъ къ нимже на пучочки.
Дчящейся тѣмъ Мухѣ отвѣчаетъ Муравей:
Должно то прибавить къ роскоши еще твоей,
Что бездѣльничество всѣмъ есть твое извѣсно,
Ненависно всѣмъ оно, отъ него всѣмъ тѣсно;
Что бичи готоватъ и отраву на тебя;
И что щастье мнимо, вѣдай машка про себя,
Полгода твое то все только пребываетъ,
А зимою и съ тобой бѣдно погибаетъ.
Но я не чрезъ силу лѣтомъ длятого тружусь,
Что зимой въ покоѣ ни о чемъ ужъ не крушусь.

* *
*

БАСЕНКА

БАСЕНКА III.

ЛИСИЦА ВЪ БОЛВАНЩИКОВОМЪ САРАѢ.

Въ болванщиковъ Сарай Лисица забѣжала;
Тамъ много Статуй зря съ веселїя скакала.
Межъ прочими одну всѣхъ лучшею нашла:
Та женскимъ видомъ вся сработана была.
Лисица ближе къ сей нарочно приступила;
Съ ней ласковы словá въ учтивости спустила;
Вотъ въ ласкѣжъ началá ея ужé трепать,
И съ нею извѣстъ какъ прїятно поступать.
Но видя ту, какъ пень, недвижиму, бесслову,
Сказала съ гнѣвомъ рѣчь сїю къ ней нелюбовну:
Ты подлинно лицо краснó какъ маковъ цвѣтъ,
Да въ головѣ твоей ни крошки мозгу нѣтъ.

* *
*

БАСЕНКА IV.

ОБЛАКО И ЗЕМЛЯ

Какъ изрыгнула земля изъ нутри утробы
Влажныхъ нѣсколько паровъ для своей оздобы;
То въ одну тѣ кучку слившись межъ собой клочкомъ,
Здѣлались не вдолгѣ небольшимъ вотъ облачкомъ;
И ужъ начали нестись къ небу по воздýху.
Стала то Земля просить, чтобъ оно Старуху
Пóмнило, котора рождшая его есть мать;
Той не заставлялобъ по себѣ всегда вздыхать;

И при-

И притомъ себѣ оно вдругъ не о па дило :
Отъ нея сперва́въ еще не вдали гуляло.
Но стремясь безмѣрно Облако быть въ высотѣ ,
И не зря на просьбу вознеслось вверьхъ въ быстротѣ :
Тамъ со всѣхъ сторонъ его сильный вихрь терзаетъ ;
Отъ чего то Облачко вѣкъ и исчезаетъ.

БАСЕНКА V.

ПЕСЪ ЧВАНЪ.

Лихому Псу звонокъ на шею привязать
Велѣлъ хозяинъ самъ , чрезъ то бъ всѣмъ показать ,
Что Песъ тотъ лютъ добрѣ; затѣмъ бы прочь бѣжали ,
Иль палкувъ на него въ рукахъ своихъ держали.
Но злой Песъ мня , что то его мзда удальства́ ,
Сталъ съ спеси презирать всѣхъ лучшаго сродства́.
То видя , говорилъ Татарынцъ старъ годами :
Собака ! безъ ума ты чванишся предъ нами :
Тебѣ честь не въ красу , но данъ въ признакъ звонокъ ,
Что нравами ты золъ , а разумомъ щенокъ.

БАСЕНКА VI.

ЛАСТОЧКА И ПТИЧКИ.

Лишь посѣялъ только Ленъ; то другимъ всѣмъ Птичкамъ,
Какъ то малымъ Воробьямъ, малымъ и Синичкамъ
Ласточка разумно начала́ напоминать,
Чтобъ тѣ съ ней потщались сѣмена съ грядъ растаскать,
Отъ которыхъ израстетъ всѣмъ трава имъ вре́дна;
Такъ что будетъ отъ нея всѣхъ ихъ жизнь ужъ бѣ́дна.
Но когда тѣ Птички отреклись всѣ отъ труда́,
Не боясь нимало отъ сѣменъ себѣ вреда́;
То она ихъ начала́ всѣхъ просить вторично,
Уговаривая тутъ кажду самолично,
Что хотя бъ исшедшу травку вырвали онѣ,
И худое въ оныхъ было бъ мнѣніе о Льнѣ.
Какъ же Птички и сего всѣ не захотѣли,
И тотъ Ласточкинъ совѣтъ за пустой имѣли;
То вотъ отлетѣвши отъ лѣсовъ она густыхъ,
Отъ луговъ и рощей, также и отъ мѣстъ пустыхъ,
Близко общества людей жить и виться стала.
Льнова между тѣмъ трава къ жатвѣ поспѣвала;
Вотъ же ужъ созрѣлый на поляхъ повсюду Ленъ,
Сжатъ, измятъ, растрепанъ, и въ дѣла употребленъ:
Сѣтки люди поделали, и обманъ готовятъ
Да ужъ бѣдныхъ Птичекъ всѣхъ оными и ловятъ,
Плачущихъ, но поздо, что совѣтъ пренебрегли,
Коимъ быть спасены отъ напасти вѣкъ могли.

* *
*

БАСЕН-

БАСЕНКА VII.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ [Сѣверный вѣтръ]

Есть слухъ, что въ нѣкій день Борей былъ съ Солнцемъ въ спорѣ
О силахъ, и притомъ о крѣпости; въ задорѣ
Ударились они другъ съ другомъ объ закладъ,
И межъ собою такъ поставили на ладъ,
Что платье кто сшибетъ съ идущаго дорогой,
Тому сильнѣйшимъ быть, и слыть тѣмъ въ славѣ многой.
Палъ жребій, чтобъ сперва Борею опытъ дать;
Который изо всѣхъ сталъ силъ своихъ свистать,
И дуть остро въ лицо идущаго случайно.
Сей слыша холодъ весь въ себѣ необычайно;
А сколь вѣтръ на него ни дулъ еще сильняй,
Столь кутался тогда одеждою плотняй.
Потомъ, какъ солнце жаръ и паръ свой напустило,
То тотчасъ и легко оно тѣмъ учинило,
Что Путникъ епанчу съ себя вотъ снялъ долой,
И растегалъ еще онъ и кафтанъ въ тотъ зной.

* *
*

БАСЕНКА VIII.

ВОРОНЪ И ЛИСИЦА.

Нѣгдѣ Ворону унесть сыра часть случилось;
На-дерево съ нимъ взлетѣлъ, кое полюбилось.

Оная

Онаго Лисицѣ захотѣлось вотъ поѣсть ;
Для тогó , домочься6ъ , вздумала такую лесть :
Вóронову красоту , перья цвѣтъ почтивши ,
И его вѣщбý еще также похваливши ,
Прямо , говорила , Птицею почтý тебя
Зевсовою впрéдки , буде гласъ твой для себя ,
И услышу пѣснь добротъ всѣхъ твоихъ достойну.
Вóронъ похвалой надменъ , имя себѣ пристойну ,
Нáчалъ , сколько можно громче , кракать и кричать ,
Чтобъ похвалъ последню получить себѣ печать :
Но тѣмъ сáмымъ изъ его носа растворенна
Выпалъ нá-землю тотъ сыръ. Лиска ободренна
Оною корыстью , говоритъ тому на смѣхъ :
Всѣмъ ты добръ , мой Вóронъ ; только ты безъ сéрдца нѣхъ.

БАСЕНКА IX.

КОРШУНЪ , ГОЛУБИ , И ЯСТРЕБЪ.

Отъ Коршуна боясь бѣдъ Голуби , желаютъ ,
Ихъ Ястребъ бы хранилъ ; его и принимаютъ ,
Съ почтенïемъ призвавъ , въ защитника себѣ ,
И больше быть не мнять отъ Коршуна въ гоньбѣ.
Но въ голубятню къ нимъ чуть Ястребъ вотъ вселился ;
Вобще на Голубей тотчáсъ онъ разъярился ,
Какъ за ослушность всѣхъ къ нему въ упрямствѣ тамъ :
А будто имъ за то для казнь должну самъ ,

Въ

Въ одинъ ихъ больше день побилъ при помъ навѣтъ,
Нежъ Коршунъ въ годъ побить возмогъ бы на полѣтѣ.

* *
*

БАСЕНКА X.

ВОРЪ И ПЕСЪ.

Лающу Собаку хлѣбомъ закармливалъ Воръ,
Какъ входилъ онъ въ нѣкїй, чтобъ окрасть, богатый дворъ.
Но ему Песъ говорилъ: хорошо, что буду
Нынѣ отъ тебя я сытъ; толькожъ гдѣ добуду
Я себѣ ужъ Хлѣба, и тогда я что поѣмъ,
Какъ ты насъ окрадешь при молчанїи моемъ?

* *
*

БАСЕНКА XI.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

Стоялъ Волкъ при рѣкѣ Ягненка выше мало.
Сего какъ съѣсть ему намѣренїе вспало,
А справедливымъ бы казалось дѣло то;
Онъ говорилъ тому бѣдняшечкѣ вотъ что:
Чего для, самъ кричитъ съ великими грозами,
Чего для воду, плутъ, ты мутишь такъ ногами,
Что вотъ ко мнѣ течетъ она вся не чиста?
Ахъ! въ страхѣ отвѣчалъ Ягненокъ; на мѣста

Изволь

Изволь, сударь, смотрѣть; стою тебя я ниже:
И потому ей течь ко мнѣ столь мутной ближе.
О! ты, Волкъ говорилъ, ужъ сталъ меня бранить,
Не помня, за языкъ какъ голову сронить
Отчишку твоему отъ казни приключилось,
Семь мѣсяцовъ чему прошло, какъ совершилось?
Я не-былъ и рожденъ тогда, сударь, еще,
Отвѣтствовалъ ему Ягненокъ. Все тоще,
Опять Волкъ подхватилъ; не тыль обширно поле
Самъ выѣлъ такъ, что нѣтъ тамъ ни былинки болѣ?
Не можетъ, государь, въ томъ быть вина моя,
Затѣмъ что безъ зубовъ живу понынѣ я.
Но Волкъ: хотяжъ, братъ, ты и отговорчивъ больно,
Однакожъ я хочу накушаться довольно.
Итакъ, за горло взявъ тотчасъ Ягненка смялъ,
И столь зарѣзалъ вдругъ, что тотъ ни проблѣялъ.

* * *

БАСЕНКА XII.

ПЕСЪ, И ЧАСТЬ МЯСА

Бѣгучи подлѣ рѣки Песъ давно голодный,
Неслужащій никому, бывшій всенародный,
Несъ часть Мяса въ зѣвѣ нѣгдѣ украденну имъ.
И какъ та играла видомъ въ тѣхъ водахъ своимъ;
То Песъ, мня что то была Мяса часть другая,
Бросился тотчасъ въ рѣку оную хватая:

Но лишь зѣвъ разинулъ, чтобъ и ту онъ ухватилъ,
Какъ тогдажъ держиму изо-рту вонъ опустилъ.

* * *

БАСЕНКА XIII.

ГОРА МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ

НАпружившись Гора изъ глубины стонала,
Какъ будто часъ насталъ родить ей, тѣмъ казала:
Сей случай всѣхъ привелъ людей въ прекрайній страхъ,
Боящихся, чтобъ какъ не задавилъ ихъ прахъ.
Но выскочила Мышь изъ той внезапнымъ спѣхомъ;
Итакъ людска боязнь скончилась общимъ смѣхомъ.

* * *

БАСЕНКА XIV.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ

ПОдавился костью острою Волкъ въ нѣкій день,
Такъ что нé-былъ въ силѣ ни завыть, да сталъ весь въ пень.
Для того вотъ Журавля нанялъ онъ ценою,
Чтобъ изъ горла ту извлечь носа долготою;
А Журавль способно службу ту и сослужилъ:
И ужъ за работу платы онъ себѣ просилъ.
Улыбаясь Волкъ тогда съ скрежетомъ зубами,
Журавлю такъ отвѣчалъ грубыми словами:

Иль

Иль тебѣ та плата кажется, мой другъ, мала́,
Что изъ Волчья зѣва голова твоя цела́?

* * *

БАСЕНКА XV.

ПОСЕЛЯНИНЪ И УЖЪ

Нашелъ Мужикъ Ужа́ едва не околѣвша,
И съ стужи ужъ почти дыханья не имѣвша:
Вотъ въ жалость вдругъ пришелъ тотъ полевой жилецъ,
Что гибнующее зрилъ животное вконецъ.
Затѣмъ онъ взялъ его подъ теплу шубы крышку,
И въ пазуху свою вложилъ подъ лѣву мышку.
Ужъ обогрѣвшись тамъ какъ силы оживилъ;
То смертно Мужика въ то мѣсто уязвилъ.

* * *

БАСЕНКА XVI

ЛЕВЪ. ТЕЛИЦА. КОЗА. ОВЦА.

Въ дружбѣ пребывали: Левъ, также и Телица,
И Овца, еще Коза прыгать мастерица.
Четверымъ всѣмъ купно въ ловлю лесъ попалъ когда;
То на ра́вны ча́сти раздѣленъ былъ онъ тогда.
Первая, Левъ говорилъ, есть моя особно:
Превосходству моему та должна́ способно.

И вторую также долженъ взять себѣ здѣсь я:
Сила той предъ вашей удостоилась моя.
Третїю себѣ за трудъ требую достойно:
Даромъ Льву себя трудить очень непристойно.
Ктожъ себѣ захочетъ получить четверту часть;
Тотъ въ мою немилость можетъ бѣдственно попасть.
Что бессильному Скоту дѣлать надлежало?
Какъ сопротивляться Льву? Иль его хоть мало
Раздражить въ то время дерзостно ктобъ захотѣлъ?
Такъ одинъ корыстью всею Левъ въ нихъ завладѣлъ.

* *
*

БАСЕНКА XVII.

ВОЛКЪ И КОЗЛЕНОКЪ.

НА пажить выходя Коза поутру съ свѣтомъ,
Козленку своему приказъ дала совѣтомъ,
Чтобъ до-вечера въ хлѣвъ дверей не отпиралъ,
И никогобъ отнюдъ къ себѣ онъ не пускалъ.
Едва она ушла, какъ Волкъ тамъ появился,
И голосомъ онъ столь, сколь можно, притворился,
Подобясь Козиму; а растворивши зѣвъ,
Просился у того Козленка очень въ хлѣвъ.
Тотъ Волку отвѣчалъ: хоть просьбобъ лобъ разбила;
Мнѣ безбородыхъ всѣхъ пускать Мать запретила.

* *
*

БАСЕН-

БАСЕНКА XVIII.

ОСЕЛЪ И ЩЕНОЧИКЪ.

Нѣкогда увидѣлъ отдыхающїй Оселъ,
Что Хозяинъ дому въ ласку крайнюю пришелъ,
Къ Собачонкѣ небольшой и на взглядъ Щеночку,
На колѣна кой вскочилъ къ оному, самъ съ кочку.
Того ради также уповалъ его привесть
И къ себѣ тошъ въ ласку, ежели потщится взлѣсть
На́-руки тогда къ нему: да и на́чалъ дѣло;
А на задни но́ги вставъ обнимаетъ смѣло.
Но беспутство видя Господинъ Осла того,
Наказалъ дуби́ной за дурачество его.

* *
*

БАСЕНКА XIX.

МИРЪ У ВОЛКОВЪ СЪ ОВЦАМИ.

Жестóка у Овецъ война была съ Волка́ми.
Тѣ, съ помощїю Псовъ, стояли бодро сами;
А часто имъ Волкóвъ случалось и збивать,
И побѣдившимъ ихъ о томъ торжествовать.
Надъ сими одержать отчаявшись побѣду,
Что нé-было имъ къ той ни малаго ужъ слѣду,
Шлютъ Волки къ тѣмъ Пословъ прося брань окончить,
И дружее їй союзъ на вѣки заключить.
Ихъ договора всѣ статьи въ томъ состояли:
Чтобъ Овцы отъ Волкóвъ за Аманатовъ взяли

 Волчом-

Волчонковъ ихъ дѣтей ; а чтобъ Волкамъ онѣ
Всѣхъ дали бывшихъ Псовъ на оныхъ сторонѣ.
Когдажъ взаимно такъ на мѣрѣ положили ;
То клятвою свой миръ законно утвердили :
Такъ начали ужé въ покоѣ Овцы быть.
Но вскорѣ какъ у нихъ случилось тамъ забыть
Волчонкамъ , что къ себѣ тѣ взяли въ Аманаты ,
Не усмотрѣвши въ томъ всего вредá и траты ,
Напали Вóлки вдругъ на беспомощныхъ тѣхъ ,
Какъ нарушившихъ миръ , сïе взводя на всѣхъ ,
И Аманатамъ какъ на здѣлавшихъ обиду ,
Хотя такъ говорить и не-было ничъ виду ;
Расхитившихжъ тогда бессильныхъ ужъ овецъ ,
И ихъ начавши рвать заѣли наконецъ.

* *
*

ПАСЕНКА XX.

РЕБЯТА И ПОВАРЪ.

Двое изъ большихъ ребятъ на поварнѣ были ,
Не послѣдни въ удальствѣ , и плутáми слыли.
Вотъ , когда тамъ Поваръ для стола все прибиралъ ,
Тутъ одинъ изъ оныхъ мяса добру часть укралъ ,
И другому отдалъ , кой въ пазуху ту сунулъ ,
Такъ искусно , какъ бы ртомъ крошечку онъ здунулъ.
Поваръ какъ на мясо обратившись посмотрѣлъ ,
И не все что было оное , уразумѣлъ ,

Да при-

Да притомъ и прямо зналъ, хоть они не рдѣлись,
Что тогда на кухнѣ тѣ только два вертѣлись,
Говорить имъ началъ, отдаливъ назадъ ту часть,
Тѣмъ что не возможно инакъ было ей пропасть.
Но принявшій кляться сталъ, что не кралъ онъ штуки;
А укравшій, что при немъ нѣтъ, и пусты руки.
Выразумѣвъ Поваръ, что бездѣльничаютъ тѣ,
Говоритъ: не знаю мяса часть дѣвалась гдѣ,
И меня легко провесть закляняясь ложно;
Толькожъ Бога обмануть вамъ никакъ не можно.

* *
*

БАСЕНКА XXI.

ПЕСЪ И ПОВАРЪ.

Вбѣжавъ въ поварню Песъ, [его не усмотрѣлъ
Въ то время Поваръ тамъ имѣя много дѣлъ]
Лежаще на столѣ тутъ сердце отъ скотины
Схватилъ, и побѣжалъ заранѣй отъ дубины.
Того, какъ говорятъ, тогда онъ проводилъ
Такою рѣчью въ слѣдъ, которою грозилъ:
Изрядно, что теперь ты могъ унесть добычу!
Но даромъ то тебѣ не пройдетъ стару хрычу:
Какъ можно, застигу тебя я гдѣ нибудь,
И палкою потщусь бока тебѣ всѣ вздуть:
Не сердце у меня унесено тобою;
Но придано къ тому, которое со мною.

* *
*

БАСЕНКА XXII.

КОЗЛЕНОКЪ И ВОЛКЪ.

Щастливо Козленокъ нѣкогда уйти успѣвъ
Отъ гонящаго Волка, въ Овчій заперся вотъ хлѣвъ.
Волкъ ушедшему туда говорилъ то слово:
Тыль спасеніе себѣ мнишь тутъ быть готово?
Глупинькой! не знаешь, что не пройдетъ день такой,
Чтобъ скотинки въ жертву не-брали здѣсь на убой.
Даромъ, отвѣчалъ ему спасшійся Козленокъ;
Тѣмъ не потрясешь моихъ никогда колѣнокъ:
Умереть весть должно; лучше кровь Богамъ пролить,
Нежели мнѣ челюсть Волчью тою напоить.

* *
*

БАСЕНКА XXIII.

ІОЖЪ И ЕХІДНА.

Впросился въ нору Іожъ къ Ехіднѣ жить зимою.
И какъ въ той тѣснотѣ своею остротою,
Щетинамъ что его природная всегда,
Кололъ Ехідну столь, что дѣться та куда
Не знала отъ бѣды; то стала по премногу
Просить Іожа она, чтобъ хижину убогу,
И тѣсную ея, оставить восхотѣлъ,
А индѣбъ гдѣ себѣ жилище изобрѣлъ;

За тѣмъ

За тѣмъ что обоимъ въ норѣ ея вмѣститься
Не можно имъ никакъ, ни въ ней поворотиться,
Но ёжъ ей говорилъ: кому здѣсь тѣсно жить;
Тотъ воленъ изъ норы вонъ тотчасъ выходить:
Но у меня отнюдъ, итти прочь, нѣтъ охоты.
Когдажъ не видитъ тутъ себѣ Ехидна льготы;
То можетъ та сама отсюду вонъ пойти,
И мѣсто для себя покойное найти.
Такъ гостя та къ себѣ пустивши толь не въ пору,
Принуждена была сама покинуть нору.

* *
*

БАСЕНКА XXIV.

СЫНОКЪ И МАТЬ

Всякъ день вбудни Малчикъ въ школу къ мастеру ходилъ.
Тамъ когда тетратки каждый такъ не хоронилъ
Ученикъ, какъ надлежитъ, въ ящикъ за замочикъ,
Оныя тотъ кражей бралъ добринькой Сыночикъ,
И домой всеежедневно къ Матери носилъ своей.
Кража та ребячья нравилась толь много ей,
Что не только никогда Сына не стегала,
Да и окриковъ за ту съ бранью не давала.
Воровать тотъ въ маломъ утвердилъ свою какъ страсть,
Такъ ужъ и большое, выросши большой, сталъ красть.
Нѣкогдажъ на воровствѣ явномъ онъ пойманъ:
А на пытку много разъ бывши въ томъ подыманъ,
На-смерть напослѣдокъ достодолжно осужденъ,
И на мѣсто казни прямо былъ ужъ приведенъ.

 Вотъ

Вотъ, когда увидѣлъ тамъ Мать свою стоящу,
И отъ сердца ту по немъ горесно слезящу,
Палача усильно начал онъ тогда просить,
Чтобъ его проститься съ Матерїю допустить.
То позволено ему. Къ ней лишъ протѣснился,
Какъ къ ея онъ уху ртомъ тотчасъ прислонился,
Будто какъ бы тайно нѣчто ей сказать хотѣлъ;
А въ такомъ прицѣлѣ ухо все прочь и отъѣлъ.
Всѣ за то, не только Мать, на него восстали,
И какъ нечестивца всѣжъ Вора проклинали.
Надобно причину стало объявить ему,
Коя справедливо привела его къ тому;
Вотъ же что и говорилъ: Я ей отмщеваю
За сїю поносну смерть, коей умираю:
Еслибъ за тетрашки, въ малолѣтствѣ что кралъ я,
Былъ хотя однажды прутомъ сѣченъ отъ нея;
То ужъ красть бы больше мнѣ было не угодно,
И севоднибъ не висѣть въ петлѣ всенародно.

* *
*

БАСЕНКА XXV.

ЧЕЛОВѢКЪ И ИСТУКАНЪ.

Лишъ нѣкто посвятилъ домашнїй Истуканъ,
[Сей деревянный богъ не знаю какъ былъ званъ];
То началъ онъ тому съ почтенїемъ молиться,
Прося, чтобъ тотъ надъ нимъ изволилъ умилиться,
И далъ бы на житье достатокъ весь прямой,
А онъ къ тѣмъ будетъ щедръ, что ходятъ въ дверь съ сумой

Всея

Всегдажъ тому молясь подобными словами ,
Самъ новыми всякъ день красилъ его вѣнками.
Но долго такъ чиня былъ равно все убогъ ,
За тѣмъ что ничего не жаловалъ тотъ богъ.
Вотъ осерчавъ , предъ нимъ что втуне лобъ свой парилъ ,
Згребъ за-ноги его и о-землю ударилъ.
Послучаю , болванъ какъ на-землю упалъ ,
То головою тамъ на камень онъ попалъ.
Изъ трѣснувшей числомъ кладъ высыпался многимъ ,
И столь , что тотъ не могъ молебщикъ быть убогимъ.
Онъ подбирая кладъ въ веселіи своемъ ,
Въ насмѣшкѣ укорялъ Кумира словомъ тѣмъ :
Безуміе твое , божокъ , есть непонятно !
Ты чтущему тебя мнѣ не-далъ что пріятно :
А нынѣ , какъ ужъ я тебѣ столь досадилъ ,
Безмѣрно вотъ за то меня обогатилъ.

БАСЕНКА XXVI

СТАРИКЪ И СМЕРТЬ

Дровъ насѣкъ Старикъ въ лѣсу : а связавъ въ беремя ,
Поднялъ на плечá , и шолъ въ домъ въ пристойно время.
Съ ношею бредъ долго ; выбился почти изъ силъ :
Для того вязеньку нá-землю онъ положилъ.
Тамъ на оную когда сѣлъ , и отдыхаетъ ;
Вотъ межъ тѣмъ одинъ съ собой въ мысли рассуждаетъ
Всю свою онъ бѣдность , и вопервыхъ что ужъ старъ ,
Одинакъ , а скудость здѣлала пустымъ анбаръ.

Онъ

Отъ печали началъ звать Смерть къ себѣ упрямо,
Чтобъ пришла къ нему она поспѣшая прямо,
И отъ всѣхъ бы тяжкихъ нынѣ нуждъ его взяла.
Смерть, услышавъ прозьбу, тотчасъ къ оному пришла;
И зачемъ бы звалъ онъ ту, спрашиваетъ точно.
Но Старикъ Смерть предъ собой видя незаочно,
Испужался очень, и тренеща отвѣчалъ:
Ни зачемъ, какъ только, милость ктобъ мнѣ показалъ,
Пособляя на плечá положить вязéльку,
Я котору наложилъ больно тяжеленьку.

* *
*

БАСЕНКА XXVII

СТАРУХА БОЛЯЩАЯ ГЛАЗАМИ

Глазами какъ была Старушечка больнá;
То Лѣкаря къ себѣ въ домъ призвала она.
Чтобъ вылѣчиться ей, и не смотря на трату,
Довольную ему та обѣщала плату.
Сталъ пользовать ея тотъ Лѣкарь нанятой;
И мастью онъ глазá по всякъ день мазалъ той:
А какъ вотъ оставлялъ ничкомъ ту на постелѣ,
И въ темнотѣ всегда, по всемъ своемъ томъ дѣлѣ;
То что нибудь съ собой у ней втай уносилъ,
Изъ платья, иль что тутъ изъ серебра схватилъ.
Грабленіе сіе та чувствуетъ больная.
Когдажъ не стала быть ужъ больше невидная?
Увидѣла, что домъ ея оставленъ пустъ,

Сколь

Сколь ни-былЪ прежЪ того обильностїю густЪ.
ВотЪ ЛѢкарь кЪ ней пришолЪ : самЪ проситЪ за работу;
И говоритЪ , что та всю получила льготу :
А шлется онЪ на всѢхЪ стороннихЪ вЪ томЪ людей ,
Что вылѢчены ужЪ совсѢмЪ глаза́ у ней.
Не правда , другЪ , твоя , ему та говорила :
Я безЪ твоей цѢльбы глазами лучше зрила :
Я видѢла вещей довольно у себя.
А какЪ взяла кЪ себѢ я ЛѢкаремЪ тебя ;
То ничего отнюдЪ , симЪ словомЪ не обижу ,
ВЪ дому , по твоему столь зрячая , не вижу.

* *
*

БАСЕНКА XXVIII

НЕДРУГИ

Совокупно двое ѢхалИ на кораблѢ ;
МежЪ собоюжЪ были вЪ крайнѢйшемЪ недружбы злѢ :
ТамЪ одинЪ изЪ нихЪ сидѢлЪ на носу за спором ;
А другой тутЪ мѢсто взялЪ на кормѢ сЪ приборомЪ.
ВотЪ пресильна буря стала море волновать ,
И Корабль валами всеконечно разбивать.
КакЪ отчаялись ужЪ всѢ , что спастись не можно ,
И что потонуть пришло всѢмЪ тогда неложно ;
То , кой находился на кормѢ , Пловца спросилЪ ,
Коей прежЪ онЪ ча́стиюЪ Корабля погрузнуть мнилЪ ?

КорМ-

Коршщикъ отвѣчалъ, что носъ напередъ потонетъ.
На сїе тотъ: пусть меня въ море смерть поглонетъ,
Мнѣ жизнь становится не весьма ужъ дорога,
Тѣмъ что я увижу гибель моего врага.

*　*
*

БАСЕНКА XXIX.

КОТЪ И МЫШИ

Отъ множества Мышей, въ чьемъ домѣ неизвѣсно,
Живущимъ въ немъ и страхъ, и было всѣмъ невмѣсно.
О семъ какъ добрый Котъ, по духу тѣхъ, узналъ;
То переселился въ домъ туда, и жить въ немъ сталъ:
Чрезъ нѣсколько дней тамъ ловя Мышей трудился,
И оными всегда онъ до-сыта питался.
Напаствуемый Гадъ тѣмъ смертоносным зломъ,
Увидѣлъ, что всякъ день ихъ меньше есть числомъ;
Что тотъ проворный Котъ ихъ всюду уловляетъ,
И что ихъ рядомъ всѣхъ онъ люто истребляетъ:
То положили всѣ такъ межъ собой онѣ,
Чтобъ имъ не выходить изъ норъ, а жить на днѣ,
За тѣмъ что Котъ притти не можетъ къ каждой въ нору,
Ни въ свѣтъ, ни въ темноту, и ни въ какую пору.
Котъ видя, что его со всѣмъ сталъ мышїй ловъ,
На нихъ обманомъ всѣхъ такой копаетъ ровъ:
Повѣсился на гвоздь онъ лапами одними,
А протянулся въ низъ передними своими,
Показываясь тѣмъ, что будто онъ издохъ,
И больше ужъ Мышей ловить тогда не могъ.

Ув.

Увидѣвши того одна Мышь, говорила:
Хоть мѣхомъ бы тебя я, другъ мой, усмотрила,
Однако, зная сколь намъ отъ тебя вредѣ,
Не подойду къ тебѣ я близко никогда.

* *
*

БАСЕНКА XXX.

МЕСКЪ

Какъ овсомъ на стойлѣ въ тукъ Мескъ ужé отѣлся;
Матерïю онъ тогда очень разгордѣлся.
Началъ ужъ стремиться, также какъ она, скакать.
Да и величался: кобылица мнѣ есть мать,
Въ бѣганïи толь быстра, коея не ниже
Я и самъ въ томъ, сколь я съ ней родомъ сходенъ ближе.
Но когда настала нужда, чтобъ рыскать ему,
То къ отцу сталъ въ думѣ обращаться своему,
И припоминать, что онъ, больно утружденный,
Въ свѣтъ лѣнивѣйшимъ Осломъ прямо порожденный.

* *
*

БАСЕНКА XXXI.

ЛЕВЪ ЖЕНИХЪ

Въ Дѣвицу нѣгдѣ Левъ влюбился не смѣхомъ,
И захотѣлъ ей быть онъ вправду Женихомъ:

Затѣмъ

Затѣмъ къ отцу ея пришедъ тогда нарочно ,
Ту проситъ за себя отдать въ замужество точно.
Отецъ Льву отвѣчалъ : твоимъ ли я отдамъ
Ногтищамъ такъ кривымъ , и острымъ толь зубамъ
Мою въ замужество дочь толь нѣжную всѣмъ тѣломъ ?
И можетъ ли сїе быть неопаснымъ дѣломъ ?
Безъ тѣхъ бы впрочемъ мнѣ ты былъ достойный зять ;
И можнобъ дочь мою тебѣ женою взять.
Левъ отъ любви своей почти ума лишился ;
Чего для , какъ просилъ Отецъ тотъ , не щитился ;
И пазногти свои тому далъ срѣзать онъ
А зубы молоткомъ всѣ - на́ - все выбить вонъ.
Итакъ тотъ Человѣкъ легко Льва побѣждаетъ,
Потомъ, ударивъ въ лобъ долбнею, убиваетъ.

* * *

БАСЕНКА XXXII.

ПѢТУХИ.

Межъ собою двое въ домѣ Пѣтуховъ дралисъ ,
Такъ что оба кровью съ головы до ногъ лились :
Та за курицу у нихъ сильна драка стала.
Но какъ быть межъ ними ужъ битва перестала :
То, кой збитъ былъ съ по́ля, и совсѣмъ разбитъ, Пѣтухъ,
Спрятался съ печали и съ стыда въ пустой котухъ.
Побѣдительже тогда на заборъ взлетѣвши ,
И сколь можно громче тамъ Кукорѣку пѣвши ,

Крыльями своими трепещался въ торжествѣ,
И себя не видѣлъ лучшаго онъ въ естествѣ:
Вотъ Орелъ его схватилъ вдругъ унесъ съ забора.
Такъ ушедшій отъ того въ даль Пѣтухъ съ зазора,
И отъ всѣхъ насѣстей, и курячьихъ всѣхъ хлудинъ,
Курицами всѣми пользоваться сталъ одинъ.

* *
*

БАСЕНКА XXXIII.

ДРОВОСѢКЪ И МЕРКУРІЙ.

Сѣкъ нѣкто при рѣкѣ дрова на бытъ домовой,
Бесщасно опустилъ Топоръ тамъ въ воду новой.
Не зная что чинить въ тотъ гореснѣйшій часъ,
Лилъ слёзы по лицу горючие изъ глазъ.
Нечаянно тогда Меркурій самъ явился,
Узнавшижъ случай слезъ надъ бѣднымъ умилился:
Затѣмъ нырнулъ онъ въ глубь; а вынырнувъ изъ той,
Держалъ въ рукѣ Топоръ, но токмо золотой,
И спрашивалъ того онъ Плаксу не со властью,
Что, сей ли есть Топоръ опущенъ по бесщастью?
Отрекся Дровосѣкъ. Меркурій вновь для слезъ
Нырнулъ, и съ дна Топоръ серебреной изнесъ:
Но не призналъ за свой ни онаго тотъ равно.
Меркурій въ третій разъ спустился въ низъ исправно,
И вынесъ ужъ оттоль желѣзный тотъ Топоръ.
Тогда вотъ Мужику ненуженъ сталъ отпоръ,

За тѣмъ онъ закричалъ съ веселїемъ : Тотъ точно,
Который мною былъ утоплен не нарочно.
За совѣсть ту его , что Богъ въ немъ чисту зрилъ ,
Ему всѣ Топоры щедротно подарилъ.
Когдажъ сей Мужичокъ расказывалъ то многимъ
Татарыщамъ своимъ , крестьянамъ же убогимъ ;
То вотъ одинъ изъ нихъ , мня взять корысть таку ,
Топоръ свой утопилъ нарочно въ тужъ рѣку ,
И сѣвъ на берегу тамъ плакалъ неутѣшно.
Явился и ему Меркурїй также спѣшно :
А плача онъ его причину какъ узналъ ;
То вскорѣ и нырять по прежнему въ глубь сталъ.
Нырнувшижъ въ первый разъ несъ золотый наружу :
Мужикъ возмнилъ чрезъ то прогнать свою всю нужу ,
И спросу не ождавъ , ТОТЪ-ТОТЪ , вдругъ завопилъ ,
Кой не нарокомъ я въ рѣкѣ здѣсь утопилъ.
Но презривъ Богъ ту ложь бесстыдну Мужикову ,
Съ тѣмъ въ воду Топоромъ тотчасъ укрылся снову ,
И больше ужъ на верьхъ не выходилъ ни съ чемъ ;
А тотъ Мужикъ лишенъ и собственнаго тѣмъ.

* *
*

БАСЕНКА XXXIV.

ЛИСИЦА И ВIНОГРАДНА КИСТЬ.

Вiноградна Кисть въ верьху на лозѣ висѣла.
Но когда Лисица тамъ ону усмотрѣла ;
То съ земли вотъ стала не однажды въ верьхъ скакать ,
Прилагая силы къ силамъ , чтобъ ея достать.

Измено-

Изнемогшая вконецъ, толькожъ безъ успѣха,
И какъ будто ей была въ томъ сія утѣха,
Что прочь отходящи говорить такъ начала:
Ягода ветъ эта нынѣ очень не спѣла!
Мнѣ хотябъ и на пути гдѣ она попалась,
Такжебъ отъ зеленой прочь я итти пошщалась.

* *
*

БАСЕНКА XXXV.

МЫШІЙ СОВѢТЪ

Такъ Мыши всѣ кладутъ сошедшись на совѣтъ,
Чтобъ Колокольчикъ имъ, въ неложный всѣмъ извѣтъ
Отнынѣ привязать къ Ловцу Коту на шею:
Всѣ цѣлы будутъ жить повѣсткою тѣ сею;
Лишъ Котъ тѣмъ зазвенитъ, хоть сколько онъ ни скоръ,
Заранѣй убѣжать возможно имъ до норъ.
Хотяжъ онѣ совѣтъ сей обще полюбили;
Но ктобъ въ нихъ навязалъ Коту, не находили.

* *
*

БАСЁНКА XXXVI.

ОБЕЗЬЯНА И ОРѢХИ.

Вкусъ Орѣховъ Бѣлка похваляла завсегда:
Слыша Обезьяна, захотѣла вотъ плода.

Чтожъ бы ей вкусить овощъ, нивѣсть какъ искала;
Напослѣдокъ на Орѣхъ нѣгдѣ та напала.
Съ жадности великой кинула вдругъ оный въ ротъ,
И тотчасъ тамъ стала обращать зубами тотъ.
Сперва горесть шелухи ей не показалась;
А потомъ и скорлупы, хоть и попыталась,
Но за жестотою не разгрызла въ немъ она.
Думая, что Бѣлкой на-смѣхъ та проведена,
Выплюнула вонъ, самажъ очень огорчилась:
Тѣмъ и сладости въ ядрѣ не трудясь лишилась.

* *
*

БАСЕНКА XXXVII.

ЛЕВЪ ПРЕСТАРѢЛЫЙ.

Пришедши въ старость Левъ безмѣрно слабымъ сталъ;
А силы потерявъ чуть члены ужъ таскалъ.
Тогда скоты его не только презирали,
Но на него ужé и сами нападали;
И такъ, что ужъ Оселъ въ скотахъ всѣхъ какъ холопъ,
Копытомъ улягнуть не постыдился въ лобъ.
Хотяжъ то было Льву по правдѣ и досадно;
Но говорилъ: безъ силъ терпѣть мнѣ больше складно.

* *
*

БА-

БАСЕНКА XXXVIII.

ВОРОНА ЧВАНЯЩАЯСЯ ЧУЖИМИ ПЕРЬЯМИ.

Набрала Ворона перышекъ отъ прочихъ птицъ ;
Убралась та всѣчи съ низу вверьхъ безъ мастерицъ :
Величаться начала сею пестротою ,
Презирая птичекъ всѣхъ въ томъ передъ собою.
Ласточка всѣхъ прежде перышко на ней свое
Усмотрѣвши , тотчасъ вырвала , сказавъ : МОЕ.
То увидѣли когда и другїе птички ,
Щебетливы по большой части тѣ пѣвички ,
Начали Ворону сами также всѣ клевать ,
И свои природны перышка съ нея срывать ;
Такъ что наконецъ ея всю ужъ обнажили ,
Чемъ всѣхъ общe и себя ею насмѣшили.

*
*

БАСЕНКА XXXIX.

БРЮХО И УДЫ.

Случилось Членамъ всѣмъ такъ на-Брюхо роптать :
Ужъ долголь намъ тебя Лѣнтяя всѣмъ питать ?
Мы больше не хотимъ тебѣ въ такой быть службѣ ,
И не желаемъ жить съ тобой отнынѣ въ дружбѣ.
Но пища у него какъ отнята вся вдругъ ;
То ослабѣли всѣ и Уды сами вкругъ.

Итакъ тогда они, что бѣдно погибали,
Раскаялись о томъ, а зависть проклинали.

* * *

БАСЕНКА XL.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Левъ когда съ великой старости весь ослабѣлъ,
И ловить ужъ звѣря въ пищу силы не имѣлъ;
Вымысломъ питать себя хитрымъ начинаетъ,
Именножъ, что будто онъ слегъ, и умираетъ.
Вѣсть когда промчалась объ его болѣзни той;
Шли къ нему всѣ звѣри съ навѣщенiемъ въ покой,
Сей престрашный былъ вертепъ, гдѣ лежалъ притворно:
Въ томъ входящихъ поклалъ Левъ всѣхъ безразборно.
Такъ чрезъ долго время содержалъ свою жизнь онъ;
И что съѣстъ тамъ звѣря, больше рыкомъ дѣлалъ стонъ.
Послѣ какъ звѣрей онъ тѣмъ много съѣлъ надъ мѣру;
И Лисица вотъ пришла также предъ пещеру:
Но въ нея не вшедши стала вдругъ предъ устьемъ путь,
Видя, что внутрь прямо только всѣ слѣды ведутъ.
Левъ, кой равно и ея скушать нарохтился,
Проситъ оную войти, съ нею бъ онъ простился;
И за чѣмъ та медлитъ, спрашиваетъ самъ у ней.
Но отвѣтъ Лисица оному сказала сей:
Что я вижу только внутрь здѣсь слѣдовъ довольно;
То меня, не погибаясь, устрашаетъ больно.

* * *

БАСЕН

БАСЕНКА XLI.

ПТИЧНИКЪ И ЗМІЯ.

Чуть Птичникъ въ лѣсъ пришолъ съ своимъ приборомъ всѣмъ
Чтобъ Птичекъ наловить, и только сѣлъ лишь съ тѣмъ
Какъ на-деревѣ онъ Дрозда́ увидѣлъ близко:
Вотъ ставитъ онъ Силокъ; а съ руку гдѣ и низко,
Тамъ смазываетъ всѣ Сучки́ своимъ клейко́мъ.
И только смотритъ въ верьхъ, поймалсялъ Дроздъ Силко́мъ.
Между тѣмъ на Змію, лежащу подъ травою,
Онъ наступилъ тогда тамъ невзначай ногою:
Та раздражившись тѣмъ, ужалила его.
Онъ чувствуя себѣ смерть скору отъ того,
Сказалъ: ахъ горе мнѣ! Другихъ ловя въ обманы,
Скорѣй самъ уловленъ, и гибну я отъ раны.

* *
*

БАСЕНКА XLII.

ПЕСЪ И ВОЛКЪ.

Волкъ дивясь безмѣрно Псову туку и красѣ,
Говорилъ: сколь, братецъ, жизни твоея дни всѣ
Щасливо всегда текутъ! И что въ этомъ тукѣ
Не бываешь никогда голодомъ ты въ мукѣ!
На сіе Песъ Волку: пойдемъ въ городъ, ну со мной;
То и самъ ты будешь, ра́вно какъ и я, такой.
Вотъ когда тѣ шли путемъ, Волкъ смотря́ ловче́е,
Вытертую шерсть у Пса усмотрѣлъ на шеѣ.

Дляшого шакъ началъ спрашивашь Пса: не въ осудъ,
Брашецъ, что слово; знашно носишь шы хомушъ,
Что шакъ шея у шебя вытерша до кожи!
Песъ ему тушъ отвѣчалъ: рѣчи шѣ не гожи;
Не хомушъ трешъ шею, но ошейникъ, шѣмъ что днемъ
Въ цепь меня сажаюшъ; ночью нѣ-былъ бы я вѣмъ.
Волкъ шошчасъ: прощай, сказалъ; будь же шы и въ холѣ:
Щасшья не хочу отшюдъ, чшобъ не бышь въ неволѣ.

* *
*

БАСЕНКА XLIII.

ЛИСИЦА И ЛЕВЪ

Не видывала Льва Лисица никогда:
По случаю ша съ нимъ въ другъ всшрѣшилась когда;
То шакъ его она безмѣрно усшрашилась,
Что съ сшраха почишай и жизни всей лишилась.
Вшоричножъ какъ ужѣ увидѣлась ша съ нимъ;
То съ сшрахомъ пребыла, но впрочемъ не съ шакимъ,
А шрешьи шажъ къ нему какъ на глаза попала:
То подошла, и съ шѣмъ рѣчь говоришь шамъ сшала.

* *
*

БА;

БАСЕНКА XLIV.

ЛЖИВЕЦЪ.

Недоросль Дѣтина, состоянïемъ Пастухъ,
Лживецъ отъ природы, и такой имѣя духъ,
Часто пóмощи просилъ у другихъ нарокомъ,
Бушто Волки на Овецъ вдругъ набѣгли скокомъ:
Многажды въ игрушкахъ проводилъ онъ Пастуховъ,
Бѣгавшихъ на пóмощь къ оному противъ Волковъ.
Напослѣдокъ вправду Волкъ прибрался ужъ къ стаду;
Вотъ неложно и тому нужно стало чаду,
Пóмощи съ слезами у таварыщевъ просить,
И молить ихъ скорость, и сколь можно голосить.
Слышавшïи крикъ его также мня игрою,
Какъ и прежде дѣлалъ онъ, а не впрямь бѣдою,
Съ смѣхомъ отвѣчали: Не обманешь молодецъ!
Такъ Волкъ всѣхъ нарѣзалъ въ стадѣ у него Овецъ.

* *
*

БАСЕНКА XLV.

ПЕСЪ ВЪ ЯСЛЯХЪ

Собака щéря ротъ, и часто лая злилась,
А иногда къ быкамъ и въ ясли та ложилась.
Волы, боясь ея, не смѣли сѣна ѣсть,
За тѣмъ принуждены вседневно голодъ несть.

Тогда одинъ изъ нихъ такъ говорилъ Собакѣ :
Не зависть ли твоя ? веть мы съ тобой не въ дракѣ,
А къ кóрму ты сему не допускаешь насъ ,
Котораго тебѣ не ѣсть по смерть ни разъ .

* *
*

БАСЕНКА XLVI.

ВДОВА И СЛУЖАНКИ

Нѣкая Вдова себя тѣмъ и содержала ,
Что полóтна только въ рядъ самы тонки ткала :
Для того Служанокъ разбужала въ ночь всегда ,
Лишь сама услышитъ , Пѣтухи вспоютъ когда.
Долговременны трудá всѣхъ тѣхъ изнурили :
Потому между собой обще положили ,
Пѣтуха , кой въ домѣ находился , чтобъ убить
Такъ ужъ онъ не станетъ рано Госпожу будить
Но исполнившимъ сїе хуже всѣмъ имъ стало :
Госпожа , боясь чтобъ какъ вдругъ не рассвѣтало,
Тѣмъ что та не знала времени когда вставать ,
Подымала прежде пóлночи Служанокъ , ткать.

* *
*

БАСЕНКА XLVII.

ОСЕЛЪ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖѢ

Во Львиную Оселъ какъ нарядился Кожу,
И ею онъ покрылъ задъ, ноги, спину, рожу;
То въ той онъ устрашалъ, какъ Левъ, вездѣ звѣрей,
А индѣ приводилъ чрезъ то въ страхъ и людей.
Усмотрѣнны потомъ, сверьхъ головы и туши,
Тѣ долгія его, Ослу природны, уши,
Вотъ обличили тѣмъ, что онъ и весь Оселъ,
И только на себя ту Львину Кожу вздѣлъ,
Чтобъ недостойно всѣхъ страшилъ онъ, и гордился,
И всюдубъ, гдѣ ни шолъ, незнающими чтился.
Такъ признанный Оселъ, битъ прежде дубиной,
На мѣльницу потомъ съ глазъ тотчасъ сбитъ долой.

БАСЕНКА XLVIII.

КУРИЦА НЕСУЩАЯСЯ ЗОЛОТЫМИ ЯИЦАМИ

Въ домѣ женщина своемъ Курицу кормила;
Золотое Яицо всякъ день та сносила.
Мня, что все набито брюхо золотомъ у ней,
И что только бычи драгости одлѣ во всей,
Рассудила ту убить, да и убиваетъ:
Но что въ прочихъ; въ той она только обрѣтаетъ.

Такъ,

Такъ, хотя богатства много вдругъ себѣ набыть,
Все и небольшое возмогла тѣмъ погубить.

* *
*

БАСЕНКА XLIX.

ЛѢШІЙ И МУЖИКЪ

Изъ Лѣшихъ нѣкто чуть ужъ незамерзъ зимою,
За лютостію стужъ, да и за наготою:
Увидѣвшій Мужикъ его взялъ въ домикъ свой,
Въ избушку теплу ввелъ, и мѣстичко далъ въ той;
Самъ руки приложивъ къ устамъ своимъ, въ нихъ дуетъ,
Дивился Лѣшій тотъ; и мня что онъ балуетъ,
Причины у него тому дутью спросилъ.
Мужикъ ему на то какъ гостю доносилъ,
Что руки онъ свои озяблые тѣмъ грѣетъ.
Сказалъ а самъ на столъ, въ печи что ни имѣетъ,
То совокупно все тогда вотъ началъ несть,
И Лѣшаго съ собой за столъ зоветъ онъ ѣсть.
Сѣлъ Лѣшій съ нимъ тотчасъ. Мужикъ сперва изъ чаши
На ложку почерпнулъ себѣ горячей каши,
А ко рту своему принесши дуть же сталъ.
Вотъ Лѣшій, пуще ужъ дивясь, еще спрошалъ:
Чегобъ онъ ради дулъ, и такъ то жарко было?
Мужикъ шутъ отвѣчалъ: чтобъ жаркое простыло.
Вскочилъ изъ-за стола тогда тотъ Лѣшій вдругъ,
И говорилъ: прощай, прощай на вѣкъ, мой другъ:
Я не хочу пробыть здѣсь только и часокомъ,
Не то, чтобъ вѣкъ жить съ такимъ мнѣ человѣкомъ,

У коего

У коего изъ устъ однихъ, да не одно;
А именно сказать: ТЕПЛО И СТУДЕНО.

* * *

БАСЕНКА L.

ПАУКЪ И ПОДАГРА.

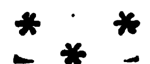
Нѣкогда отсталъ Паукъ отъ трудовъ и дѣла;
А собрався, вдаль пошолъ, мысль куда велѣла.
Съ нимъ сошлась Подагра; купно началаж̀ъ итти,
Чуть-чуть успѣвая слѣдовать за нимъ въ пути.
Въ первый день дорóгу тѣ тáкъ-сякъ совершили,
И въ Препутье городокъ пóдъ-вечеръ вступили.
Пѣшеходцы оба вознамѣрились искать
Тамъ домовъ пристойныхъ, порознь гдѣбъ имъ ночь проспать
У немногихъ въ томъ Паукъ стукавшись просился;
Вотъ къ богатому жильцу вскорѣ въ домъ вселился.
Всюду нáчалъ сѣтки растягать онъ тамъ свой;
Но тотчáсъ явились, кои щотками слой,
Многихъ оныхъ паутинъ, часто обметали,
И вездѣ тому ткачý мѣста не давали.
Такъ что хоть безмѣрно много полагалъ трудá,
Да ему отъ щотокъ скорая была бѣда
При обиліи тамъ всемъ былъ одинъ онъ скуденъ,
Тѣмъ что способъ, гдѣбъ ему утвердиться, труденъ.
Чтожъ вотъ до Подагры; къ Нищему насилу та
Въ хижинку впросилась, въ коей смрадъ и духота.
Бѣдности претерпѣвать всѣ тутъ надлежало·
Захотѣвшей же поѣсть, черствую и мало

Подано

Много ль хлѣба, а и пить данб воды,
И, за пѣшеходны чрезъ тотъ цѣлый день труды,
Мѣсто ей отводятъ спать на дощенкахъ голыхъ,
Въ сѣнишкахъ со всѣхъ сторонъ почитай ужъ полыхъ.
Не сказать не можно: нѣжнымъ членамъ все ея
Въ той лачушк.. было сопротивно для спанья.
Но прекрасное когда, око дней, свѣтило,
Златозарна круга зракъ токмо что явило;
То Паукъ съ Подагрой вмѣстѣ вотъ опять сошлись,
И о всѣхъ нещастьяхъ обстоятельно снеслись.
Прежде рассказалъ Паукъ той безгоды ночи:
Перемѣны мѣстъ своихъ, какъ лишился мочи
Бѣгая повсюду; господинъ сколь тѣхъ палатъ
Чистоту въ нихъ любитъ: а что превесьма богатъ,
То слуги всѣ у него скороспѣшно метки,
И какъ матери одной тѣ по платью дѣтки.
Вопреки Подагра сказываетъ о своемъ
Бѣдствіи велиькомъ, и что крайно голь голъёмъ
Тотъ хозяинъ гдѣ она ночь ту ночевала;
Да и пятна отъ досокъ на . тѣлѣ казала.
Впрочемъ должны были далѣе они брести;
А Подагрѣ нужно стало крайній въ ходѣ трудъ нести.
Наконецъ вотъ прибрели въ вечеръ въ городъ славный;
Тамъ Подагра ужъ вошла въ домъ богатствомъ главный.
Лишь ея увидѣлъ у себя самъ господинъ;
Небо! какъ встрѣчаетъ прежде всѣхъ тогда одинъ!
Коль и благосклонно ту воспріемлетъ гостью!
Тотчасъ онъ ей подаетъ подпираться тростью!
А приведъ къ постелѣ посадилъ на пуховикъ!
До услугъ приставивъ цѣлый къ ней рабовъ онъ ликъ!
Повелѣлъ на столъ накрыть скатерть чисту, гладку!
И поставить пищу ей разныхъ вкусомъ сладку!

Ужъ

Ужъ и пить подноситъ вина добрыя не разъ!
И чего ша спроситъ, не-былъ ничему отказъ!
Словомъ, роскошей какихъ ни нашелъ Свѣшъ новыхъ,
Видѣла Подагра всѣ пушь себѣ въ готовыхъ.
А Паукъ въ домъ бѣдный вшедши, вольно плелъ и шкалъ,
И повсюду сѣши по стѣнамъ самъ растыкалъ;
Прилѣжитъ весьма къ труду, и объ немъ радѣетъ:
Порвалось ли что? Опять въ силахъ не слабѣетъ,
Тотчасъ то скрѣпляетъ: не доконченоль что гдѣ?
Все въ успѣхъ приводитъ, и свершаетъ все вездѣ.
Вкратцѣ, властелиномъ въ нищемъ домѣ сталъ онъ такъ,
Что обчесть вдругъ трудно, паутинъ сколь свилъ, и какъ;
Не боясь же никакихъ бѣдъ и щотокъ вѣки,
Всюду тамъ яицъ накладъ цѣлыя сусѣки.
Долго въ томъ пространствѣ веселъ пребывалъ Паукъ:
И Подагрѣ также не-было въ богатствѣ мукъ.
Свидѣлись между собой, какъ прошло дней много:
Вотъ Подагра говоритъ, что ей не убого,
Но преизобильно въ домѣ славномъ пожилось;
А Паукъ Подагрѣ, что и оному нашлось
Мѣстичко его житью тамъ безъ мѣры сродно,
Гдѣ роскошествовалъ онъ самъ, какъ ему угодно.
Выслушавъ другъ друга, положили межъ собой,
Что какъ имъ случится вмѣстѣ въ путь итти другой,
То чтобъ Пауку всегда къ подлымъ уклоняться,
А Подагрѣ къ богачамъ въ Терема вселяться.

БАСЕНКА LI.

САМОХВАЛЪ.

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
А не было его тамъ почитай лѣтъ съ пять;
То завсе предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся больно,
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему
Подобнаго во всемъ, ни ровни по всему:
А больше что плясалъ онъ въ Родосѣ исправно,
И предпочтенъ за то отъ Общества преславно,
Въ чемъ шлется на самихъ Родосцовъ нынѣ всѣхъ,
Что почесть получилъ великую отъ тѣхъ.
Изъ слышавшихъ одинъ ту похвальбу всегдашню,
Сказалъ ему: что намъ удачу знать тогдашню!
Ты къ Родянамъ о томъ пожалуй не пиши:
Здѣсь Родосъ для тебя, здѣсь нутка поплаши.

КОНЕЦЪ БАСЕНКАМЪ

и Первому Тому.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран. 163 строк. 13. напечатано: муІскію читай: мусікію
184. 15 : ибо что : ибо
206. 2. снизу : невишная? : невишная;

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НА ПЕРВЫЙ ТОМЪ

Стран:

Х ЧЛЕНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧЛЕНЪ I.

ЧЛЕНЪ II.

ЧЛЕНЪ III.

ЧЛЕНЪ IV.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О СТИХѢ ТЕТРАМЕТРѢ, ТРІМЕТРѢ И ДІМЕТРѢ.

ЧЛЕНЪ I.

ЧЛЕНЪ II.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧЛЕНЪ I.

ЧЛЕНЪ II.

ЧЛЕНЪ I.I.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О РІѲМѢ И ВОЛЬНОСТИ СЛОВЪ

ЧЛЕНЪ I.

ЧЛЕНЪ

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О разныхъ Поэмахъ Стіхами сочиняемыхъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

§. 25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XI.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

